

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№

111

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2011

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2011

ИЮЛЬ •

АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Адашинская А.А.</i> (Москва). К интерпретации последнего чуда из феодосиевого жития св. Саввы.....	3
<i>Герасимова И.В.</i> (Санкт-Петербург). Проблема научной достоверности публикаций документов Разрядного приказа о Вильне под властью русских воевод (1655–1661) в XIX веке....	16
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Национализм и его вариации в маршах эпохи (младороссы).....	28
<i>Хорев В.А.</i> (Москва). «Тарас Бульба» в Польше.....	37
<i>Лескинен М.В.</i> (Москва). Этнокультурная и лингвистическая классификации народов в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.). Теоретический аспект.....	43
<i>Вин Ю.Я.</i> (Москва). Некоторые спорные проблемы изучения крестьянской антропоники византийских актов XIII–XV веков.....	54
<i>Колосова В.Б.</i> (Санкт-Петербург). Этноботанические заметки V. Аконит.....	65

СООБЩЕНИЯ

<i>Досталь М.Ю.</i> (Москва). О вкладе профессора Людмилы Павловны Лаптевой в отечественное славяноведение (к 85-летию юбилею).....	75
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ченцова В.Г.</i> В. I. Bojović. Chilandar et les pays roumains (XV ^e –XVII ^e siècle). Les actes des princes roumains des archives de Chilandar (Mont Athos). (=Textes, documents, études sur le monde byzantin, néohellénique et balkanique. Vol. 10).....	83
<i>Косик В.И.</i> И.Ф. Макарова. Болгары и Танзимат.....	87
<i>Киселькова Н.</i> Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského.....	90
<i>Косик В.И.</i> «Погасло дневное светило...» Руската литературна емиграция в България 1919–1944.....	91
<i>Лескинен М.В.</i> И.Ю. Заринов. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии.....	95
<i>Ямбаев М.Л.</i> Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XV–XX вв.	98
<i>Кретианин С.В.</i> U Schmidt. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer.....	102
<i>Вирк Т.</i> Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков.....	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Акимова О.А. XXV конференция «Славяне и их соседи»	110
Михальченко С.И., Шинаков Е.А., Досталь М.Ю. Международная научная конференция «Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы»	113
Досталь М.Ю. Третье заседание Комиссии историков России и Словакии в 2010 году	116

ЮБИЛЕИ

Попова Т.В. К юбилею Людмилы Эдуардовны Калынь	119
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Калынь Л.Э. Памяти Майи Ивановны Ермаковой	122
Сератионова Е.П. Памяти Ивана Петровича Савицкого	124
Памяти Ильи Георгиевича Яну	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2011 г. А.А. АДАШИНСКАЯ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ЧУДА ИЗ ФЕОДОСИЕВОГО ЖИТИЯ Св. САВВЫ

Статья посвящена анализу описания последнего чуда из жития св. Саввы Сербского, написанного Феодосием Хиландарцем, и выявлению литературных и иконографических традиций, повлиявших на появление образного ряда данного чуда, а также его функций. В качестве возможных аналогий в статье приведены жития и изображения византийских и славянских святых воинов, архангела Михаила и западная церковная традиция, позволявшая клиру участвовать в войне.

The article is dedicated to the content analysis of the last miracle, described in St. Sava's Life of Theodosius the Chilandarian. It deals with textual and iconographic traditions, which had influenced the images of the miracle, and considers its function. The article draws parallels with the Lives and images of Byzantine and Slavic holy warriors, equestrian images of St. Michael the Archangel, as well as with the Western ecclesiastical tradition, allowing clerics taking part in battles.

Ключевые слова: св. Симеон, св. Савва, Феодосий хиландарец, святые воины, конные святые.

По-видимому, в конце XIII – начале XIV вв. Феодосий, монах сербского афонского монастыря Хиландар, написал житие св. Саввы, первого архиепископа сербской церкви, сына св. Симеона, основателя первой сербской королевской династии Неманичей. Точные даты жизни Феодосия и время написания его работ неизвестны, и являются предметом научной полемики¹. Более того, существует две рукописные традиции: в одной житие означает, как «сказанное» афонским монахом Доментианом и «списанное» Феодосием, вторая и вовсе сообщает, что житие было «написано» Доментианом². Однако, поскольку Доментиан является автором другого текста жития св. Саввы, появившегося на свет в 1243 г., а также жития св. Симеона, законченного в 1263 г., то житие, «списанное Феодосием»

Адашинская Анна Адамовна – аспирантка Института славяноведения РАН.

¹ Важным шагом на пути датировки работ Феодосия было обнаружение самой ранней копии жития св. Саввы, написанной в 1335–1336 гг. монахом Феодулом [1]. С. Станоевич [2] считал, что житие можно датировать временем до 1292 г., поскольку разрушенный в 1292 г. монастырь Жича упоминается как действующий центр архиепископии. Д. Костич [3] отметил, что река Савва, о которой говорится в тексте, как о границе сербского государства, являлась таковой с 1284 по 1316 г. В. Мошин [4] предположил, что Феодосий мог быть художником, проиллюстрировавшим и переработавшим текст Доментиана, он также идентифицировал Феодосия как монаха, упоминаемого в Хиландарских грамотах 1318 и 1327 г. вместе с Феодулом, автором самой ранней рукописной копии феодосиевого жития св. Саввы. Недавно в диссертации, посвященной Петру Коришскому [5] И. Шпадиер высказала довольно спорное мнение, что Феодосий мог написать житие св. Саввы в период правления короля Драгутина (1262–1282). Однако, общепризнанной в сербской науке остается точка зрения Д. Богдановича [6. С. 22], что Феодосий является писателем эпохи короля Милутина (1282–1321).

² О значении «списано» и «сказано» в отношении работ Феодосия см. [7. С. 6–7].

можно считать своеобразной художественной переработкой текстов Доментяна, которым оно соответствует в последовательности эпизодов, но отличается по стилю и характеристикам персонажей³. Перу Феодосия также принадлежат и другие произведения (житие отшельника Петра Коришского, три канона общих и похвала св. Симеону и св. Савве, службы св. Петру Коришскому, св. Симеону и св. Савве)⁴, однако и они не имеют точных датировок или прямых указаний на время создания.

В самом конце жития св. Саввы, написанного Феодосием, находится описание чуда, помещенное отдельно от остальных чудес святого и повествующее о явлении свв. Симеона и Саввы:

«Говорю же, отечество же свое оба вкупе Симеон, преподобный и всесвященный Сава, к богу молитвами сербскую землю удержают, и, препятствуя нашествию врагов, соблюдают, и никто же другой из иного племени не будет править сербами, только из их племени, отец сыну и сын сыну передавая королевство. Являются же они и перед сербским войском вместе в видении в их образе божи ангелы, посылаемые на помощь в битвах их молитвами от бога, поскольку многие из воинов говорят: “Мы видели святого Симеон и святого Саву, едущих на конях перед войском, первого же в смиренном иноческом одеянии, а другого украшенного блеском святительского облачения”. Многих же врагов, восставших на их отечество, на сербскую землю, они молитвами к богу, посрамив, отвратили» [12. С. 243].

Последние события в житие, написанным Феодосием, это – перенесение мощей святого Саввы в монастырь Милешева и описание его явления во сне «старцу богобоязливу» с просьбой перенести мощи вне церкви, что и было сделано с телом святого, которое оказалось нетленно. После ремарки, что «многие чудеса, осенением святого духа от святых мощей» происходили и краткого сообщения об исцелениях расположен приведенный выше текст, за которым следует сообщение о том, что мощи св. Симеона находятся в Студенице, а мощи св. Саввы – в Милешева, а также моление от имени «нас», в котором святые «в жизни и после смерти дивные» воспринимаются как защитники от земных врагов и ходатаи перед богом.

Это описание чуда – единственный новый сюжет в житии Феодосия в сравнении с житием Доментяна. Судя по месту его расположения, оно было приписано к основному корпусу текста, который, так или иначе, следует хронологии событий, описанных предшествующим агиографом. Такое расположение эпизодов может быть объяснено посмертным характером чуда, причем произошедшего в отличие от чуда с Неофитом, описанного у обоих авторов [12. С. 240; 13. С. 422–424], уже после перенесения мощей в Милешева. Отсутствие описанного события у Доментяна говорит о том, что оно произошло уже после 6751 г. (1242–1243)⁵ и даже, скорее всего, после 6773 г. (1264 г.) [14. С. 117], когда Доментян закончил свое житие св. Симеона, где также нет упоминания об этом чуде. И, наконец, сам двойной характер чуда, которое совершается двумя святыми, и отдельное упоминание о монастырях, где находятся их мощи, как кажется, является закономерным развитием мысли, высказанной у Доментяна, так описывающего перенос мощей св. Саввы: «(Сава) идет к великому чудотворцу и чедолюбцу честному отцу Симеону и новому мироточцу [...], чтобы они оба вместе защищали свое отечество» [13. С. 426].

Иными словами, идея объединения двух святых как защитников своего отечества была высказана еще у Доментяна, и развита Феодосием, описавшим, как

³ О соотношении житий Феодосия и Доментяна см. [8]. Сравнивая сообщения Феодосия и Доментяна о Византии и Латинской империи, М. Динич пришел к выводу, что в отличие от Доментяна, Феодосий писал свое произведение после отвоевания Византийской империи у латинян в 1261 г. О других источниках произведений Феодосия см. также [9].

⁴ Авторство Феодосия устанавливается на основе акростихов [10] или рукописной традиции [11].

⁵ М.Д. Динич [8], считает, что для жития св. Саввы более точной является датировка 1252–1253 гг.

именно свв. Симеон и Савва защищают сербскую землю. Об этом говорит также и сходство фраз у Доментиана («оба теплые помощники защищают свое отечество») и Феодосия («отечество же свое оба вкупе Симеон, преподобный и всесвященный Сава, к богу молитвами сербскую землю утверждают»).

Из всего вышесказанного следует, что автором описания данного чуда является Феодосий, который, развивая мысль, уже высказанную у Доментиана, добавил его к тексту жития св. Саввы, являющегося своеобразной переработкой текста Доментиана. Само же чудо в реальности «имело место» после 1263 г., и, возможно, связано с событиями осады Печи болгаро-татарским войском в 1290 г.⁶, которое описывается также у современника Феодосия архиепископа Данило как разгромленная, благодаря чуду огненного столпа и заступничеству свв. Симеона и Саввы:

«Бог великое знамение страха явил им молитвами угодников своих, святого Симеона и Савы и архиерея христова Арсения, лежащего здесь, в доме святых Апостолов, [...] великий столп огненный, сходящий с небес, [...] и принявших образ огненных мужей, и также имевших в руках своих оружие [...] пожинавших полки их ...» [17. С. 117].

Однако возвратимся к тексту описания чуда самим Феодосием, который состоит из двух частей. В первой сообщается, что святые блюдут отечество от вражеского нашествия, а сербский престол от попадания в руки иноплеменников, являясь гарантами законности престолонаследия. Во второй же части описано само чудо: явления перед сербским войском конных ангелов в виде свв. Симеона и Саввы в монашеской и епископской одежде, отвращающих врагов. Собственно, сама функция защиты сербской земли от нападения иноплеменников и помощи в сохранении престола/легитимации власти уже присутствовала в житии св. Симеона. Так, в феврале 1207 г. [18] сын и агиограф св. Симеона Стефан Первовенчанный, как он сам о том сообщает в житии [19. С. 72–74], просит св. Савву перенести мощи их отца в Сербию как палладий страны в связи с нападением «иноплеменников», причиной которого был мятеж старшего брата, великого жупана Вукана, обойденного Симеоном Неманей при передаче престола Стефану. И в дальнейшем, судя по описаниям чудес в житии, созданном Стефаном Первовенчанным, мощи св. Симеона воспринимались, как своеобразный палладий сербского государства, а он сам играл роль защитника отечества. Теперь же у Феодосия свое отечество и войско защищают оба святых, чей сдвоенный культ приобрел большую популярность при короле Милутине [20].

Схожая функция, защита родного города или армии, является одной из основных для явлений конных святых воинов. Как можно понять из агиографических текстов, святые воины чаще всего появляются верхом в нескольких случаях: битва с чудовищами или нечестивыми царями, спасение из плена или из рук врагов и защита города или армии. Безусловно, в средневековой агиографии присутствуют и другие случаи, при которых святые ездят верхом. Так, они могут изображать царских чиновников (св. Евстратий в чуде о службе в монастыре [21], св. Мина в чуде о спасении благочестивого купца [22. Р. 68] (славянский вариант того же чуда см. [23. С. 62–63]) или путешественников (св. Димитрий в чуде о каппадокийском земледельце [24. Секция 31, чудо 19], св. Евгений в чуде о телеге [25. Р. 278–283], св. Евстратий в чуде об исцелении немомго ребенка [26. Σ. 384]) или предрекать другому святому долгую дорогу (св. Георгий является Федору Сикеоту [27. Секция 167]). Однако данные явления не представляют собой определенной парадигмы и не отражают специфических черт святых воинов.

В качестве подтверждения предложенного здесь разделения функций у конных изображений святых можно привести в пример памятник, где объединены ико-

⁶ О сходстве этих двух чудес писал Дж. Радойич [15. С. 30–31], однако С. Марьянович-Душанич [16. С. 156] предполагает, что тексты Данило и Феодосия описывают различные события.

нографические типы, соответствующие трем указанным функциям (спасение из плена, битва с чудовищем и патрональная функция). В крымской греческой церкви Трех всадников XIII в. на северной стене находится своеобразный «эшелон» из трех конных святых, у первого на лошади сидит спасенный им юноша, второй убивает дракона, а третий представлен на мерно шагающем коне. Все три являются изображениями одного святого, Георгия [28], что подтверждает факт, что в византийском мире именно эти три функции святых всадников были основными и воспринимались как сюжеты для отдельных изображений.

Среди этих трех типичных образов святых воинов наиболее часто встречается явление святого воина, сражающегося верхом с чудовищами в животном или людском облики. Такие святые как Федор Тирон или Георгий побеждают драконов⁷, а св. Меркурий [29. Р. 105–107], св. Дмитрий [29. Р. 88–89], а иногда и св. Георгий [29. Р. 129] пронзают копьями тиранов: соответственно Юлина Отступника, Калояна и Диоклетиана. Эти образы, близкие по иконографии и смысловому наполнению (очищение мира от зла), несколько разнятся по обстоятельствам: в то время как хтонических тварей святые убивают, являясь среди бела дня, нечестивых царей убивают во сне накануне их смерти в реальности. Причем, здесь стоит заметить, что убийство нечестивого царя иногда приобретает смысл защиты города, как например, убийство св. Дмитрием Калояна. В поздневизантийский период этот сюжет стал столь популярен, что по его модели стали создаваться схожие чудеса у других святых, как это произошло со св. Евгением Трапезундским, который тоже явился на коне, чтобы победить дракона, жившего в пещере возле Трапезунда⁸. Однако, что показательно в этом тексте, так это тот факт, что здесь победа над драконом приобретает смысл спасения родного города, т.е. опять-таки как в случае со св. Дмитрием, появление св. Евгения на коне здесь связано с защитнической функцией явления святого воина в виде всадника.

Надо сказать, что данная традиция явилась самой плодотворной для искусства, породив одну из самых популярных иконографий. Изображение святых воинов, главным образом Федора Тирона и св. Георгия (хотя могут быть и св. Дмитрий и др.), убивающих чудовищ, известны в IX–XIII вв. в Каппадокии (Иланли Килисе (Ихлара) [31. Р. 91], Маврукан-3 [32], Юсуф Коч Килисе [33. Р. 195], капелле № 28 в Гереме, Карабаш Килисе [34. Р. 25–26] и др. [35; 19. С. 125–131]), на Кипре (Панагия ту Мутулас [36. Р. 193–194]), Грузии (западный фасад Богородичной церкви в Муртили, восточный фасад и западный тимпан церкви св. Николая в Никорцминда [37. С. 49, 54, 150–151, 158–159], фрески церкви св. Георгия в Ипхи, св. Архангелов в Ипрари, св. Кирика и Иулиты в Накипар; Спасителя в Цвирми, церкви в Бочорма и др. [38. С. 187, 248, 255, 257], а также на чеканных иконах [39. С. 246–264, 324–373, 454–455]), и в Сирии [40] (церковь Мар Саркис в Каре и Деир Мар Мусса). А с конца XII в., когда главным драконоборцем становится Георгий, его чудо со спасением от дракона начинает изображаться отдельно, зачастую в компании с принцессой (сродни росписям в капелле св. Георгия в Старой Ладоге или церкви Варвары [41. С. 181–182] в Соганли в Каппадокии [42. Р. 322]).

Явления святых воинов, пронзающих копьями нечестивых царей, дало в сербской литературе чудо, описанное у Стефана Первовенчанного, как исполненное св. Симеоном, содержание которого близко указанной модели. Когда некто Стрез, родственник Калояна, посаженный Стефаном в граде Просеке, стал собирать против Сербии войско, св. Симеон, «поддерживающий крепкой дланью отечество

⁷ Согласно К. Уолтеру [29. Р. 51, 140–144] первым драконоборцем был Федор Тирон, а чудо о св. Георгии было создано в агиографической традиции по модели св. Федора [30].

⁸ Это чудо входит в состав «Слова на Рождество св. Евгения» Иоанна Лазаропула и относится к событиям, описанным в чуде ко времени правления Алексея II Великого Комнина (1297–1330) [25. Р. 206–209].

свое», явился тому во сне и «злюю смертию уморил». Причем сам Стефан подчеркивает сходство этого чуда с чудом св. Дмитрия, который «пронзил родственника этого царя» [19. С. 82–88] Калояна⁹. Более того, сама иконография св. Дмитрия на коне, поражающего Калояна, нашла свое место в сербском искусстве, о чем говорит икона св. Дмитрия (XIII в.) из церкви Георгия Руновича, создание которой связано с сербско-болгарской войной 1253 г. Или нападением татаро-болгарского войска при князе Шишмане в 1291 или 1292 г. [44].

Ко второй группе явлений святых воинов на конях относятся чудеса, связанные со спасением из плена или освобождением из рук врагов. Здесь агиографическая традиция является тоже достаточно обширной, включающей в себя несколько типичных сюжетов: возвращение юноши или ребенка из плена, возвращение взрослых, спасение воинов, преследуемых врагами. Случай со спасением ребенка или юноши связан, прежде всего, со св. Георгием [45]. Среди его чудес встречаются как минимум четыре с похожим сюжетом: спасение служки церкви св. Георгия в Пафлагонии [46. Р. 13–18], освобождение попавшего в плен на войне юноши Георгия, сына Льва из Амастриды [46. Р. 18–44], чудо о сыне вдовы из Митилен [46. Р. 100–103], и, наконец, сохранившееся в болгарском тексте «Легенды о железном кресте», возвращение домой Филофея, сына попа Фиотима [47. С. 80–81]. Все эти чудеса следуют одной модели: враги во время набега захватывают юношу в плен и отправляют его прислуживать своему вельможе. Затем во время приготовления обеда или питья для своего хозяина плененный отрок молится св. Георгию, который тут же является на белом коне и возвращает юношу к его родным в варварском одеянии, с едой или питьем, которое он держал в руках на момент своего спасения. Однако, несмотря на свою популярность в качестве чуда св. Георгия, изначально история о спасении юноши находилась среди чудес св. Федора Тирона [48. Р. 68–69]. Иногда в подобных чудесах речь идет о спасении из плена взрослых людей, как в случае св. Дмитрия, который, появившись на коне перед епископом Киприаном, вызволяет того из славянского плена.

Однако, функция святого воина как персонального спасителя, отражена также в сюжете чудес, где, явившись на коне или исцелив коня под всадником, он помогает сражающемуся выйти из вражеского окружения или уйти от погони. Так, еще в IX в. в житии св. Петра из Атроа появляется чудо о воине Вениамине, которому святой помогает при пленении арабами сохранить коня, а затем и бежать. Схожим образом этот святой помогает и Константину, сыну Вениамина, который, убегая на коне от вражеской погони, просит святого «укрепить» его лошадь [49. Секции 39, 111]. Тот же мотив появляется в рассказе болгарина Георгия из «Сказания о железном кресте», чьего коня во время погони излечил св. Георгий, наложив на его сломанную ногу три железных обруча. Скованный из них крест обладал силой призывать святого «на белом коне» и таким образом изгонять бесов [47. С. 84–87]. В том же «Сказании...» присутствует и рассказ Климента, которому во время бегства от венгров является св. Георгий «на том же коне, держа копьё с крестом на нем», и помогает Клименту избежать плена, «укрепив» его коня [47. С. 92–93].

Безусловно, в сербской традиции также были известны чудеса святых, относящиеся к этой группе, что можно понять из эпизода, описанного в житии св. Симеона, написанном Стефаном Первовенчанным. Так, будучи плененным братьями, Неманя обращает свои молитвы к св. Георгию, и тот изводит его из темницы, за что благодарный жупан воздвигает монастырь св. Георгия в Расе [19. С. 26–28].

Эта группа тоже породила свою иконографическую традицию, для которой характерно изображение спасенного на коне позади воина [50] (церковь Иоанна

⁹ Подробнее о сходстве чудес св. Симеона с чудесами св. Дмитрия см. [43].

Хризостома в деревне Кутцовендис на Кипре [51. Р. 467], икона середины XIII в. из Британского музея [52] и пр.), а также так называемую скомпанованную сцену, где одновременно изображено и спасение отрока и битва с драконом (церковь в селе Ортакой возле г. Алтунхисара) [34. Р. 251–253].

Третья группа явлений святых воинов верхом на конях наиболее разнообразна и объединяет в себе случаи защиты города или армии. Святые или их мощи выступают как своего рода палладиИ защищаемых ими городов, как это было со св. Дмитрием, который не раз появлялся на коне, чтобы защитить свой город и его жителей. В 1015 г., когда болгарский царь Самуил захватил все земли до пригородов Фессалоник, а его сын Радомир, «человек по-зверски жестокий и безрассудный», притеснял фессалоникийцев и насмехался над самим святым, св. Дмитрий появился на коне во время охоты Радомира и заколол его копьём [24. Секция 25]. Во время осады Фессалоник болгарами под предводительством Петра Деяна в 1040 г. св. Дмитрий защитил город: его мощи непрестанно источали миро, а он сам предводительствовал фессалоникийским отрядом, обратившим в бегство болгар. «Клятвенно утверждали плененные болгары, говоря, что видели юношу на коне предводительствовавшего ромейской фалангой, из которого извергался огонь, палящий противников» [53. Р. 532]. В 1207 г. во время осады Фессалоник Калояном, в ночном видении «страж и охранитель города, наш великий воин великого царя Дмитрий верхом на белом коне явился владетелю болгар и тотчас поразил этого жалкого смертельной раной» [24. Секция 35], от которой царь и скончался, а его войско бежало, оставив осаждаемый город.

Св. Федор Тирон также покровительствовал своему родному городу Евхаит, где находились его мощи [29. Р. 44–50]. Во время осады Евхаиты сарацинами «на четырнадцатый год богохранимого и христолюбивого царя [Романа и двадцать первый] Константина» св. Федор является в видении одной женщине, облаченный в латы, сидя на коне посреди города, сообщая, таким образом, о своем покровительстве [54. Р. 53].

Двойник св. Федора Тирона, св. Федор Стратилат, вместе с популяризацией его культа в постиконоборческий период стал покровительствовать уже не просто городу, а империи в целом. Во время битвы императора Иоанна Цимисхия с князем Святославом при Дористоле он появился перед войском ромеев на белом коне, «по просьбам царя от его имени и имени всего войска ставший соратником, покровителем и спасителем в любой битве», «тесня врагов и приводя в замешательство их боевой порядок» [55. Р. 154]. Как оказывается из видения одной монахине, святого послала на помощь императору за день до того сама Богородица.

Подобным образом и св. Евгений защитил Трапезунд от армии во главе с Панкратием, полководцем Варды Фоки. Услышав мольбы жителей, «непобедимый защитник, горячий помощник, скорый спаситель родины», явился в образе городского правителя, «верхом на коне, держа в руке светящийся меч», вражескому военачальнику и сообщил ему о смерти Фоки и велел отправляться восвояси, что и сделал Панкратий. Позже, когда на Василия II напал грузинский царь Георгий I, в ответ на ночную молитву императора св. Евгений на коне явился в день битвы перед Василием в «виде прекрасного юноши, перекидывающего плащ позади своих плеч, который развевался перед шлемом царя, и сказал ему: «Пришпорь коня, взмахни копьём, и побегут иверы», и пораженные грузинские войны бежали, падая под копыта царского коня [56. Строки 113–140, 226–240].

Св. Георгий на коне также являлся в решающих битвах, но не в Византии, а в Антиохи и в Грузии. Как сообщает «Житие царя царей Давида», в решающей битве с турками-сельджуками при Дидгори в 1121 г., придя на помощь грузинскому войску, «святой мученик Георгий откровенно и на виду у всех предводительствовал ему и мышцею своею поражал пришедших нечестивых тех язычни-

ков» [57. С. 288]. Во время осады Антиохи свв. Георгий и Дмитрий появились на конях со стягами перед войском крестоносцев, что помогло взятию города [58. Р. 559].

Однако, само вмешательство в политические дела св. Георгия, а точнее его изображения, рассматривалось византийцами двойственно. По сообщению Никифора Григоры [59. Р. 304–306], во время всеобщего бдения, на котором присутствовали Андроник II и логофет казны Федор Метохит, лошадь с изображением Георгия на коне, находившегося на стене дворца перед капеллой Никопеи, издала ржание. Федор Метохит увидел в этом традиционно добрый знак военной победы в походе «против агарян, опустошающих нашу Азию», в то время как сам император – «дурное предзнаменование», как это было, когда та же лошадь под св. Георгием заржала в присутствии короля Балдуина перед отвоеванием греками Константинополя в 1281 г. Однако, так или иначе, вмешательство конного изображения на политическую жизнь византийцев, и посылаемые им предупреждения, истолковываются с точки зрения военной удачи или защиты города.

Сербы также были осведомлены о возможности вмешательства святого воина в ход военных действий, а потому Неманя призвал на помощь в битве при Пантине св. Георгия, который, «явился [...] в воинском образе» и погнав неприятелей, помог Немане «победить врагов своих, иноплеменные народы». В дальнейшем в Георгиевском монастыре в Расе по заказу короля Драгутина в 1276 г. было выполнено изображение святого «в бранях поборника» [19. С. 30–32] на коне в память о битве на Пантине [60. С. 126].

Изображения конных святых без драконов или спасенных юношей весьма многочисленны на территории всей Византийской империи и других православных государств (Грузии, Болгарии), причем в таком качестве встречаются, как Георгий, так и другие святые воины (Дмитрий, оба Федора, Сергей и Вакх). Здесь можно привести в качестве примера несколько византийских изображений: церковь Панагия Асину [61. Р. 351] на Кипре, церковь сорока мучеников в Лакедемонии, церковь свв. Врачей в Касторье, фасад церкви св. Георгия в Курбинове, стеатитовая икона св. Дмитрия из Московского Кремля, золотая икона св. Дмитрия из Государственного музея в Берлине, резная икона св. Георгия из Флорентийского Музея Барджелло [62. Р. 4] и др. На этих изображениях святые воины представлены в качестве военачальников-триумфаторов, на мерно шагающих конях, напоминающих о торжественных выходах византийских императоров¹⁰.

О параллелях, установленных самими византийцами, между образами конных святых воинов и правителей говорят данные нумизматики. В поздневизантийский период было несколько эмиссий, где на реверсе находился конный портрет императора, а на аверсе – святой воин в образе всадника: фессалоникийские трахеи Андроника III (1328–1341) со св. Дмитрием, серебряные асперы Алексея II Великого Комнина (1297–1330), Алексея IV (1417–1446), Иоанна V (1446–1458) со св. Евгением на аверсе, а также монеты Иоанна V (1341–1376) со св. Дмитрием на аверсе [64. Nos. 2499, 2619, 2641, 2642; 55. Nos. 152(3), 162(6)]. Были также эмиссии, где конным изображался только святой на аверсе [65. Nos. 162(3), 164(10), 168(1)]. Здесь, правда, стоит заметить, что все монеты с конными воинами происходят не из Константинополя, а из провинциальных центров, таких как Трапезунд и Фессалоники, и в этом случае местночитимый святой заменяет собой более традиционные фигуры Христа или Богородицы. В обоих случаях это были святые патроны городов, которые почитались как охранители и спасители.

¹⁰ Общие черты в изображениях шагающих всадников и триумфирующих императоров были замечены М.В. Алпатовым [63].

В славянской традиции также появляются монеты с изображением правителя на коне. Так, болгарские цари Константин Тих, Федор Светослав и Иван Шишман изображены на реверсах своих биллонов в качестве всадников, однако, без конных воинов. В сербской нумизматике конных изображений пока не обнаружено.

Возвращаясь к тексту о свв. Симеоне и Савве, можно провести прямую аналогию между третьей, патрональной, функцией явлений святых воинов и описанием чуда сербских святых, «ездящих на конях перед войском», защищая его. Во-первых, это сходство описаний и изображений греческих воинов и сербских национальных святых имеет, можно сказать, иконографический характер: и те, и другие появляются в виде военачальников-наездников перед строем в битве. Во-вторых, функция обоих явлений – защита войска, а, следовательно, и государства от вражеской армии. О свв. Симеоне и Савве напрямую сказано, что они «к богу молитвами сербскую землю утверждают, и, препятствуя нашествию врагов, соблюдают», а в том, что касается греческих святых, то их помощь в сохранении государственности имплицитно включается в их чудеса, которые чаще всего связаны также с защитой города/государства от врагов-варваров. Таким образом, можно заключить, что невоенные сербские святые Симеон и Савва восприняли образность и некоторые функции, присущие греческим святым воинам. Тем более, что в южнославянской традиции не появились свои святые воины¹¹, а греческие почитались в функциях освободителей из плена и змее/тираноборцев.

Более того, единственная традиционная пара святых воинов, появившаяся в домонгольский период на Руси, это по сути все те же династические святые князья – Борис и Глеб. Здесь стоит заметить, что они, следуя модели греческих святых воинов, получают конные изображения, связанные с функцией освобождения из плена [68. С. 110–111]¹², и в то же время почитаются как защитники государства, напрямую сравниваясь с покровителем и защитником Фессалоник св. Дмитрием:

«Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий своему отечеству. Он сказал: “Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру”. Но если великий и милосердый Димитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!» [73].

Какова же причина подобного перехода функций от воинских святых к династическим, которая, как видно, характерна для славянской периферии византийского мира? Как кажется, ответ следует искать все в том же тексте Феодосия, который, как уже было замечено выше, связывает функцию защиты государства с легитимацией власти, представляя династических свв. Симеона и Савву, родоначальников династии Неманичей [74. С. 203–207] как гарантов законности престолонаследия и сохранения власти в руках одной династии [12. С. 243]. Таким образом, описанную выше передачу апотропических функций в славянской традиции от святых, но все же греческих, воинов к своим, династическим, но невоинским, святым можно объяснить лишь связанностью понятий государство и династия

¹¹ Исключение составляет болгарский святой Михаил-воин, чье житие очень кратко, а сам он является по сути двойником св. Георгия [66]. Однако его житие было известно и в сербской литературной традиции [67].

¹² Конные изображения Бориса и Глеба византийского времени также присутствуют на амулетезмеевике XII–XIII вв. (инв. ЭРП 1344) из Эрмитажа [69. С. 387, Илл. 203], рельефе Дмитриевского собора во Владимире [70. С. 244, 246–248] и на иконах XIV в.: 1340-х годов из Успенского собора Московского Кремля [71. С. 175] и 1377 г. из Новгородского музея [72. № 20. С. 219–221].

в этих традициях, фактическим приравнением власти к династической собственности¹³.

Однако следует заметить, что между образами греческих воинов и сербских святых присутствуют не только сходство, но и некоторые различия. Свв. Симеон и Савва, будучи отцом и сыном, монахом и епископом, помимо явного социального отличия от традиционных святых воинов, были несходны с ними и по возрасту. Так, обычно воины изображаются молодыми, а, будучи представлены в парах или группах, обычно близкими по возрасту людьми [39. С. 4]. Некоторое исключение составляет сходная по функциям с воинами пара Борис и Глеб, в которой старший брат выделен посредством наличия усов и бороды, в то время как младший представлен безбородым. Что же касается Симеона и Саввы, то они оба традиционно изображались бородами, однако, разных возрастов: первый – старцем, а второй – средовком.

Следовательно, традиционные греческие изображения святых воинов оказали влияние на описание данного видения не напрямую, а лишь опосредованно, как образы-парадигмы. И в основе сходства этих образов и явления сербских святых лежит не иконографическая модель, а сходство функций. В обоих случаях, персонажи выступают как защитники своей территории, места своего культа, т.е. города, или как в сербском случае – государства.

И все же появление столь странных образов в религиозном сознании сербов времени Милутина, как конные епископ и монах, не могло быть продиктовано только лишь греческими аналогиями со святыми воинами в сербской литературе. И здесь надо отметить несколько аспектов.

Во-первых, в отличие от традиционных византийских святых воинов, свв. Симеон и Савва принадлежали по чину к черному духовенству. В православной традиции клирикам было запрещено брать в руки оружие и участвовать в битвах [76. Р. 334–335]¹⁴. Безусловно, в некоторых случаях этот запрет нарушался, как, например, при обороне Хиландара от каталанцев в 1307–1309 гг., когда будущий архиепископ Данило, тогда хиландарский игумен, самолично распоряжался оборонительными действиями и отдавал команды своего рода частной дружине, бывшей при нем, называемой в тексте «чада» [17. С. 344–351; 69]. Более того, можно предположить, что появление ярко выраженных воинских функций у святых, принадлежащих по чину к клирикам, могло быть вызвано именно причастностью сербского духовенства этого периода к военным действиям, как это видно при описании хода каталанской кампании на Афоне.

И все же здесь стоит заметить, как Феодосий изящно обошел проблему невоинских святых, появившихся при боевых действиях. Так, он пишет, что не сами святые, а «в их образе божии ангелы» появляются на конях и в рясах перед сербским войском. И действительно, образ ангела как предводителя войска и даже конного ангела был характерен для византийской литературы и искусства [80]. С одной стороны, рассказ о видении архангела на коне встречается всего дважды [81. С. 71–72, 110]: в «Повести Панталеопа Диакона» (IX в.) (ВНГ, 1285–1288b) и в «Слове о чудесах Михаила» Михаила Пселла (XI в.) (ВНГ, N 1290f), и в обоих случаях ангел-всадник является, чтобы исцелить больного или наказать нерадиво-

¹³ Я хотела бы выразить благодарность Б.Н. Флоре, указавшему мне на характерную для славян в целом связь между появлением святого в виде всадника и его династическим происхождением и защитнической функцией. Так, согласно тексту вышegradского каноника из Чешской хроники, святой Вацлав, бывший при жизни членом княжеского рода, явился на белом коне в битве при Хлумце и сражался на стороне чехов [75].

¹⁴ Седьмое правило Халкидонского собора запрещает монашествующим служить в армии под угрозой отлучения [77]. В антилатинских полемических произведениях, примыкающих к традиции Михаила Керулария, одним из обвинений в адрес латинских клириков является их участие в военных действиях [78. С. 49].

го врача. Однако, сам факт явления ангела верхом служит признаком его высокого положения в небесной иерархии. Не случайно, в чуде о Маркиане из «Повести Панталеона Диакона», сошедший с небес в окружении оруженосцев Михаил на белом коне «в препосита¹⁵ одежду одеян»¹⁶.

Схожие коннотации имеют образы конных ангелов и в византийской живописи. Известно несколько отдельных изображений архангелов верхом, принадлежащих византийскому кругу памятников, однако, большинство из них датируются лишь палеологовским временем. По-видимому, наиболее ранним из них является фреска конного ангела над входом в пещерную церковь архангела Михаила возле охридского села Радожда¹⁷, расписанную фессалоникийскими художниками. Архангелы Михаил и Гавриил на конях находились по сторонам от входа церкви Таксиархов в Сахно 1390–1391 гг. [85. Р. 286–287]. Керамическая икона конного архангела Михаила (Государственный исторический музей) происходит из Никодемии и также датируется палеологовским временем (XIV в.) [86. Р. 302]. В некоторых критских церквях XIV–XV вв. (св. Георгия в Племениани, св. Архангела Михаила в Какодики, Кунени, Саракина Алкалохори и Принес) [87. С. 191] встречается изображение архангелов на конях или в качестве отдельных фигур в первом регистре фресок или же в составе композиции «Явление ангела Иисусу Навину». Все эти отдельные изображения представляют архангелов в воинских одеждах, восседающих на конях наподобие полководцев-триумфаторов. Также в сербском монастыре Лесново в нише над входом из нартекса в наос расположено изображение конного огненного архангела Михаила [87. С. 192–195]. Подпись к нему на греческом языке напрямую говорит об архангеле, как предводителе войска: «Архангел Михаил – предводитель ангелов». Точно так же его функции, как полководца, подчеркивались в сербской дипломатике, где он назывался «воевода небесных сил», «небесный первый предстатель» [87. С. 197].

Как предводитель небесной армии архангел Михаил появляется на коне и в некоторых других иконографиях. Так, изображение конного архангела присутствует в сцене видения Захарии (в составе древа Иесева) в церкви св. Ахилия в Арилье (1296), церкви свв. Апостолов в Фессалониках (1312–1315) и некоторых молдавских памятниках XVI в. (церкви св. Георгия в Сучаве и монастырях Хумор, Воронеж, Молдовица, Сучевица) [90. Р. 34], где он предстает как глава апокалипсического небесного воинства. Ту же функцию он выполняет и в сцене Видения императора Константина в церкви св. Креста в монастыре Пэтрэуц (1487), где он на белом коне вместе с императором Константином возглавляет процессию святых воинов [88. Р. 7].

Таким образом, можно предположить, что на появление образа конных Симеона и Саввы, предводительствующих сербским войском, повлияла и традиция (главным образом, образительная) архангела-воеводы. Но, как уже было замечено С. Габелич [87. С. 193] и М. Гаридисом [80. Р. 58–59], сама иконография конного архангела появляется под влиянием изображений святых воинов. Более того, судя по сохранившимся памятникам, она возникает примерно в то же время, когда был написан текст о чуде конных свв. Симеоне и Савве, а потому не может быть основным единственным фактором, повлиявшим на создание этого образа. Однако, можно сказать, что и появление изображений архангелов-всадников, и

¹⁵ Препозит – высокий чиновник императорской дворцовой администрации в Византии, обычно происходивший из аристократического рода и имевший большое влияние на политику и дипломатию [82. Р. 1709].

¹⁶ Перевод этого чуда на церковнославянский издан в составе Великих Миней Четьих [83. С. 1–12, 275–277] (здесь цит. по [83. С. 276]). О соотношении перевода и греческого оригинала см. [81. С. 71–72].

¹⁷ Первый слой живописи в этой церкви датируется концом XIII в., затем он был поновлен с сохранением иконографии в конце XV в. [74].

видение «божих ангелов» в виде Симеона и Саввы на конях являются частями одного процесса расширения состава иконографического типа святых всадников, который стал включать помимо святых воинов еще и ангелов, чьи конные образы складываются под влиянием воинской иконографии.

С другой стороны, как уже было замечено различными авторами [89], святые воины в Византии достигают пика своей популярности в период крестовых походов на территориях, оккупированных латинянами. Более того, в отличие от православного духовенства, латинский клир участвовал в военных действиях и даже создавал воинствующие ордена [90. Р. 3–5], а потому, по крайней мере, образ архиепископа на коне перед войском не казался этой цивилизации необычным. Как кажется, многолетние контакты Сербии с латинскими государствами, такими, как Венгрия, Ахейское княжество и герцогство Афинское (с 1311 г. под властью каталанцев), могли также наложить свой отпечаток на художественную образность. Это уже произошло однажды при соприкосновении латинской и греческой цивилизаций на православном Востоке, Синае и Крите, где в результате сотрудничества греческих и латинских мастеров появилось целое направление крестовосной иконописи при сочетании византийских и латинских черт в иконографии и стиле¹⁸.

Возможно, что именно из-за встречи с реалиями латинской религиозной жизни, такими, как конные клирики и воюющие епископы, а также с реалиями военной повседневности во время осады варварами сербских монастырей, в сербском религиозном сознании эпохи Милутина родились «божие ангелы» в образах монаха-всадника и епископа-всадника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трифуновић Ђ.* Теодулов препис Теодосијевог живота светог Савве // Хиландарски зборник. 1978. № 4.
2. *Станојевић С.* Када је Теодосије писао Живот св. Савве // Јужнословенски филолог. 1928–1929. № 7.
3. *Костић Д.* Када је Теодосије писао Живот св. Саве и службу св. Петра Коришког? // Богословље. 1934. № 9/4.
4. *Мошин В.* Старац поп Теодосије и хиландарска «братија начелна» // Јужнословенски филолог. 1939. № 17.
5. *Шпадијер И.* Свети Петар Коришки у старој српској књижевности. Експозе докторској дисертацији. Филолошки факултет Универзитета у Београду. Београд, 2010.
6. *Богдановић Д.* Предгоров // *Теодосије*. Житие светог Сави, 8–39. Београд, 1984.
7. *Радојичић Н.* Два Теодосија Хиландарца // Глас Српске академије наука. 1956. № 218.
8. *Динић М.Ј.* Доментијан и Теодосије // Прилози за књижевност, језик и фолклор. 1959. № 25/1–2.
9. *Розанов С.П.* Источники, время составления и личность Феодосиевской редакции жития Саввы Сербского // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1911. № 16/1.
10. *Шпадијер И.* Крајегранесија Теодосија Хиландарца // Трећа југославенска конференција византолога. Београд; Крушевац, 2002.
11. *Шпадијер И.* Стилско јединство у службама Теодосија Хиландарца // Зборник Матице српске за књижевност и језик. 1984. № 32/2.
12. *Теодосий Хиландарец.* Житие на св. Сава Србски // *Кенанов Д.* Славянска метафрастика. София, 2002.
13. *Доментијан.* Житије Светог Саве. Београд, 2001.
14. Живот светого Симеуна и светого Саве. Написао Доментијан. Београд, 1865.
15. *Радојичић Ђ.Ср.* О старом српском књижевнику Теодосију // Историјски часопис. 1952–1953. № 4.
16. *Марјановић-Душанић С.* Свети краљ. Култ Стефана Дечанског. Београд, 2007.
17. Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.
18. *Максимовић Љ.* О године преноса Немањиних моштију у Србију // Зборник радова Византолошког института. 1986. № 24–25.

¹⁸ Впервые это явление было описано в статье К. Вайцмана [91]. В последнее время данную тему развивал Я. Фольда [92].

19. *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела. Београд, 1999.
20. *Марјановић-Душанић С.* Молитве светих Симеона и Саве у владарском програму краља Милутина // Зборник радова Византолошког Института. 2004. № 41.
21. *Иванов С.А.* Чудо св. Евстратия с синайской иконы и его литературный прототип // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008.
22. *Duffy J.M., Bourbouhakis E.* Five Miracles of St. Menas // *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations*. Leiden, 2003.
23. *Помяловский И.* Житие преподобного Паисия Величковского и Тимофея, патриарха Александрийского и повествование о чудесах святой Мины // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1899. № 50.
24. *Iberites J.* Ἰωάννου Σταυρακίου, Λόγος εἰς τα θαύματα τοῦ Ἁγίου Δημητρίου // *Thesaurus Linguae Graecae (TLG®)*, <http://stephanus.tlg.uci.edu>, Joannes Stauracius Scr. Eccl., Oratio de miraculis sancti Demetrii. {3203.001}.
25. *Rosenqvist J.O.* The hagiographic dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154: A critical edition with introduction, translation, commentary, and indexes. Uppsala, 1996.
26. *Vita Eustratii // Papadopoulos-Kerameus A.* Ανάλекτα Ἱεροσολυμητικῆς σταχυολογίας. Πετροῦπόλει, 1897. Vol. IV.
27. *Vie de Théodore de Sykeôn // Thesaurus Linguae Graecae (TLG®)*, <http://stephanus.tlg.uci.edu>, Georgius Syceota Theol., Vita sancti Theodori Syceotae. {2923.001}.
28. *Степаненко В.П.* К иконографии фрески храма «Трех всадников» под Эски-Керменом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. 2003. № 10.
29. *Walter Ch.* The warrior saints in Byzantine art and tradition. Aldershot, 2003.
30. *Walter Ch.* The origins of the cult of Saint George // *Revue des Etudes Byzantines*. 1995. № 53.
31. *Thierry N., Thierry M.* Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Daği. Paris, 1963.
32. *Thierry N.* Haut Moyen Age en Cappadoce: l'église no.3 de Mavrucan // *Journal des savants*. 1972.
33. *Thierry N.* Yusuf köç kilisesi église rupestre de Cappadoce // *Mélanges Mansel*. Ankara, 1974. Vol. I.
34. *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991.
35. *Walter Ch.* Saint Theodore and the Dragon // *Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology Presented to David Buckton*. Oxford, 2003.
36. *Mouriki D.* The Wall Paintings of the Church of the Panagia at Moutoullas, Cyprus // *Byzanz und der Westen, Studien zur Kunst des Europäischen Mittelalters*. Wien, 1984.
37. *Аладашвили Н.А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977.
38. *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М., 1950. Т. 1.
39. *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959.
40. *Immerzeel M.* Holy Horsemen and Crusader Banners. Equestrian Saints in Wall Paintings in Lebanon and Syria // *Eastern Christian Art in Its Late Antique and Islamic Contexts*. 2004. № 1.
41. *Сарабянов В.Д.* Церковь св. Георгия в Старой Ладоге. История, архитектура, фрески. М., 2002.
42. *Jerphanion de G.* Une nouvelle province de l'art byzantin. Paris, 1925. Vol. II. Les églises rupestres de Cappadoce.
43. *Баришић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историјски извори. Београд, 1953.
44. *Петровић Р.Д.* Свети Димитрије пробада бугарског цара Колојана на коњу и спасава град Солун у српској уметности // Ниш и Византија. Зборник радова. 2003. № 1.
45. *Meinardus O.* The Equestrian Deliverer in Eastern Iconography // *Oriens Christianus*. 1973. № 57.
46. *Miracula sancti Georgii*. Lipsiae, 1913.
47. Из старата българска, руска и сърбска литература. Софија, 1978. Т. 3.
48. *Walter Ch.* Theodore, Archetype of the Warrior Saint // *Revue des Etudes Byzantines*. 1999. № 57.
49. *Laurent V.* La Vie merveilleuse de saint Pierre d'Atroa // *Thesaurus Linguae Graecae (TLG®)*, <http://stephanus.tlg.uci.edu>, Vita et Miracula Petri Atroatae, {5115.001–5115.002}.
50. *Grotowski P.* The Legend of St. George Saving a Youth from Captivity and its Depiction in Art // *Series Byzantina. Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art*. 2003. № 1.
51. *Stylianou A., Stylianou J.* The painted churches of Cyprus: Treasures of Byzantine Art. Nicosia, 1997.
52. *Cormack R., Mihalarias S.* A crusader painting of St. George: 'maniera greca' or 'lingua franca'? // *The Burlington Magazine*. 1984. March.
53. *Bekker I.* Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus. Athenai, 1960. Vol. II.
54. *Delehaye H., Peeters P.* Acta Sanctorum. Bruxellis, 1925. Vol. IV. Novembris.
55. *Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem*. Bonn, 1828.
56. *Rosenqvist J.O.* The hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trepizond in Codex Athous Dionysiou 154 // *Thesaurus Linguae Graecae (TLG®)*, <http://stephanus.tlg.uci.edu>, Joannes Lazaropulus Rhet., Synopsis miraculorum sancti Eugenii. {3250.002}
57. Жития царя царей Давида // *Символ*. 1998. № 40.
58. *Willelmi Malmesbiriensis monachi Gesta regum Anglorum, atque Historia novella*, Londini, Sumptibus Societatis. London, 1840.
59. *Nicephori Gregorae historiae Byzantinae*. Bonn, 1829. Vol. I.

60. Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000.
61. Mouriki D. Studies in late Byzantine painting. London, 1995.
62. Brehier G. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936.
63. Алпатов М.В. Рельеф Дмитрия Солунского в Оружейной палате // Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. I.
64. Byzantine Coins and Their Values. London, 1987.
65. The later Palaeologan coinage, 1282–1453. London, 1979.
66. Калянов А. Михаил Воин от Потука – болгарский двойник на великомъченик Георги // Проглас. 1999. № 3.
67. Томова Е. Проложното житие на св. Михаил Воин в сръбската ръкописна традиция от XIV–XVII в. (Предварителни наблюдения) // Црквене студије. 2005. № 2/II.
68. Смирнова Э.С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образов и русской традиции // Борисоглебский сборник. Париж, 2009. Вып. 1.
69. 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988.
70. Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси, XII в.: Владимир. Боголюбово. М., 1969.
71. Смирнова Э.С. Иконы Северо-Восточной Руси. М., 2004.
72. Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Каталог. М., 1976.
73. <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871>.
74. Бурић В.Ј. La symphonie de l'Etat et l'Eglise dans la peinture murale en Serbie médiévale // Међународни научни скуп «Свети Сава у српској историји и традицији». Белград, 1998.
75. <http://davidkalthous.webzdarma.cz/G5.pdf>.
76. Hussey J.M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1990.
77. <http://klikovo.ru/db/book/msg/10834>.
78. Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI–XV веков. М., 1875.
79. Живојиновић М. Житије архиепископа Данила II као извор за ратовања Каталанске компаније // Зборник радова Византолошког института. 1980. № 19.
80. Garidis M. L'ange a cheval dans l'art byzantin. Les origins // Byzantion. 1972. № 42.
81. Афиногенова О.Н. Культ архангела Михаила в Византийской империи. Дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., 2009.
82. Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991.
83. Великие Минеи Четьи. Том 11. Ноябрь.
84. Суботић Г. Пећинска црква арханђела Михаила код Струге // Зборник Филозофског факултета. 1964. № 8/1.
85. Breyer A., Winfield D. The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Washington, 2007. Vol. I.
86. Gerstel S., Lauffenburger J.A. A lost art rediscovered: the architectural ceramics of Byzantium. Pennsylvania, 2001.
87. Габелућ С. Манастир Лесново. Београд, 1998.
88. Nastase D. Ideea imperială în Țările Române. Geneza și evoluția ei în raport cu vechea artă românească (secolele XIV–XVI). Atena, 1972.
89. Gerstel S. Art and Identity in the Medieval Morea // Byzantium and the Muslim World: The Crusades from the Eastern Perspective. Washington, 2001.
90. Andrea A.J. Encyclopedia of the crusades. Westport, 2003.
91. Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // Dumbarton Oaks Papers. 1966. № 20.
92. Folda J. Mounted Warrior Saints in Crusader Icons: Images of the Knighthoods of Christ // Knighthoods of Christ: essays on the history of the Crusades and the Knights Templar. Aldershot, 2007.

© 2011 г. И.В. ГЕРАСИМОВА

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ПУБЛИКАЦИЙ
ДОКУМЕНТОВ
РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА О ВИЛЬНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ
РУССКИХ ВОЕВОД (1655–1661) В XIX ВЕКЕ

В результате сравнительного анализа подлинников Разрядного приказа, касающихся города Вильны под властью русских воевод (1655–1661), и их публикации в «Актах Московского государства» в XIX в., были установлены факты редакторской правки, выявлены многочисленные ошибки и опiski, вскрыто несистематическое выписывание помет и подписей, отмечено неудовлетворительное состояние заголовков. Исследование показало необходимость переиздания рассмотренных документов Разрядного приказа.

The article presents a comparative analysis of the original documents from the Razriadnyj Prikaz concerning the town of Vilna under the Russian voivodes against the background of their nineteenth-century publications. It establishes the instances of editing, mistakes and slips of the pen, unsystematic excerption of marks and signatures, deficient titles. The work has shown that the documents from the Razriadnyj Prikaz are to be edited and republished.

Ключевые слова: источниковедение, сравнительный анализ, «Акты Московского государства».

Для исследователей, работающих над темами, связанными со временем войны России с Речью Посполитой (1654–1676), проходившей на землях нынешних Украины, Белоруссии и Литвы, особый интерес представляет корпус источников, хранящихся в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Часть этих документов была известна историкам еще в XIX ст. по публикациям во втором и третьем томах «Актов Московского государства» (далее – АМГ), изданных Императорской академией наук под редакцией Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова [1]. С тех пор, в подавляющем большинстве монографических работ, очерков и статей, написанных историками на тему русско-польской войны, и вплоть до настоящего времени, авторы используют данное издание, не подвергая сомнению его достоверность и соответствие современным требованиям, предъявляемым к публикациям документов. Выяснению степени расхождения публикации и подлинных документов¹ и посвящена настоящая статья.

Материалом для анализа послужили 40 документов, опубликованных в вышеуказанных томах АМГ². В некоторых случаях документы виленских воевод не

Герасимова Ирина Валерьевна – канд. искусствоведения, преподаватель Санкт-Петербургского православного института религиоведения и церковных искусств.

¹ Оригиналы документов были проанализированы по микрофильмам, выдающимся в РГАДА.

² Выбор актов обусловлен количеством опубликованных документов, приходящихся на каждый год периода русского воеводства в Вильне: 1655 г. – девять актов, 1656 г. – девять актов, 1657 г. –

удалось найти в подлинниках Московского стола Разрядного приказа. Отчасти это связано с изменением нумерации в некоторых просмотренных столбцах Московского стола [2. Стб. 244, 285, 289, 306]. Эти изменения, вероятно, произошли по причине утраты ряда документов, что можно проследить по старым пагинациям, в которых видны пропуски листов. Как следствие – сохранившиеся документы получили новую нумерацию [2. Стб. 285. Л. 340 (ранее Л. 272); Стб. 306. Л. 407–410 (ранее Л. 412–415)]. Кроме того, в столбцах №№ 244 и 289 было убрано более мелкое деление – столпики, и затем заново была проведена сквозная нумерация внутри столбца [2. Стб. 289. Л. 39–44 (ранее столпик 3. Л. 1–6)].

В целом, ни один из рассмотренных документов, изданных во втором и третьем томах АМГ не соответствует современным требованиям, предъявляемым к публикации документов [3]. Все они содержат изменения, внесенные редакторами издания, по сравнению с оригиналами, как сознательные (редактирование текста), так и невольные (ошибки и опiski).

Присутствующая в текстах АМГ редакторская правка выражается в следующих действиях: сокращение части документа и введение редакторского текста, резюмирующего вырезанное или, наоборот поясняющего его отдельные фразы; сокращение титла, обращений, самоименований, повторов и синонимов и т.д.; замена, перефразировка слов и словосочетаний, перемена местами слов в предложениях; унификация написания слов, имен собственных, географических названий.

Некоторые виды сокращений публикаторы обозначили во введении к первому тому АМГ. К ним относились «передача неважных частей содержания документа своими словами» и «сокращение некоторых слов» [1. Т. 1. С. IX–X]. К «неважным частям» публикаторы отнесли вступление, пересказ в отписках и государевых грамотах ранее присланных сведений, формульное окончание челобитных, адреса на отписках и имена тех лиц, к которым она была послана.

Действительно, вступительный и заключительный разделы часто содержали одну и ту же информацию об адресате и отправителе, которую можно было кратко резюмировать и тем самым сэкономить бумагу. Это и было сделано. Как правило, редакторы отделяли свой текст от текста документа, взяв последний в кавычки. К сожалению, были выявлены случаи, когда редакторский текст вводился прямо в документ и никак не отмечался, что приводило к слиянию текстов. В качестве примера можно привести «роспросные речи», посланные виленским воеводой Д.Е. Мышецким в Разряд. Помещенную редакторами перед текстом «речей» фразу можно понять как помету дьяков Разрядного приказа: «Список с роспросных речей, каковы прислал с Вилны въ Смоленск стольник и воевода князь Данило Мышецкой подь отпискою июня въ 9 день» [1. Т. 3. С. 93]. В подлинных документах такое предложение отсутствует [2. Стб. 306. Л. 430]. От остального документа эта фраза была отделена лишь абзацем: последующий текст документа никак не выделен и не закавычен.

Пересказ заключительного раздела касался в основном челобитных, содержащих формулу «Милосердный государь [титул], пожалуй меня, холопа твоего. Вели, государь». Резюме этого раздела делалось от третьего лица, основной текст документа отделялся от него кавычками: «Просит пожаловат, велет дать государеву грамоту в Вилну до комисаров, чтоб воевода Михайло Шеховской коней и животы отдал дяде его». [1. Т. 2. С. 551].

Один из пунктов сокращений, принятых публикаторами – изъятие из актов «исторической части дела», в которой пересказывались ранее полученные от воевод или от государя сведения [1. Т. 1. С. IX]. Этот раздел в документе был призван на-

семь актов, 1658 г. – четыре акта, 1659 г. – нет, 1660 г. – девять актов, 1661 г. – два акта [1. Т. 2. № 727, 742, 746, 748, 750–753, 755, 818–820, 826, 836–838, 842, 923, 947, 953, 956, 963, 972, 976–977, 1015, 1036, 1046, 1048; Т. 3. № 36, 54/1, 55/1, 55/3, 79/1, 91, 94, 285, 307/1].

помнить государю и дьякам указы, по которым воеводами была проделана работа либо, наоборот, воеводы получали новые указные грамоты, учитывавшие результаты их предыдущих отчетов. В опубликованных сокращенных документах связь между указами и их проведением в жизнь утратилась. Кроме того, текст самого отчета воевод не обязательно соответствовал государеву указу, приказания не всегда исполнялись в точности, и в этом случае сокращение «исторического» раздела не позволяло читателю получить представление о воле государя. Важная деталь: при перечислении указов и отписок во многих случаях фиксировалась дата присылки предыдущего документа, на основе которого базировался последующий. Эта информация, необходимая как для поиска еще ненайденных, связанных с имеющимися актами, документов, например, царских грамот, на текст которых воевода ссылается в отписке, так и для многих других сторон исследования деятельности русских воевод в Вильне, оказалась в АМГ вырезана вместе с «исторической» частью. Отписка воеводы В.Б. Шереметева царю о мерах, связанных с появлением чумы в городах Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), в издании была сокращена наполовину: убранной оказалась дата присылки в Борисов предшествующего отписке указной государевой грамоты [2. Стб. 272. Л. 111–116]. В документ были введены редакторские пояснения и комментарии, слившиеся с основным текстом документа: «Василий Шереметев в отписке в Розряд доносил: [Тут следует выписка из данного ему наказа]. И я ныне в Борисове, а изъ Борисова в Вильно не пошел с твоими ратными людьми» [1. Т. 2. С. 576].

Повсеместному сокращению подверглись формульные элементы предложения: титул, обращение к государю («великий государь», «государь») и самоименование («холоп твой», «сирота твой») [1. Т. 1. С. X]. И, если титул государей и патриарха перегружало текст, не добавляя смысла, то краткие обращения к царю, не несущие сами по себе информацию, часто являлись маркером, определяющим длительность предложения. Их сокращение привело к утрате читателем понимания того, где заканчивается фраза.

Изъятие обращений и самоименований повлекло за собой перестановку слов в предложениях, получившихся в результате правки незаконченными³: «Чтоб он [...] **был ко мне в Борисов**» [1. Т. 2. С. 577] – «Чтоб он [...] был въ Борисов ка мне, холопу твоему» [2. Стб. 272. Л. 114], «И переписав те листы шляхтича Павла Роли, **я послал** к твоему государеву боярину» [1. Т. 2. С. 460] – «И, переписав, государь, те листы шляхтича Павла Роли, послал я, холоп твой, твоему государеву боярину» [2. Стб. 270. Л. 294]⁴. Перестановка слов в предложении осуществлялась и вне связи с сокращениями этикетных слов. Ее целью являлось установление правильной последовательности слов в предложениях: «И его, Григорья и с солдаты [...] которые **были с ним** посланы из Вильны [1. Т. 2. С. 616] – «И иво, Григорья и с салдаты [...] которые с нимъ были посланы из Вилны» [2. Стб. 289. Л. 39], «а вотчина, государь, **была у него** купленная в Виленском повете» [1. Т. 2. С. 499] – «А вотчина, государь, у нево была купленная Вилинскомъ повете» [2. Стб. 270. Л. 688].

В ряде случаев редакторы посчитали излишним оставлять слог «де», указывающий на относительность информации и имеющий оттенок недоверия к ее источнику. Это привело к изменению смысла фразы, приобретшей после правки черты утверждения: «А Рига сдастся ему, Госевскому» [1. Т. 2. С. 568] – «А Рига де, государь, здастся ему, Гансевскому» [2. Стб. 272. Л. 72], «А хотели ехать до Оршавы» [1. Т. 2. С. 457] – «А хотели де ехать до Оршавы» [2. Стб. 270. Л. 281].

Синонимы, повторы в тексте, «лишние» подробности, не несущие, по мнению редакторов, смысловой нагрузки и перегружающие текст, из него изымались:

³ Перестановка слов выделена в текстах документов жирным шрифтом.

⁴ В примерах выносные буквы выделены курсивом.

«А которые [...] люди к твоей государской милости не идут, и тех много» [1. Т. 2. С. 458] – «А которые [...] люди к твоей государской милости не *идут*, – и тех **людей** много» [2. Стб. 270. Л. 286], «Сказывал ему, Ивану» [1. Т. 3. С. 93] – «Ему, Ивану **Крюку**, сказывал» [2. Стб. 306. Л. 430], «и взятаго шляхтича объявить въ Розряде» [1. Т. 3. С. 287] – «И взятаго шляхтича *объявит* въ Розряде **околничему Ивану Офонасевичю Гавреневу да дяком – думному Семену Заборовскому, Василью Брехову, Григорью Богданову**» [2. Стб. 317. Л. 59].

Редакторская правка коснулась стилистики языка. В тексте нередки случаи замены слов синонимами или более «подходящими» по смыслу словами: «привезут» [1. Т. 2. С. 459] – «приведут» [2. Стб. 270. Л. 290], «хлебных запасов» [1. Т. 2. С. 617] – «хлебных зборов» [2. Стб. 289. Л. 41], «полских людей» [1. Т. 2. С. 511] – «воинских людей» [2. Стб. 270. Л. 665]. Достижению этой же цели – уточнению смысла текста – способствовала перифразировка отдельных слов и предложений: «раденем» [1. Т. 2. С. 509] – «раденишкомъ» [2. Стб. 270. Л. 690], «запасами посполнить» [1. Т. 3. С. 61] – «запасами понаполнить» [2. Стб. 306. Л. 412], «постановление» [1. Т. 2. С. 513] – «поставление» [2. Стб. 270. Л. 671]. Вследствие корректировки мог исказиться смысл предложения: «а для иных воров» [1. Т. 2. С. 459] – «и для тех, государь, воров» [2. Стб. 270. Л. 290], «и стреляли их они» [1. Т. 2. С. 459] – «и перестреляли их они» [2. Стб. 270. Л. 289].

Устаревшие слова были приведены в соответствие с нормами правописания конца XIX в. и унифицированы. Это нашло выражение в изменении букв в словах (амбаров/анбаров, поручик/порутчик, опознанья/опазнываня), исправлению падежей, числа, замене частей речи и т.д. (Господней/Господни, того быти/то быть, боярина и воивод/боярина и воиводы, старья/стари, бится за городом/битца о городе, по дороге/под дороги). Редакторская правка привела к сглаживанию языка документа, в результате чего утратилось его своеобразие, снизилась его репрезентативность как памятника эпохи.

Процесс унификации в АМГ затронул имена собственные и географические названия. Имена и фамилии были приведены к современному АМГ написанию и унифицированы: если в документах было представлено несколько вариантов, то выбирался один из них, однако последовательно этот принцип соблюдался не везде⁵. В отношении виленского воеводы М.С. Шаховского редакторами был принят вариант «Шеховской», хотя в большинстве подлинников князь именовался Шаховским, в том числе и в челобитной государю, написанной им самим, с просьбой о награждении за его службу в Вильне [2. Стб. 244. Л. 421]. Автограф Шаховского содержится и в другом источнике, крестоприводных книгах Виленского воеводства 1656 г. В них воевода многократно воспроизводил свою подпись, заверяя каждый лист книги: «К сем книгам князь Михайла Шаховской руку приложил» [4. Л. 372–391, 406–515]. Фамилия голландского купца Мартина фан Гевля была в тексте унифицирована и записывалась как «Фанэвль» [1. Т. 2. С. 511], между тем она должна была передаваться следующим образом: Мартын фан Гевль, Мартын фан Эвль [2. Стб. 270. Л. 667]. Отмечу, что в присяге, данной бранденбургскому курфюрсту в Кенигсберге весной 1656 г., жена купца Мартына была записана как «*fraü von Hövel*» [5. Р. 72].

Неточности в унификации географических названий были связаны с недостаточной осведомленностью переписчиков или корректоров с местностями Северо-Западного края Российской империи. Белорусский город Новогрудок и относящиеся к нему местности редакторы отождествили с русским городом Новгородом и новгородскими землями и заменили названия, полагая, очевидно, что унифи-

⁵ Например: Николай/Миколай; Никита/Микита; Казимир/Казимер; Емельян/Омелян; Сусанна/Зузана; Огинский/Агинский; Сопега/Сапега; Комаровский/Камаровский; Госевский, Гонсевский/Гасевский, Гансевский.

цируют их. В результате подобной унификации не замедлили случиться казусы: появились город Новгородок, новая должность русских войск – «новгородский хорунжей» и была обнаружена неизвестная ранее территориальная единица ВКЛ – «Новгородский повет» [1. Т. 2. С. 616–617]. В четырех просмотренных документах Троицкий повет Виленского воеводства с центром в городе Троки (Тракай), был заменен Троицким поветом, производным от города Троицка⁶. Такая корректировка привела к географическому коллапсу и появлению нелепых исторических реалий: «Троицкаго повету шляхтич», «въ Троицком повете желнеры полку гетмана Сопеги», «Виленского и Троицкаго воеводств» и т.д. [1. Т. 2. С. 511, 616; Т. 3. С. 41, 59]. Переводя в Разрядном приказе в середине XVII в. письмо голландского купца с немецкого на русский язык, государевы дьяки город Юрбург/Юрбаркас (нем. – Georgenburg, Jurgenberg⁷), находившийся на границе Литвы и Королевской Пруссии, перевели как «Юрьинборхас» [2. Стб. 270. Л. 667]. При подготовке к публикации АМГ, редакторы неизвестное им название передали на немецкий манер, сделав его неузнаваемым – «Юрын Борхорт» [1. Т. 2. С. 511].

Количество сознательных изменений, имеющих место в документах АМГ, далеко не исчерпываются приведенными примерами. Но и их, на мой взгляд, достаточно, чтобы понять масштаб редакторской работы, осуществленной при подготовке к изданию столбцов Московского стола, и произошедших в результате этой работы искажений оригинального текста документов.

Не все изменения, произошедшие в АМГ, явились следствием сознательного вмешательства редакторов в текст. Большое количество неточностей, допущенных при публикации, можно отнести к ошибкам при переписке текста и при его осмыслении. Выявленные в актах ошибки можно распределить по следующим категориям: ошибочно прочитанные слова, фразы; описки при наборе текста; неверно сформированные в предложение слова, неправильно расставленные знаки препинания; пропуски слов, строк.

Причин неправильного прочтения слов могло быть несколько: пропускались выносные буквы (окажет/откажет, Аглер/Англер, буде/будет), одну букву принимали за другую (старосты/староств, неметчином/неменчином, июля/июня) либо ошибочно прочитывали слово целиком (именно/имянно, лучших/лутцких, будет/бутто, Адам/Аврам, месная/мейская). Титло слова «государь» было принято за наречие «где» [2. Стб. 270. Л. 691], а военный чин «войсковый» был перепутан с должностью главы города – войтом: «Бесеускаго войта Ошмянскаго» [1. Т. 2. С. 568] – «Бесеукаго войскаго Ошменскаго» [2. Стб. 272. Л. 72]. Неверно прочитанное словосочетание, звучащее в оригинале «а уж их и не начаются» [2. Стб. 270. Л. 670], поменяло смысл предложения: «А татары и казаки по се время не бывали, служба их и не начинается» [1. Т. 2. С. 512].

Наиболее частые ошибки переписчиков связаны с неточным прочтением фамилий: Ясвильский/Ясвальский, Станкеевич/Статкеевич, Яндалов/Янцалов, Юшкеевич/Яшкеевич, Чеходской/Чеховской, Дерномов/Дернолов. Английская фамилия «Гамонтон» была прочитана как «Гомонтов», «Гамоптов» [1. Т. С. 513], немецкая Сторм – как «Стум» [1. Т. 2. С. 616], голландская Фром – как «Фрон» [1. Т. 2. С. 511], имя и фамилия Ян Аверсю [2. Стб. 270. Л. 668] были переданы как «Ан-Аверсю» [1. Т. 2. С. 512]. Виленский мещанин Якубко Стобов вследствие неправильного соединения слов стал Якубом Костобовым [1. Т. 2. С. 500]. Проверить фамилию можно по крестоприводным книгам воеводы Шаховского, где он был записан как Якуб Скобевич [4. Л. 482об.].

⁶ В России город Троицк появился в 1743 г. в Оренбургском крае, в настоящее время является районным центром Челябинской области.

⁷ В настоящее время город Юрбаркас (Jurbarkas), Литва.

Встречаются ошибки в прочитывании географических названий: «Кирсия» [1. Т. 3. С. 41] – «Кирсня» [2. Стб. 244. Л. 406], «Меховичи» [1. Т. 3. С. 93] – «Ляховичи» [2. Стб. 306. Л. 429], «Морны» [1. Т. 2. С. 512] – «Тор[у]ньи» [2. Стб. 270. Л. 671]. Любопытен случай, когда переписчики приняли за фамилию название города: «идти к Глыбовскому» [1. Т. 3. С. 298] – «итит къ Глыбокому» [2. Стб. 317. Л. 67].

Были выявлены в тексте описки, явно возникшие вследствие неправильного набора (откун/откуп, в двоих/маетностях/в своих/маетностях, Кумилгана/Кулимгана, Аскирка с нолком/Аскирка с полком). Невнимательность переписчиков понизила полковника Сесицкого до подполковника [1. Т. 3. С. 93; Т. 2. Стб. 306. Л. 428], а подполковника Фрома, наборот, повысила до полковника [1. Т. 2. С. 511; 2. Стб. 270. Л. 667]. Досадная описка произошла при указании количества побитых в бою литовских людей – 3500 [1. Т. 3. С. 287], тогда как в подлиннике – в десять раз меньше: «полчетверты тысячи побили» [2. Стб. 306. Л. 58].

Одна из сложностей работы с документами данного периода – отсутствие в них деления на предложения и привычных знаков препинания. В связи с этим, при работе с источниками возможны случаи неверно сформированных в предложениях слов, что демонстрируют и опубликованные документы:

Публикация АМГ:

«А пан Сопега, воевода Витебской, хотел им помешать мосту делать; однако ничего не взыскав, со стыдом отступил в Варшаву. Еще отступлена, и держитца накрепко, и не блюдется приступов королевскаго величества Полскаго войска: стоит в Вяздове войско большое, толко люди вельми оскудели, потому что их насили собрали ис поветов» [1. Т. 2. С. 512].

«Пана Шумовского и послов царя его милости и послнков от царя его милости на каждый день пилно выглядяем; корол, его милость цале и вшитна. Речь Посполита на том есть, абы было слученье с царем его милостью» [1. Т. 2. С. 573].

Подлинник:

«А пан Сапега воивода Витепский хотел им помешат мосту делат, однако ж ничего не взыскав, со стыдом отступил. Варшава еще отступлена, и держатца накрепко, и не блюдется приступов. Королевского величества полского войско стоит в Вяздове. Войско большое, толко люди велми оскудели, потому что их насили ис поветов собрали» [2. Стб. 270. Л. 670].

«Пана Шумовского и послов царя, его милости, и послнков от царя, его милости, на кожды день пилно и прентно выглядяем. Корол, его милость, цале и вши[с]тка Речь Посполита на томъ есть, абы было случене с царем, его милостью» [2. Стб. 272. Л. 106].

В первом из вышеприведенных примеров причиной неправильного деления текста на фразы стала вольная трактовка содержания документа, обусловившая его корректировку для достижения желаемой осмысленности текста. Во втором – незнание переписчиками простой мовы (старобелорусского или староукраинского языка), что выразилось в ошибке в слове «вши[с]тка», пропуске слова «прентно», и в отнесении к разным предложениям слов знаменитого выражения «целая и вся Речь Посполитая» («cale i wszystka Rzecz Pospolita»). Об этом свидетельствует и то, что в опубликованном акте, из которого был взят пример, присутствуют многоточия вместо отдельных слов, тогда как в подлиннике эти слова хорошо читаются.

Неточное понимание границ предложения и его частей обусловило и ошибочное употребление знаков препинания, что также видно из рассмотренных примеров. В целом, анализ документов показал, что пунктуация ставилась произвольно, не подчинялась правилам и не перепроверялась впоследствии редакторами издания. Это касается как документов, так и заголовков к ним. Например, в заголовке к документу № 977 редакторы выделили запятыми оборот, в этом не нуждающийся: «Отписку Борисовскаго воеводы Василья Шереметева об устройстве застав, для предохранения ратных людей от моровой заразы, к городам Вильне и Смоленску» [1. Т. 2. С. 576]. Нижеприведенное предложение в публикации содержит запятыя, поставленные после каждого имени, тире в обозначении полка «Юрева полку –

Кита», а заканчивается предложение точкой с запятой [1. Т. 2. С. 622]. Согласно современным правилам пунктуации эта фраза должна передаваться следующим образом:

«И Онфиноген, государь, Шишкин отдал в Вилне твоихъ, великого государя, хлебныхъ запасовъ по скаске капитана Кашпирова полку Андера Михайла Кудрявого да порутчика[в] Юрева полку Кита да Адамова полку Гохфорта Федора да Терентья Очаковыхъ сухарей шестистот семдесят три чети» [2. Стб. 302. Л. 34].

Ошибки, связанные с пропусками слов и строк, когда они не являлись следствием корректировки текста, возникали в работе переписчиков из-за невнимательности, очевидно, вследствие больших объемов публикуемых актов: «7.839 чети» [1. Т. 3. С. 39] – «7.839 чети с осминою» [2. Стб. 244. Л. 395], «захотячи отомстити» [1. Т. 2. С. 568], «захотячи отомъстит, – да неспешно им» [2. Стб. 272. Л. 73]. В предложении: «А корол де, государь, полской пошел против шведа к Торуни, а войска де с ним шездесят тысячъ», при публикации было пропущено окончание, «а с швецким, государь, – войска шеснатцат тысячъ» [2. Стб. 270. Л. 665]. Было выпущено и словосочетание «римский цезарь» из фразы: «И писано, что **цысар римской и сорок тысячъ войска..**» [2. Стб. 270. Л. 671].

Небрежность в издании по отношению к текстам актов проявилась и в не систематическом выписывании помет, прежде всего, это касается помет о получении государем отписок. Пропущенными при публикации вестовой отписки виленского воеводы от 5 июля 1656 г. оказались пометы на обороте: «Государю чтена, взяты в столпъ» и «Отдана сверху июля въ 11 день» [2. Стб. 270. Л. 664об.]. На обороте другого письма, присланного царю Шаховским в ноябре 1655 г. имеется начатая дьяками запись «государь указал», по неизвестной причине не получившая продолжения [2. Стб. 270. Л. 281 об.]. Эта помета также не была опубликована в АМГ, а в то же время она содержит информацию о том, что получатель был осведомлен о ее существовании и, вероятно, с содержанием донесения ознакомился [1. Т. 2. С. 458].

В публикации часто не передавались пометы, помещавшиеся перед текстом и свидетельствовавшие о вторичном его воспроизведении: «список с списка» [2. Стб. 302. Л. 36] или «список с отписки» [2. Стб. 289. Л. 39]. В некоторых случаях в этом виде помет сокращенными оказывались и другие важные обстоятельства создания документа:

«Список с вилинской отписки, списан в Розряде марта въ 22 день нынешняго, 166-го году». [2. Стб. 286. Л. 168].

«Списокъ с отписки, что писал к великому государю, [титул], из Вилны воевода князь Михайло Шеховской с соколником, с Матвеемъ Нееловымъ в нынешнем, во 167-м году, сентябрю въ 4 день. Переписывано дважды». [2. Стб. 302. Л. 33].

Последняя ремарка «переписывано дважды» отсылает нас к государеву указу о многократной переписке посланных ему воеводами отписок с земель, зараженных моровым поветрием [2. Стб. 272. Л. 538]. Вследствие этого, из-за боязни распространения чумы, в 1657–1658 гг. резко возросло количество копий (списков) отчетов виленского воеводы Шаховского, неоднократно переписывавшихся на специально созданных заставах в Борисове, Смоленске, Вязьме а, затем, по получении писем, дьяками в Москве.

Имя получателя, писавшееся на оборотной части документа, в АМГ не публиковалось. Помещавшаяся на обороте помета о получении документа адресатом целиком не воспроизводилась: она легла в основу краткого предисловия-справки, помещаемой перед публикуемым актом. Во втором томе АМГ справка отделялась тем, что следующий за ней текст документа брался в кавычки, а в третьем она стала выделяться курсивом. Таким образом, эта помета была отграничена от документа и перестала быть его неотъемлемой частью, чем она изначально являлась.

Предисловие ко второму тому включало сведения и о дальнейшей отправке письма в Приказ или в Разряд, содержащиеся в другой помете: «Виленский вое-

вода Шеховской в отписке, полученной в Разряде [дата], доносил». Придуманное редакторами тома вступление воспринималось ими самими как формула, однако она не всегда отвечала реальному положению дел и могла воспроизводиться в том случае, когда в тексте документа не было на то никаких оснований. В отписке воеводы Шаховского от 29 мая 1657 г. не было пометы о том, что оно доставлено в Разряд или в какой-либо приказ [2. Стб. 272. Л. 104–106], однако в публикации перед текстом встречаем созданную редакторами формулу. В предисловии к отписке воеводы о найденных на дворе князя Радзивилла пушках также сообщалось о поступлении документа «в Разряд» [1. Т. 2. С. 508–509], в то время как в подлиннике стоит помета о ее поступлении «в Пушкарской при[каз]» [2. Стб. 270. Л. 268об.]. В третьем томе от данной формулы отказались: помета о получении и об отправке в разряд или приказ могла помещаться перед текстом или после него, либо вообще опускалась: теперь это зависело от воли переписчика.

В то же время, ни во втором, ни в третьем томе в предисловие или публикацию пометы не входил, за редким исключением [1. Т. 2. С. 503], один обязательный для пометы о получении элемент – имя и фамилия посыльного, что в некоторых случаях имеет немалое значение для исследования. В справке отписки воеводы, опубликованной под № 742, указано, что документ был получен «в Иноземском приказе 164-го г. ноября в 17 д.» [1. Т. 2. С. 454]. Приведенная в качестве примера справка явилась результатом слияния двух помет, имевшихся на обороте документа. Одна помета в подлиннике сообщала о том, что отписка была привезена 17 ноября вышеуказанного года капитаном Иваном Коротневым, другая – о поступлении ее в Иноземский приказ [2. Стб. 270. Л. 245об.]. Третья помета, помещавшаяся здесь же, на обороте, информировала, что на следующий день, 18 ноября, государю доложили об отписке и он приказал написать грамоту в Вильну. Черновик государственной грамоты сохранился в столбцах Разрядного приказа и не был опубликован. Указная грамота была создана 20 ноября «в нашей отчине, в Смоленску» и отправлена 27-го числа в Вильну с тем же посыльным – капитаном Коротневым [2. Стб. 270. Л. 248]. Таким образом, отписка Шаховского поступила государю во время его пребывания в Смоленске – остановке на пути следования из завоеванной русской армией столицы Литовского княжества, Вильны, домой, в Москву. Как мы видим, данный факт удалось установить именно по наличию имени посыльного в помете о получении документа.

Такой важный атрибут акта, как подпись, – главное свидетельство, удостоверяющее подлинность документа, – в публикации чаще опускался. В просмотренных документах АМГ обнаружилась лишь одна подпись – Шаховского, заверяющего свой отчет о времени воеводства в Вильне [1. Т. 3. С. 39–40]. В подлиннике удалось найти не вошедшие в публикацию подписи ксендза Ивана Звурьинского, «приложившего руку» вместо шляхтянки Сюзанны Статкевичевой [2. Стб. 270. Л. 688об.], Козьмы Наумова, подписавшего расспросные речи за неумеющих писать «языков» [2. Стб. 317. Л. 65–65об., 68–68об.] и подпись на польском языке, сделанную шляхтичем, полоцким ротмистром Брониславом Прысецким [2. Стб. 285. Л. 240об.].

Рассмотрев пометы и подписи, можно резюмировать, что небрежность при их выписывании в АМГ лишила исследователя возможности определить характер документа (подлинник или список), а отсутствие в публикации актов имени посыльного в пометах о получении не позволяло выявить взаимосвязь между перепиской, людьми и событиями, о которых сообщалось в актах.

Другой параметр при анализе актов – черновик или беловик, также оказался недоступным для ученого, пользующегося этим изданием. Как правило, отписки воевод, сохранившиеся в фонде Разрядного приказа, являются беловиками, а государевы указные грамоты представляют собой черновики, отложившиеся в процессе делопроизводства. Чистовые грамоты отправлялись из разрядов и приказов

по месту назначения – воеводам в города ВКЛ, черновики же оставались на месте отправки и содержали пометы о дате посылки беловика и имя посыльного. В АМГ эта особенность указных грамот не получила отражение. Грамоты были изданы в виде беловиков, в которых не воспроизводились зачеркнутые места, варианты слов и не отмечались исправления. То же касается и черновых записей на обороте воеводских отписок, сделанных дяками после представления их государю. Таким образом, документы передавались в издании с пропусками и ошибками. Места, исправленные в тексте документов, в ряде случаев просто сокращались: «жмудяном говорит» [1. Т. 2. С. 503] – «жмудяном всяких чинов⁸ людемъ говорит» [2. Стб. 270. Л. 531].

«Какъ к тебе ся наша грамота придет, и ты б послал в Жмутцкой повет⁹ ис капитанов ково пригож¹⁰ и ково с наше дело станет. И велел служилым, и жилецким¹¹, и всяким людем¹² говорит, чтоб они наши государские милости поискали: учинилися под нашею государскою высокою рукою¹³. А мы, великий государь, наше царское величество, ихъ пожалуем¹⁴: веры их отнимат¹⁵, и прав, и волности не отыдем¹⁶, и нарушим ни в чом¹⁷ не велим. И учнем их жаловат, и держат в нашем государскомъ жаловане и в милостивомъ призьные пожалу[ем] их: вели[м] шлякте¹⁸ и на пр[е]жня их маетности¹⁹ дать наши государские жаловальные гра[мо]ты за красными печатми. +²⁰ А мешаном и всякимъ торговым людем велимъ всякими торговыми промыслы промышлят безошлинно»²¹ [2. Стб. 270. Л. 532].

В приведенном отрывке присутствует двойной ряд исправлений: первый ряд вписан над строкой и зачеркнут, а второй – вписан над строкой, иногда поверх зачеркнутых слов. В публикации черновик указной грамоты стал беловиком: многочисленные зачеркнутые фрагменты и вставки не были отмечены, в том числе и вставка, выписанная на обороте листа [1. Т. 2. С. 503].

Отписки воевод изредка могли содержать исправления или слова, вписанные над строкой, что позволяет классифицировать этот вид документа иначе – как отпуск с поправками: «И темъ, государь, они моимъ, холопа твоего, отпискамъ веры неймутъ ни в чомъ, и пишут з гневомъ болшим»²². В вышеприведенной фразе виленский воевода, князь Мышецкий, редактируя отписку, подписал сверху слово «большим» для придания весомости своей жалобе на полкового воеводу, князя И.А. Хованского. Этот любопытный момент ускользает от глаз исследователя, пользующегося АМГ.

Особо остановлюсь на разборе заголовков документов, опубликованных в АМГ. На сегодняшний день в археографии обязательными элементами заголовка акта являются: дата и место его создания, видовое название, автор, адресат и краткое описание его содержания. Несколько элементов из этого перечня в заголовках к актам АМГ отсутствовали: не приводилось место создания акта, а в заголовки к отпискам, кроме того, не включались место получения акта и адресат.

⁸ Вписано над строкой.

⁹ Вписано над строкой: «послал в Жмутцкой повет».

¹⁰ Вписано вместо зачеркнутого: «послал доброво и разумново человека»; вписано над строкой и зачеркнуто: «в Жмуд, ково пригож».

¹¹ Вписано над строкой: «и жилецкимъ»; вписано над строкой и зачеркнуто: «и шлякте».

¹² Вписано над строкой и зачеркнуто: «и мешан»; далее зачеркнуто: «которые в Жмуди».

¹³ Вписано над строкой.

¹⁴ Вписано над строкой: «ихъ пожалуем».

¹⁵ Вписано над строкой.

¹⁶ Вставка на полях: «не отыдем».

¹⁷ Вписано над строкой: «ни в чом».

¹⁸ Вписано над строкой: «пжалу[ем] их: вели[м] шлякте».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «велимъ».

²⁰ Крест в круге или крыж: вставка на л. 532 об.: «А мешаном [...] безошлинно».

²¹ Далее зачеркнуто: «А уездным людем велим лготы дат». Над зачеркнутой строкой вписано слово «крестяном» и зачеркнуто.

²² Вписано над строкой.

При указании даты создания документа в томах АМГ не обошлось без путаницы. Как правило, в документах XVII века дата отправки указной государевой грамоты приводилась дьяками в конце текста, а в отписках воевод, напротив, она фиксировалась редко²³. Во втором томе АМГ дата создания грамоты не была вынесена в заголовок. Лишь отписки в издании предвзяло уже упоминавшееся вступление, содержавшее дату присылки акта в разряд или приказ. Дата отправки акта в заголовках к отпискам отсутствовала. В третьем томе дата отправки была введена в заголовок, однако в случаях с отписками, в тексте которых не была указана дата отправки, приводилась дата получения, без разъяснения характера этой даты [1. Т. 3. С. 91].

Запутанная ситуация сложилась с четырьмя актами, помещенными в этом томе под № 55. Вместо четырех дат отправки, в заголовке указаны две даты: «Апреля 20/мая 9». Апрельская дата является временем получения, а не отправки, первой отписки, вторая отписка в тексте содержит дату отправки – 9 апреля, однако это не получило отражение в заголовке, третий документ является указной государевой грамотой, посланной в Вильну 2 мая, а последний – отписка князя Мышецкого – привезен к адресату 9 мая [1. Т. 3. С. 61–62]. Таким образом, в заголовке помещены две даты получения документов – первого и последнего акта.

Описание содержания акта в заголовках часто не соответствует тексту. В документе под названием «Отписка виленского воеводы М. Шеховского об рыцарском коле в г. Бельске, на котором был и литовский гетман Павел Сапега» [1. Т. 2. С. 564] упущенными оказались необходимые для заголовка сведения. Это, во-первых, личность информанта, виленского мещанина, съездившего в Брест и под Люблин и собравшего там вести. Во-вторых, в местечке Медирич, находившемся в десяти километрах от Люблина, мещанин узнал про положение венгерского князя Ракоци, потерявшего ряд неудач в боях с польскими войсками, и услышал новости про шведского короля – эти сведения не получили отражение в заголовке, между тем как данная информация составляет более половины текста документа. В-третьих, использованное в заголовке название «рыцарское коло» не дает представление о том, что на самом деле происходило в Бельске. С учетом всего вышеописанного, заголовок этого акта может быть сформулирован следующим образом: «1657 г. марта 15. Вильна. – Отписка вилен. воев., кн. М.С. Шаховского рус. ц. Ал. Мих. с вестями, сообщенными ему вилен. мещ. Степ. Рабцовым, о принятом на съезде в Бельске решении шляхты семи поветов быть на стороне литов. гетм. Павла Сапеги, о неудачах венгер. кн. Ракоци в боях за польские города и о местонахождении шведского короля и его войска».

Заголовки невняты, размыты, во многих случаях из их описания невозможно понять, о чем в акте идет речь: «Отписка виленского воеводы, князя Михаила Шеховского, о посылке из Вильны в поветы шляхты для проводывания всяких вестей, да и к королю польскому: не послали ль шляхты, которые присягали государю на конвокацию» [1. Т. 2. С. 601]. Данный заголовок пересказывает содержание акта его же словами и содержит ошибки в пунктуации. По прочтению этого заголовка возникают вопросы: «на какую конвокацию» шляхта присягала государю, какому государю, где проходил съезд («конвокация») с участием польского короля и т.д. В следующем примере несколько запутанный по своему содержанию заголовок имеет черты тенденциозности: «Отписка виленского воеводы, князя М. Шеховского об убийстве в посылке за ворами начальных людей и солдат, посланных собирать хлебные запасы и денежные доходы» [1. Т. 2. С. 616]. Ворами выступают здесь солдаты полков Павла Сапеги, гетмана ВКЛ. Получается, что воры – это

²³Эту особенность отписок отметил и С.М. Каштанов на материале монастырских отписок XVII вв. [6. С. 117].

местное население княжества, боровшееся против оккупировавших их русских войск. Кроме того, осталось неясно, куда же все-таки послали русских солдат – на поимку «воров» или собирать дань с поветов?

В тех случаях, когда под одним номером помещалось несколько документов, описание содержания в заголовках опускалось: «Апреля 20/мая 9. – Отписки: 1,4) из Вильны кн. Д. Мышецкого и 2) кн. И.А. Хованского; и 3) грамота первому о спорных солдатах полка Кунигама» [1. Т. 3. С. 61].

Рассмотрев заголовки в томах АМГ, можно сделать вывод о том, что они, как и другие элементы издания, совершенно неудовлетворительны. Вероятно, заголовки создавались переписчиками документов, что объясняет имеющуюся в них пестроту. По-видимому, качество заголовков напрямую зависело от уровня образованности архивистов, работающих с подлинными текстами. При редактировании тома заголовки не были унифицированы.

К сожалению, приходится признать, что переписку документов делали архивисты, не имеющие представления о Великом княжестве Литовском, его городах и фамилиях людей, а также не имевшие опыта публикации документов. Возможно, причиной низкого качества томов АМГ стали и огромные объемы издания: некоторые документы были опубликованы дважды [1. Т. 2. №№ 947 и 948, 984 и 1001, 944, 948 и 949, 934 и 938] [7. С. 4].

Низкий научный уровень издания не устраивал уже современников. В первую очередь, они отмечали непоследовательность в подборе материала. В.Н. Сторожев – один из архивистов, работавших над АМГ, вскрыл основные недостатки этого издания. Он писал, что публикация АМГ «допускает и значительные неоговоренные пропуски, и неправильности в самом плане выбора документов, частью произвольного, частью подчиненного архивной рутине, допускает нелюбовности и в технике издания» [7. С. 4]. Такая критическая оценка издания одним из его редакторов объясняется тем, что сам Сторожев подключился к работе над АМГ на заключительном этапе работы над вторым томом, просматривая и группируя документы, исправляя некоторые заголовки. Впоследствии он занимался подборкой материала по Поместному приказу для третьего тома АМГ [8. С. 194–196]. Непримируемую позицию занял историк А.С. Лаппо-Данилевский. Придя работать в Академию наук, он тут же поставил вопрос об отказе данного учреждения от проекта по изданию томов АМГ, как «историографически и археографически устаревшего (хаотического к тому же по своему содержанию)» [9. С. 47].

Современная исследовательница И.Г. Воробьева обратила внимание на то, что работа над АМГ была делом бескорыстным и базировалась лишь на энтузиазме заведующих архивом. Идея этой серии принадлежала Н.В. Калачову, работавшему в Московском архиве Министерства юстиции (ММЮ) и в Академии наук и пользовавшемуся всеми материальными благами последнего. Однако именно Попову, не связанному с Академией наук, принадлежит разработка и воплощение идей предшественника [10. С. 92–93].

В целом отмечу, что во втором томе значительно большее количество ошибок и описок, нежели в третьем. Возможно, на работе сказался тот факт, что при следующем управляющем ММЮ Самоквасове, осуществившем общую редакцию третьего тома, был увеличен штат работающих над изданием до девяти человек. Однако, поскольку АМГ представляли собой частное издание, то, по распоряжению Самоквасова, архивисты ММЮ работали над ним во вне рабочее время [8. С. 195].

Сличение подлинников документов Разрядного приказа и их публикаций показало, что «Акты Московского государства», появившиеся на заре археографической науки, нуждаются в переиздании. Отмечаемый современниками АМГ случайный характер подборки документов этой серии предполагает добавление в будущее издание новых, еще не опубликованных документов, позволяющих соз-

дать, насколько это возможно, более полную картину деятельности русских воевод в городах ВКЛ. Такая работа уже ведется автором статьи в рамках совместного литовско-российского проекта Института истории Литвы по изданию материалов о жизни населения Литовского княжества в 1655–1661 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. (1571–1634); СПб., 1894. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. (1635–1659); СПб., 1901. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. (1660–1664).
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол.
3. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 145. Приказ Великого княжества Смоленского. Оп. 1. Кн. 3. Крестоприводные книги жителей Великого княжества Литовского. 1655–1660 гг.
5. *Karge P.* Zur Geschichte des Deutschtums in Wilna und Kaunen. // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1917. Т. 54.
6. *Каушанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
7. *Сторожев В.Н.* Московское управление в Вильне XVII века с приложением текста виленских приходных каменешных книг 1658 г. М., 1894.
8. *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999.
9. *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991.
10. *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

© 2011 г. В.И. КОСИК

НАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ВАРИАЦИИ В МАРШАХ ЭПОХИ (младороссы)

Статья посвящена вопросам русского национализма, судьбе России, рассматриваемым в партии младороссов, одной из наиболее известных в эмигрантской среде в межвоенный период.

The article is devoted to the problems of Russian nationalism, the destiny of Russia, which are debated in the Party of Mladorosses (Young Russians) – one of the best known in the emigrant environment of the interwar period.

Ключевые слова: младороссы, Казем-Бек, Молодая Россия, Родина, национализм, СССР, большевики, социализм)

Неослабевающий интерес историков и философов, социологов и политологов к российской эмиграции первой волны – свидетельство востребованности идей мыслителей эмиграции для понимания своего национального бытия в современном, уже неузнаваемо изменившемся мире. Распутывая сложный клубок националистических, демократических, социалистических, монархических и прочих идей – историк сталкивается с огромными сложностями: разбирая свалившийся на вышедших из своего «духовного заточения» потомков сундук заграничных дедов, мы порой бываем удивлены их наивностью, а порой потрясены обретенным богатством, сулящим неплохие ориентиры на наших еще не протоптанных путях.

Безусловно, в сочинениях отечественных и зарубежных авторов приоритет отдается исследованиям в области культуры. Солидно исследования так называемой миссии русской эмиграции. Рассмотрение же проблем и сюжетов, связанных с политической деятельностью российской эмиграции, находится на втором или третьем плане. Объяснение этому можно искать в кажущейся бесперспективности, тупиковости таких тем, выявленной историей (на том этапе) ошибочности, неверности программных установок, мелкости самих организаций и их деятельности и пр. Однако внимательное изучение этой тематики позволяет не спешить списывать их творчество и деяния. Если даже «карликовые» организации с такими же идеями могут неожиданно подарить интересные повороты мыслей, то что же говорить о многотысячных движениях, союзах, объединениях, возглавлявшихся людьми, умеющими размышлять, думать о России, надеявшимися увидеть свою родину свободной, готовившимися отдать ей свои знания и силы.

Одной из такой организацией и является «Молодая Россия» с ее лозунгом «Ни белые, ни красные, а русские». Век ее был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Многое из теоретического наследия

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

младороссов, вступивших на политическую сцену зарубежья в начале 1920-х годов, и сегодня звучит современно, а значит актуально.

Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младороссах, живших в странах русского рассеяния – от Аргентины до Австралии, от Брюсселя до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходивших со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена национальному вопросу, будущему обустройству России.

В феврале 1923 г. в Мюнхене собрался Первый всеобщий съезд представителей организаций национально-мыслящей русской молодежи. В ее декларации были такие строки: «Наш идеал – великая, могущественная, национальная Россия. Наша вера – в грядущее спасение и возрождение Родины. Русский народ, обманутый и обманувшийся, исцелится от чужеземной заразы. Он найдет опять свои национальные пути и в рамках исторической формы своего многовекового государственного строя завершит на грани двух миров культурно-историческое призвание Русского государства. Мы верим в великое прозрение сынов русского народа, сознавшего свои тяжкие преступления против Родины. Мы исповедуем грехи руководящих слоев русского общества, в большей своей части увлекавшихся несбыточными, ложными построениями и разрушивших свою государственность, а в меньшей допустивших своей преступной вялостью и непотреблением злу развал русской державы. Мы каемся в нашей доле участия, вольного или невольного, в причинах русского бедствия [...] На единении царя и народа, на мудром и твердом управлении и взаимном доверии правителей и граждан будут покоиться основы новой русской государственности. Мы не хотим восстановления изжитых порядков, не устоявших перед смутой, и возвращения ветхих душой людей к управлению Россией [...] Мы хотим возрождения русской культуры и творческого духа, воссоздания хозяйственной мощи России, оздоровления русского быта. Самоотверженный созидательный труд всех граждан, чуждый сословной розни и классовой борьбы вернет России расцвет и благоденствие» [1. 1933. 25 П. С. 1].

Итак, февральский Всеобщий съезд национально-мыслящей молодежи объединил на «исконных принципах русского национализма» 29 организаций, насчитывавших около 4000 членов. Избрав руководящий орган – Главный совет объединенной русской молодежи, все они, сохраняя внутреннюю самостоятельность, вошли в состав возглавляемого им федеративного союза «Молодая Россия».

Перед руководством были поставлены задачи по распространению в молодежной среде национальных идей, вовлечению молодых людей в ряды младороссов, формированию повсеместно отделений союза, созданию обществ по самообразованию, открытию литературно-художественных, научно-образовательных и спортивных кружков, учреждению курсов политического образования, прикладных наук, ремесленных и профессиональных школ, а также ссудных касс и обществ взаимопомощи и благотворительности.

Цель Главного совета объединенной русской молодежи – «способствовать расширению и укреплению организаций националистических сил, открытая проповедь их верований, выполнение их научно-исторических и политических знаний, могущих укрепить и обосновать их национальное чувство» [2. С. 2].

В 1923 г. в Мюнхене Александр Львович Казем-Бек был избран председателем Главного совета объединения русской молодежи, которая на своем втором съезде в 1924 г. инициировала создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. – в Младоросскую партию, куда входили практически все представители наций, народностей России, ее регионов, краев, областей.

Рассматривая младоросские документы программного характера, следует отметить, что разрешение национального вопроса не обуславливалось какими-либо

ограничениями в правах народов многонациональной России. Напротив, он прежде всего связывался с темой общего жительствова и сотрудничества российского геополитического мира.

Будучи убежденными в том, что предложенное советской властью разрешение национального вопроса, проблемы «свободной и национальной личности» является неудовлетворительным для народов России и всей империи в целом, младороссы считали, что только многонациональное, демократическое государство может успешно противостоять расово-этнической доктрине. Одновременно они подчеркивали важность поставленной задачи как для судьбы многонациональной России, «имеющей прямое влияние на судьбы мира вообще», так и для многих наций.

В то же время Казем-Бек признавал, что «ленинская постановка национального вопроса в революционной России оказалась прививкой [...] от сепаратизма. И от прививки русское великодержавное сознание не пострадало. Оно возрождается и крепнет. Для русского духа, для русского начала, для русской правды – “жизнь начинается завтра” [...] взаимоотношения народов союзной империи не отлились еще в окончательные формы. Имперское строительство потребует десятилетий. Вопросы политики, культуры, хозяйства, быта, техники не могут быть разрешены удовлетворительно в условиях [...] кризиса. Народы империи во главе с народом русским строят и организуют свое величие. Их общая судьба требует много усилий, жертв, воли и веры. Им позволены дерзания, каких не знали другие народы» [3. 1939. 29 I. С. 1].

В 1936 г. в одной из передовиц газеты «Бодрость» можно было прочесть следующие строки: «Во избежание непоправимых ошибок, те, кто отвечают за судьбы нашей страны, должны отдать себе отчет в том, что Москва никогда уже не будет столицей всемирного социалистического государства (надо полагать, что в Москве умели обходиться без напоминаний, особенно от эмигрантов, о стоящих перед ней задачах. – *В.К.*). Гнаться еще теперь за этой целью – значит неразумно растрчивать силы возрожденного русского национализма (какая смелость мысли, парящей в умах и опережающей реалии! – *В.К.*). Перед нами стоят иные задачи. Наша имперская мощь, наше мировое всечеловеческое значение (особенно по методам исправления человека. – *В.К.*), наша великая культура не нуждаются в [...] механическом включении иных законченных национально-культурных организмов в имперский организм России. Призванная создать новые высшие формы человеческой культуры на молодом Евразийском материке, Россия никогда [...] не отречется от всечеловеческих ценностей, созданных другими народами и впитанных русским духом. Мы принимали, принимаем и будем принимать в наш духовный мир все подлинно вселенское, что было создано и создается человечеством (а что будет служить критерием и кто его создаст? – *В.К.*). Но именно поэтому Россия может позволить себе роскошь понять, что новая Италия имеет полное право строиться на Римской, а не на евразийской основе, что французский социализм продолжает не только великую революцию, но и святого Людовика и святую Жанну. Братство народов Советского Союза – России было заложено до кратковременной эры социалистического интернационализма, и оно должно пережить эту эру. Освобожденное от классово-идеологии марксизма, оно должно быть поставлено на свою реальную историческую основу и должно быть окончательно понято как органическая непрерывность судьбы народов, населяющих великие континентальные пространства. Идеино углубить и утвердить братство народов России – такова одна сторона задачи, встающая перед нашей страной при ликвидации интернационала. Другая [...] заключается в том, что при нашем, быть может решающем, участии должно быть организовано, во всемирном масштабе, сотрудничество между национальными организациями, на которые распадается мир. Опыт нашей эпохи доказывает, что всемирная организация человечества не может осу-

ществиться через интернационал. Осуществление социализма в отдельных странах через усиление элементов государственности – такова формула нашей эпохи. Мы не можем навязывать другим странам национальный социализм нашей страны. Но мы можем положить на весы международную мощь и величие России для того, чтобы из новых социальных национализмов выросла новая мировая гармония» [3. 1936. 12 VII. С. 1].

В целом, очень умно, значительно, глубоко. Младороссы отчаянно хотели войти в историю и действительность своей Родины, где, как им казалось, идеи мирового пожара теряли свой блеск и жизненную силу, уступая место советскому, то есть национальному строительству.

В 1934 г. корреспондент английской «The Observer» писал: «Национализм проявляется также во внутренней жизни страны. Десять лет тому назад чрезмерная любовь к своей родине расценивалась у коммунистов как проявление безразличия к международному революционному движению. В те времена одна коммунистка сказала мне, как бы извиняясь: “Я люблю Россию больше, чем надо хорошему коммунисту”. Теперь советский патриотизм воспевается во всех газетах. Конечно, вера в международную мессианскую миссию русской революции будет умирать медленно» [1. 1934. 5 VIII. С. 4].

Тогда же А.Л. Казем-Бек писал о росте национальной стихии, постепенно охватывающей всю жизнь страны. «Слово “русский” заменили словом “советский”. Страна стала “советской”, граждане “советскими”, города, горы, реки “советскими”. Но [...] в слове ли суть дела? Коммунисты часто не замечают, что под “советским” обликом в жизнь страны проникает русская контрабанда». «Новый русский национализм должен пережить свои “детские болезни”. Они пройдут. Национальная же идея останется». «В России развился настоящий культ героической личности. Живым людям ставятся памятники. В их честь окрепляют (здесь у автора сбой произошел. – В.К.) не только улицы, но и города [...] А слова официального гимна по инерции все еще отмечают с Богом и царем когда-то ненавистного героя. Патриотизм из единичного явления превратился в бытовую норму» [1. 1934. 5 VIII. С. 2].

Весьма любопытны и размышления младоросса А.Р. Мордвинова в связи с выходом знаменитой «Зависти» Ю. Олеши. Завершая рецензию, он писал: «Есть в юности каждого торопливо и неровно растущего человека период какой-то преждевременной усталости и болезненной обращенности на себя. Этот возраст [...] жизни сопровождается различными признаками внешней и внутренней дряхлости, сложной смесью мечты и порока, тяжелой тоской, ведущей к неприуроченным безжизненным действиям. Не так ли проходит Россия, лихорадочно быстрая, болезненная молодость? Наш деспотизм и наши утопии – все это от юных и смутных брожений, от безвольной тоски и порочной мечтательности. Но разве в самой этой смутной тяжести не таится возможность и преодоления – проблеск нового и желанного времени?» [1. 1932. 1 I. С. 3]. А может быть эти размышления можно отнести и к младороссам?

Далее. В отличие от «красных профессоров» младороссы имели свою трактовку феноменов человеческого жития и бытия. По их утверждению, «национализм есть сознательная приверженность к нации, обязывающее к служению ей [...] Нация есть объединение личностей, связанных общностью исторической судьбы. Это есть духовный организм, образующийся в силу общности, как духовной направленности, так и внешних условий жизни (органичность и природность). С младоросской точки зрения нация отличается от народа тем, что в ней признак происхождения (крови) играет второстепенную роль. Нация может быть сплавом многих народов, но обладает единой синтезирующей культурой. Нация зарождается в момент осознания ее членами этой культуры и умирает, когда оказывается неспособной служить своему идеалу» [1. 1934. 1 I. С. 3].

Не нужно быть большим мудрецом, чтобы увидеть в младоросской «нации» прототип российской и прообраз новой исторической общности – «советского народа».

Представляет интерес и младоросская трактовка революции 1917 г., которая не привела к выявлению лица настоящей России только потому, что была «использована не русскими патриотами, а интернациональной кликой, ничего общего с Россией не имеющей, исказившей революцию в антинациональные формы кровавого антирусского режима» [4].

И тем не менее, у нас в стране были у власти русские большевики, что неоднократно подчеркивал и сам Сталин в докладе на XVI съезде ВКП(б) [5. С. 22, 24].

В 1933 г. бывший управделами Наркоминдела С.В. Дмитревский, сбежавший на Запад, выступая по «русскому вопросу» на страницах родственной ему «Младоросской искры», утверждал: «Именно из гонений на все русское вырос сейчас и крепнет в русских душах самый острый, самый яркий национализм. Русские, наконец-то, ощутили себя нацией. Это ощущение – начало всего. Из него рождается национальная связанность и сплоченность. Каждый начинает смотреть поверх партий и классов – и во главу угла ставить интересы расы, кровного братства. Отсюда – национальная гордость [...] Отсюда – энергия и героизм русских в строительстве наших дней. Отсюда же – стремление к собственному освобождению, к отвоеванию своих прав первородства (среди других народов?! – В.К.). Пробуждается великодержавный инстинкт, углубляемый и проясняемый изучением истории, который говорит: “Вы, русские, и только вы – это раса и кровь основателей, создателей русского государства, охватившего шестую часть земли, создателей великой культуры, завоевавшей все эти огромные пространства. Земля это ваша, государство это ваше – и в нем вы должны играть роль не униженных рабов, не рабочего скота только, но владык. В этом ваше обязательство перед кровью всех прошлых поколений нашей расы. В этом ваш долг перед будущими поколениями русских. Голос жизни и истории проникает всюду – даже в души самых заскоружлых коммунистов, если только они русские по крови (все так старательно прятали свой “инстинкт”, что о нем можно было говорить только вне пределов Советской России. – В.К.). И он повелительно диктует основную задачу момента, которой покрывается все: за восстановление гегемонии русской нации в государстве Российском [...], требование гегемонии русских это есть требование только равноправия – соответственно удельному весу и исторической роли отдельных национальностей России [...] Нелепо думать, что гегемония русской нации должна привести к порабощению или хотя бы даже умалению прав других национальностей России (почему же обязательно “нелепо”, опыт был по отношению к тем же полякам. – В.К.). В этом нет надобности ни формально, ни по существу, поскольку русская нация и сама по себе, и тем более с родственными ей по крови народами составляет подавляющее большинство населения России» (большинство отнюдь не означает единство. – В.К.). Что за кровь создала русскую нацию? Кровь славяно-германских племен смешанная с монголо-тюркской. Следовательно, везде и всюду в нашей стране подавляющая масса ее населения в большей или меньшей степени близка нам и кровью своей и культурой. Вместе с тем не надо забывать, что процесс образования русской нации [...] начатый тысячелетие назад, не кончился еще сегодня. Русская нация не есть еще нечто окончательно кристаллизировавшееся, застывшее: она продолжает расти. Процесс роста облегчат процессы ассимиляции родственных нам народов. Подчеркнем еще: нацией насильников русские никогда не были. За это достаточно говорит вся история русской народной колонизации [...] Теперь о частном вопросе, еврейском. Еврейская нация в пределах России была до сих пор на особом положении. Она не участвовала подобно большинству других, даже чужеродных нам народов, в исторической работе по созданию нашего государства (с каких пор экономика исключена из сферы госу-

дарственного строительства? – *В.К.*). Наоборот: эта нация в значительной части способствовала разрушению государства русских в его исторических формах, как способствует сейчас в значительной мере и осуществляет порабощение русской нации. Всему этому были причины. В прошлом у еврейства было мало оснований любить русское государство. Вместе с тем, будучи исторически чужды ему, как и русской нации и ее культуре, они не могли по должному ни понимать, ни ценить их – и их разрушение было им не жалко. Все это было. Все это есть. Но вовсе не значит, что в наших планах о будущем мы должны настраиваться враждебно по отношению к еврейству [...] Наша общая задача в отношении еврейской нации должна быть та же, что в отношении прочих чужеродных русских национальных меньшинств: создание для нее таких условий жизни, в которых она могла бы вести на территории нашей страны спокойное, обеспеченное, ничем не стесненное существование – и могла бы оказаться полезным сотрудником в осуществляемом русскими дальнейшим строительстве их государства и их культуры. Этим сказано все [...] Не антисемитизм, но русскость, открытая русскость, – вот в чем суть, вот к чему я зову» [1. 1933. 25 II. С. 3]. Эти сентенции, в которых желаемое зачастую выдавалось за действительное, с призывами, замешанными на патриотизме, позволяют представить эту сложнейшую тему решения национального вопроса в многонациональной России.

Смена коммунистических лозунгов – от ставки на мировую революцию на строительство социализма в одной стране – воспринималась младороссами как эволюция в сторону национализма. Те, кто недавно мыслил в категориях «чистого коммунизма» и интернационализма, теперь утверждали: «Мы строим социализм в своей стране. Мы одни в мире. Только у нас верная идея и воля к построению нового мира. Мы построим. Мы покажем. Мы догоним и перегоним. А тогда уже держись Европа!» «В таких настроениях, – писала “Младоросская искра” в 1934 г., – налицо все признаки национализма, утверждение своей культурной и качественной обособленности с явной тенденцией к империализму» [1. 1934. 1 I. С. 2].

В Советской России интеллигенция при власти воспевала СССР, в то время как за ее границами младороссы составляли проекты «Союзной империи» – новейшей формы государственного объединения российских народов «под скипетром общих императоров (“всероссийских”, по старой формуле, – “всесоюзных”, по новой формуле)». Лидер младороссов подчеркивал, что будущее за многонациональными государствами, своеобразными наднациональными империями. Соответственно сама имперская идея – общее достояние народов Союзной империи. При этом цель и суть русского национализма в том, чтобы «оградить имперскую идею и дать ей очиститься и вырасти в новую, подлинно вселенскую силу. На этой базе и должна строиться Империя Союзных народов (по сути, этим занимались и большевики! – *В.К.*). Их сознание и их совесть – их национализм – должны жить и дышать круговой порукой под сенью [...] империи. Военный и таможенный союз самостоятельных национальных государств уже достаточен, чтобы Союз Народов был не эфемерной Лигой Наций, а мощным и сложным органическим целым». Новой имперской элитой будет тот отбор людей дела и воли (т.е. младороссы. – *В.К.*), [...] которые в будущем послужат социальной и национальной (конечно, многонациональной) базой для новой Имперской Монархии» [3. 1939. 19 II. С. 4].

Правоту своих утверждений об эволюции большевизма младороссы усматривали в призывах ЦК комсомола обогнать Рур, Силезию, Пенсильванию, Канаду, Данию, Аргентину, т.е. превращения социалистического соревнования в национальное [1. 1931. 15 I. С. 3]. Конечно, это была чистейшая демагогия, но она хорошо укладывалась в их теорию.

В то же время если понимать суть «национализма» так, как его воспринимали младороссы, то здесь нет никаких поводов для усмешек. Нет причин для иронии

над их восторгами от фильма «Александр Невский», от слов князя отпускаемым на волю немецким кнехтам: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют нам в гости. Но если кто с мечом к нам пойдет – от меча и погибнет». Члены «второй советской» партии «Молодая Россия» верили, что эти прекрасные слова «проникают в сердце советского человека, горячо любящего свою социалистическую родину» [3. 1938. 10 IX. С. 3]. Но в то же время в СССР торжественно отмечали очередную годовщину «Слова о полку Игореве», воспринимаемого как гимн русскому народу, русской государственности.

Здесь только не следует забывать, что для младороссов слова «социализм», «национализм», «советы» – из одного ряда.

И безусловную правоту своих утверждений младороссы видели в свидетельствах тех, кто бежал от большевиков, например С. Дмитриевского. В книге «Сталин», – отрывки из которой охотно публиковались в младоросской прессе, – он писал: «Наверх поднимаются все в большем количестве люди народа. Они несут с собой большой – у одних еще не осознанный, у других уже осознанный – национализм. Национализмом является окончательно победившая там идея “социализма в одной стране”. Национализм – индустриализация, национализм – все чаще звучащее утверждение: у нас есть отечество – и мы будем его защищать. Национализм – все чаще появляющееся именно там сравнение нашей эпохи с эпохой Петра Великого [...] с той только разницей, что масштабы нашей эпохи больше, и в деле революционного преобразования России принимают участие более широкие, чем тогда, народные слои. Пусть много уродливого в том национализме, что там сейчас проявляется. Он и не может быть иным, люди полностью еще себя там не осознали – и мнogie и не в состоянии пойти до конца на путь чистого, великодержавного национализма, но то, что мы сейчас имеем там, есть не только полная материальная подготовка здания будущей национальной империи. Там идет подготовка ее идеологии, там идет и подготовка ее людей» [1. 1931. 1 XII. С. 2]. И что же в итоге?

Первое – русский национализм не следует трактовать в узконациональных рамках. Даже в рядах националистов-младороссов было немало представителей самых различных «племен» – от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения «русского национализма»? Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно, о естественном и органическом мировосприятии жизни в России всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим в силу историко-культурного бытия является русское «племя», свободное от расовых предубеждений.

Второе – следуя логике идеологов «Молодой России», младороссами были и Чкалов и Рихтер, Стаханов и братья Старостины, Ботвинник и Карацупа. Более того, идя к (абсурдному!?) абсолюту, самым славным младороссом можно назвать Сталина. Отсюда еще один вывод: не национальность, а заслуги перед Отечеством – критерий для приобщения к младороссам.

Третье – как ни заманчив тезис о зависимости коммунизма от русской нации, тем не менее, он весьма уязвим по многим известным параметрам. Это типичный пример словесной эквилибристики.

Младороссы полагали, что если акцент ставится не на гордость строительством, не на гордость режимом, как прежде, а на любовь к родной земле, то это свидетельствует о пробуждении в народе национализма. «Нравится это Сталину или нет, он уже защищает не только “страну социализма”, но именно Русскую землю». Именно поэтому они полемизировали со староэмигрантами, утверждавшими, что «большевики упразднили само понятие о России, т. е. о национальном государстве, существование которого связано с территорией» [1. 1934. 25 V. С. 2].

Более того, в головах эмигрантов бродили «фантастические планы об избрании вместе со всем русским народом Сталина царем. И “разговоры в этом смысле приходилось слышать все чаще” в эмигрантской среде» [6. С. 265]. Такое вот удивительное соединение монархизма с большевизмом.

В чем же причина столь удивительного явления? Вероятно, ответ следует искать в застарелом комплексе вины интеллигенции перед народом, равно как в иных настроениях части молодежи, взращенной вне отечества, но испытывающей гордость за свою родину, ее успехи, связываемые с именем Сталина.

В 1931 г. Казем-Бек в программной речи «К Советской Европе или к Молодой России», говоря о коммунизме, утверждал: «Итак, для нас, зарубежных националистов, вопрос идет не о борьбе с национальными общерусскими силами, а о борьбе со сталинской верхушкой, ради возглавления той России, которую Ленин и Сталин против своей воли вывели из многолетнего сна (выводить ее начали те же предшественники младороссов еще в XVIII в. Да и сам народ не был той девкой, которую насильно выдают замуж. – В.К.). Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы пока под коммунистическим флагом, делает национальное дело. Общий фронт всех русских против Сталина – вот основной лозунг» [7. С. 7–9].

Поверхностное чтение этих слов может привести к выводу о демагогии автора. Впрочем, она и должна присутствовать в любых материалах программного характера. Дело здесь не в дозе, а в двух чрезвычайно важных положениях, продекларированных А.Л. Казем-Бекком. Первое: «национальные общерусские силы» – это сам народ. Второе: «национальное дело» можно строить и под «коммунистическим флагом». Такая трактовка, разумеется, не могла быть воспринята теми, кто отрицал всякую возможность сосуществования, некоего симбиоза советского строительства и национальных идеалов. Можно пойти и дальше, утверждая, что все содержание XX в. есть борьба за социализм во всемирном масштабе. Вопрос и беда только в том, что существовали и сейчас бытуют, живут различные представления об этом удивительном феномене, сопровождающем человека на протяжении его истории.

Проблема чрезвычайно трудная и деликатная в своем историческом контексте. Однако, если принять в качестве одного из идеалов сильное государство, то большевики делали национальное дело. Здесь можно возразить, что в этом процессе убивали народ, вытравливали его дух, искореняли религию. Было и первое, и второе, и третье. Но... это движение с его заветной мыслью – виноваты все, только не я – началось еще до революции. Бессмысленно также отрицать роль и значение иррационального, а если говорить понятным языком, то божественного провидения. Не следует забывать и о том, что в России, вступившей на историческую авансцену сравнительно поздно, на первом месте всегда стояли интересы государства, но отнюдь не личности и ее права, на чем отлично сыграли борцы с самодержавием в 1917 г.

Вдумываясь в мысли младороссов, этих творцов и сторонников революционного консерватизма и органической демократии, можно заметить, что они весьма талантливо и удачно «схватили» суть исторического процесса. Те же самые принципы органической демократии нашли свое воплощение в программных установках младороссов, обозначавших Россию в форме монархии трудящихся. Тем не менее... Если задуматься над теорией революционного консерватизма, то она, в сущности, представляет собой настолько широкое поле для мысли и истории, что может быть использована для доказательства своей правоты людьми самых различных взглядов и положений в обществе. Здесь можно спорить, могут уступить в одном – сторонники революционного консерватизма всегда будут настаивать на приоритете ценностей прошлого, испорченных или забытых настоящим. В сущности, для понимания темы следует привести слова Константина Николаевича Леонтьева, для которого идея государственности связывалась с феноменами раз-

вития и охранительства. Размышляя на эту тему, он писал, что развитие любого государства «сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим [...] Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться» [8. С. 197]. Смена форм, начавшаяся в XVIII–XX вв. вследствие эгалитарно-либерального процесса, по Леонтьеву, возможно, и полезна для вселенной, но не для длительного сохранения самих отдельно взятых государств. Исходя из своей теории трехэтапного исторического процесса – эпической простоты и патриархальности, сложного цветения, вторичного смешивания и упрощения с последующим разложением и гибелью – Леонтьев подчеркивал, что в начале третьего этапа «в смысле государственного блага все прогрессисты становятся неправы в теории, хотя и торжествуют на практике [...] Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории [...] ибо они хотят лечить и укреплять организм [...] Они все-таки делают свой долг и, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда насильственно, к культуре создавшей ее государственности. До дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору, стремящихся нередко наивно, добросовестно, при кликах торжества и с распушенными знаменами надежд» [8. С. 208].

Эта диалектическая формула придает совершенно иное звучание и оттенок трагизма штампованным характеристикам сложнейших понятий бытия. Рассуждения же по проблеме органической демократии представляются несколько надуманными, в чем-то утопичными, может быть даже банальными в своей простоте и известности. Столь широкий спектр не согласующихся определений вызван прежде всего «чувством» игры в понятия, чем так часто «грешат» философы. Причем доказать спорность их положений достаточно трудно: все остается будущему. Если же обращаться к опыту прошедшего времени, замечу, что история человечества дает мало шансов говорить о некоей органической демократии. И чтобы поставить точку, прошу вспомнить гегелевское определение действительности. И все же русская молодежь, младороссы прежде всего, думали о будущем. Сама величественная история России утверждала их в вере в ее великое будущее, в ее предназначение сыграть спасительную роль для всего человечества. Будучи русскими до мозга костей, они считали, что любовь к Родине или русский национализм, проявляется в характере, чувстве долга, в пренебрежении личным, в подчинении личности государству, обществу, его интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Младоросская искра. Париж.
2. Молодая Россия. Мюнхен, 1923. Июль. № 1.
3. Бодрость.
4. РГВА. Ф. 64. Д. 8. Л. 58.
5. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930.
6. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. 1938–1940.
7. *Петрович Р.* Младороссы. Материалы по истории сменовеховского движения. London; Ontario. 1973.
8. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912–1913. Т. 5.

© 2011 г. В.А. ХОРЕВ

«ТАРАС БУЛЬБА» В ПОЛЬШЕ

Повесть Гоголя долгие годы расценивалась в Польше как полонофобская и на польский язык впервые была переведена лишь в 2001 г. В статье рассматриваются ее различные истолкования в польской литературной критике, начиная с первого негативного суждения о ней М. Грабовского (1846) до современных исследователей. Гоголевский миф многократно использовался в политических и идеологических целях. Последний пример тому – фильм В. Бортко «Тарас Бульба» (2009), искажающий замысел писателя.

Gogol's novel «Taras Bul'ba» had been long considered in Poland as Polonophobic and was first translated into Polish as late as 2001. The article deals with its different interpretations in Polish literary critics, beginning from the first negative judgment of M. Grabowski (1846) up to present day. The myth of Gogol had been permanently used for political and ideological purposes. A recent example is the film of V. Bortko (2009), which distorts the initial concept of the writer.

Ключевые слова: миф, сказка, стереотип, славянство, идеология, политика, казачество.

Вплоть до начала XXI в. повесть Гоголя «Тарас Бульба» на польский язык не переводилась. Лишь в 2001 г. она была переведена Ежи Шотом и издана переводчиком за свой счет в провинциальном городе Кросно (см. [1]). В 2002 г. повесть была издана варшавским издательством «Читательник» в переводе Александра Земного с обширным послесловием известного польского историка Януша Тазбира [2. S. 145]. К сожалению, в обоих переводах встречается много ошибок и неточностей, но я не ставлю перед собой задачу их анализа.

В послесловии Я. Тазбира отмечено, что впервые повесть Гоголя «Тарас Бульба» вышла на польском языке во Львове в 1850 г. в переводе некоего Петра Гловацкого под названием «Тарас Бульба, запорожский роман». Но, по словам Тазбира, «ни в одной польской библиотеке это издание отыскать не удалось» [2. S. 145]. Я не нашел его и в библиотеках Москвы, Петербурга и Киева. Его отыскала во Львове Алиция Володзько, которая любезно сообщила мне о своей находке. Выяснилось, что это вовсе не польский перевод повести. На титульном листе книги значится: «Тарась Бульба. Повесть из запорожской старины. Сочинение Н. Гоголя. На галицко-русский язык переведена П. Д. Ф. Г – имъ. Львовъ 1850».

Хотя повесть Гоголя долгое время не издавалась в Польше, она была известна польскому читателю. В XIX в. в школах русской части Польши было обязательным изучение русского языка, а повесть Гоголя в годы активной русификации Польши входила в список обязательного чтения. На польский же язык она не переводилась столь долгое время, поскольку расценивалась в польском обществе как полонофобская. По этой, в частности, причине польская молодежь устроила

Хорев Виктор Александрович – профессор, д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

антигоголевские манифестации в 1902 г., когда отмечалось 50-летие со дня смерти писателя. Они прошли в Варшаве, Сандомире, Ломже и других городах (см. [3]).

Первый отклик в Польше на произведения Гоголя принадлежит известному прозаику и литературному критику консервативного лагеря Михаилу Грабовскому, который в 1846 г. в рецензии на два тома сочинений Гоголя высоко оценил ряд произведений писателя («Шинель», «Нос», «Старосветские помещики»), но подверг резкой критике «Тараса Бульбу» как «очень слабое сочинение», далекое от исторической истины [4]¹. По его словам, Гоголь, не зная истинных отношений между поляками и казаками в XVII в., «только парафразировал и преувеличил взятый из хроники случай, что недостойно художника такой величины!» [4. S. 181]. Грабовский не отрицал проявлений жестокости в польско-казацких войнах с обеих сторон, что было присуще тому времени, но Гоголь, считал критик, подчеркивал изуверство поляков. Грабовский упрекал Гоголя в том, что писатель выдал за исторические факты легенды, порожденные «богатым на выдумки» воображением украинского народа, любящего сказки – о раскаленных медных быках, в которых поляки якобы сжигали живьем пленных казаков, о ксендзах, запрягавших в повозки украинских женщин, о том, что «польские паны» сдавали в аренду евреям православные храмы.

Неправдоподобна в повести и история знакомства Андрия Бульбы с дочерью воеводы. «Полька XVII века, панна высокого рода, – писал Грабовский, – флиртует с парубком, который влезает к ней через печную трубу. Это пристало не “ветреной” польке, а, скорее, нынешней читательнице романов госпожи Санд, да и то весьма сомнительно!» [4. S. 181].

В заключение рецензии Грабовский сравнивал повесть Гоголя с «чучелом, набитым соломой, которое рано или поздно превратится в мусор» [4. S. 181].

В 20–30-е годы XX в. в независимом польском государстве произведения Гоголя многократно издавались, ставились на сценах театров (большую роль в их переводах и популяризации сыграл Юлиан Тувим) – за исключением «Тараса Бульбы»². В 1929 г. повесть была издана в Вильно – но в переводе на белорусский язык. В 1936 г. готовилось ее издание на польском языке, но оно было запрещено цензурой. В своей «Еженедельной хронике» в журнале «Wiadomości Literackie» А. Слонимский писал по этому поводу: «Мощный заряд цензуры недавно взорвался довольно неожиданным образом. Конфискован польский перевод “Тараса Бульбы” Гоголя. В меню ресторанов запрещено писать «раки по-русски» (...) Похожие методы применяет советская власть» [6].

В межвоенном двадцатилетии о творчестве Гоголя писали такие польские писатели и критики, как Рафал Блут, Тадеуш Бой-Желеньский, Витольд Вандурский, Казимеж Вежиньский, Юзеф Витглин, Ежи Вышомирский, Павел Гулька-Лясковский, Мария Домбровская, Тадеуш Зелиньский, Ежи Загурский, Кароль Ижиковский, Мария Кунцевич, Ян Лорентович, Ян Парандовский, Теодор Парницкий, Антони Слонимский, Юлиан Тувим и многие другие.

Русофобские литераторы и публицисты выставляли Гоголя как апологета самодержавия, крепостничества, имперских амбиций России. Ян Кухажевский³, например, видел в героях Гоголя воплощение наихудших черт русского народа. Украинский поэт-эмигрант Евген Маланюк, живший в Польше, подчеркивал пагубное влияние «идеологии и психологии» Гоголя на русскую и украинскую лите-

¹ Статья Грабовского вначале была опубликована по-русски в журнале «Современник» (январь 1846), а затем, в 1847 г., по-польски в ежемесячнике «Rubon» (Вильно).

² Обширные сведения о рецепции творчества Гоголя в межвоенной Польше содержатся в книге Ф. Селицкого [5].

³ Ян Кухажевский (1876–1952) – политический деятель и историк, автор многотомного русофобского сочинения «От белого царизма к красному» (т. 1–7, 1923–1935), неоднократно переизданного в Польше в последние годы.

ратуру. В статье «Тайна Гоголя» он стремился доказать, что произведения писателя – это «перевод» с украинского языка, а причиной трагических противоречий в его творчестве является измена Хохолья (так, на украинский лад, следует, по мнению критика, писать фамилию писателя) западной (в том числе украинской) цивилизации в пользу враждебной ей, восточной, что вело к утрате национальной идентичности. «Чувство вечной связанности фальшивой ролью русского патриота и писателя-поводыря, вечное отсутствие творческой свободы и вечный призрак осознанной лжи – вот душная, убийственная атмосфера, в которой рождались соответственные произведения и образы», – писал Маланюк о Гоголе [7. S. 95]. По его словам, «марионеточность, призрачность и мертвенность образов» у Гоголя присущи даже «наиболее совершенному с точки зрения “жизненности” произведению – исторической эпопее “Тарас Бульба”, в которой автор достиг объемности и пластичности в изображении героев» [7. S. 94], которые, по мнению критика, отсутствуют в его последующих произведениях.

Однако большинство польских историков литературы и литературных критиков, писавших в 1920–1930-е годы о творчестве Гоголя, высоко оценивали талант русского писателя, считали многие его произведения шедеврами мировой литературы. Но «Тараса Бульбу» и они относили к неудачным произведениям Гоголя, расценивая повесть как проявление «ненависти к полякам». Т. Парницкий, например, называл Гоголя «одним из величайших художников в русской литературе», но считал, что в «Тарасе Бульбе» и «Страшной мести» он изобразил поляков с ненавистью (цит. по [5. S. 76]).

В отличие от польских националистов светлые умы Польши всегда прекрасно понимали величие достижений русской культуры и литературы. Александр Брюкнер, автор обобщающих трудов по истории русской литературы, так писал о ее мировом значении: «Из всех славянских литератур наибольшее признание, понимание, влияние получила русская литература, поскольку она не обращалась к односторонним, узким проблемам; поскольку она говорила о людях, а не о политике; поскольку она взлетала, свободная в своем полете, на общечеловеческие вершины; поскольку в ней чувствуешь огромный размах, необъятные просторы, первобытную силу и глубокую веру, серьезное и милосердное отношение к людям. Все это отчетливо проявилось в произведениях писателей, служащих любви, надежде и вере – этим дочерям вечной мудрости. Этим объясняется богатство света, отсутствие теней в картине этой литературы, волнующей своей искренностью, поражающей своим величием, завоевывающей умы своей человечностью» [8. S. 399].

В этой перспективе Брюкнер рассматривал в своих трудах и творчество Гоголя. Но и Брюкнер считал, что «Тарас Бульба» «пользуется незаслуженной славой», видел в повести анахронизмы и нежизненность образов. Он писал о ней как о «примитивно сочиненном кукольном театре с невероятным сюжетом, повествующем о любви хама – козака и польки – шляхтянки, которой в голову бы не пришло взглянуть на хама, а также о предательстве родины, за которое отец собственноручно казнит сына-изменника» [8. S. 29]. В других своих работах Брюкнер называл повесть Гоголя «псевдоисторическим, хотя и эффектным романом» [9. S. 52], «одним из наиболее слабых его произведений, с романтическими, но абсолютно нереальными героями» [10. S. 11–12].

Не менее высоко оценивал русскую литературу Вацлав Ледницкий. «Наша публика, независимо от политической ориентации, читает русские книги так, как их читает вся Европа. Известность и авторитет русской классической литературы слишком велики, чтобы интеллигентный человек позволил себе ее игнорировать», – писал он (цит. по [5. S. 15]). Польская литература по сравнению с русской, по его мнению, «мало привлекательна для иностранцев – в этом отношении ее нельзя даже сравнить с русской литературой XIX и начала XX столетия»

[11. S. 159], «если говорить о нашем романе, то у нас нет ни Гоголя, ни Тургенева, ни Достоевского, ни Толстого, поэтому голос нашей письменности во время, когда проза получила в мире особенную власть, был слабее русского» [11. S. 168–169]. Ледницкий высоко оценивал Гоголя как мастера гиперболы и гротеска. В полемике с Евгением Лацким⁴, который утверждал, что Гоголь в «Тарасе Бульбе» «прекрасно запечатлел колорит XVII века», Ледницкий отметил: «Гиперболизация и романтическая экзальтация редко когда позволяли Гоголю быть правдоподобным, точным и объективным художником. Для всех его картин, как исторических, так и бытовых, характерно стихийное преувеличение, переходящее в гротеск или дифирамб». Не согласился Ледницкий и с трактовкой Лацким образов Манилова и Собакевича из «Мертвых душ», которые, по мнению Лацкого, «говорят и думают именно так, как должны говорить и думать они и тысячи им подобных». Ледницкий писал, что «они говорят и думают так, как не говорит и не думает ни одно человеческое существо; это фигуры из фантастического человеческого зверинца, который является плодом воображения мастера гиперболы и гротеска» (цит. по [5. S. 64]).

Иначе оценивал новаторство Гоголя Р. Блют, опубликовавший в межвоенные годы несколько исследований творчества Гоголя. Определяя специфику реализма писателя, Блют писал: «Гоголь-художник был реалистом специфической окраски. То, что Брюсов считает преувеличением или гиперболизацией, было лишь своеобразной “символизацией жизни”. Гоголь не копировал действительности, не прибегал к приемам анализа. Он ее интуитивно угадывал [...] Дело не в натуралистическом правдоподобию, а в правдоподобию «реалистического символизма» (цит. по [12. S. 308]).

В послевоенной социалистической Польше повесть «Тарас Бульба» также не издавалась по цензурным соображениям – из опасений нанести ущерб польско-советской дружбе, а потому чаще всего замалчивалась литературоведами и критиками, писавшими о Гоголе. Были, однако, и исключения, как, например, публикации упомянутого выше Ф. Селицкого о рецепции творчества Гоголя в межвоенной Польше. К исключениям относятся и работы Богдана Гальстера – его монография «Николай Гоголь» (1967), глава о Гоголе в учебнике «Русская литература» (1971 и последующие издания). В них исследователь дал свою глубокую интерпретацию «Тараса Бульбы». Гальстер впервые рассмотрел повесть Гоголя в контексте других рассказов сборника «Миргород» как неотъемлемое его звено и показал, что у Гоголя нет какой-то иррациональной ненависти к полякам, а есть стремление противопоставить патриархальный, «естественный» жизненный уклад европейской цивилизации, преимущественно городской.

Согласна с этой трактовкой повести Гоголя современный исследователь Анна Косцьёлэк. Вслед за Гальстером она пишет: «Сечь показана как республика, в которой всех индивидов объединяет общая цель: отказ от личного блага во имя общих ценностей (отчизна, вера) [...] Андрий избрал путь индивидуального счастья. Личное благо он поставил выше народного. Поэтому убийство сына символизирует в повести триумф общего над частным. “Я тебя породил, я тебя и убью!” – говорит сыну Тарас. Андрий умирает с именем прекрасной полячки на устах» [13. S. 44, 48].

С точки зрения Анджея Кемпиньского, исследующего историю взаимных стереотипов в польском и русском сознании, «“Тарас Бульба” содержит почти полный репертуар стереотипов, связанных с поляками и польскостью, в том числе стереотип прекрасной польки, которая как всегда играет роль *femme fatale*» [14. S. 199].

⁴ Е. Лацкий – русский профессор Пражского университета, учебник которого «Русская литература» был переведен на польский язык в 1931 г.

Иначе интерпретирует повесть Гоголя Гжегож Пшебинда. Главным в повести он считает утверждение Гоголем необходимости единства православного восточного славянства под эгидой русского царя. «В “Тарасе Бульбе” много польско-украинского “Голливуда”, – пишет Г. Пшебинда. – Есть здесь и любовь казака к прекрасной польке, и отцовская ненависть к сыну-изменнику, который погибает от его руки, резня поляками украинцев и месть Сечи ляхам, утопление запорожцами евреев в Днепре, пытки колесом и поджаривание врагов на огне» [15. S. 61]. Критик отмечает роль повести Гоголя в создании негативного стереотипа поляка, распространенного в русском обществе, но подчеркивает при этом, что, хотя у Гоголя немало говорится о жестокости поляков, Гоголь не избегает описания жестокосердия казаков, что видно хотя бы по такому отрывку из повести: «Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки [...]. “Ничего не жалейте!” повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц: у самых алтарей не могли спастись они; зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки поднимались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя» [16. С. 284].

В современной Польше много интересных и важных сведений (на которые я опираюсь в своей статье) о генезисе повести Гоголя и ее восприятии в Польше приводится в отмеченном выше послесловии Я. Тазбира к польскому изданию «Тараса Бульбы»⁵. Тазбир предлагает «читать повесть Гоголя как своего рода сказку, в которой лая ведьма отвела полякам роль злодеев» [17. S. 52]. Заметим, что эта сказка многократно использовалась в России (и в царской, и в советской, и в современной) в политических и идеологических целях. Тарас Бульба в русском восприятии – это символ патриота, который борется за освобождение своей родины от польских панов. Свежий пример тому – фильм режиссера Владимира Бортко «Тарас Бульба» (2009) с явным антипольским акцентом, получивший Гран-при на международном фестивале славянских и православных народов «Золотой витязь» «за вдохновенную экранизацию повести Н.В. Гоголя».

«Что такое Гоголь? Что такое “Тарас Бульба”? Один из краеугольных камней патриотизма, который закладывается в молодую душу», – считает Бортко. Для достижения своих целей режиссер искажает повесть Гоголя: смягчает проявления жестокости со стороны казаков, убирая сцену, в которой казаки бросают в огонь младенцев, выставляет причиной войны с поляками убийство жены Тараса, которую ему привозят в курень (чего нет у Гоголя). «Почему приносят жену Тараса?», – объясняет свой замысел режиссер. – Мы показываем, что земля подвергается насилию со стороны иностранных захватчиков. Это сильно толкает действие, объясняет, почему эта толпа, вместо того, чтобы пить и гулять, идет на войну» [19].

Гоголевский Тарас Бульба – «миф или мистификация?» – задает вопрос польский критик Изабелла Ярославская, приходя к выводу, что гоголевский миф широко используется в современной русской критике для мистификации истории [20].

Многие польские исследователи отмечали влияние «Тараса Бульбы» на роман Г. Сенкевича «Огнем и мечом» о борьбе Речи Посполитой с украинским казачеством времен Б. Хмельницкого. Становление Сенкевича-писателя вообще не обошлось без влияния русской литературы. Известный историк литературы Петр

⁵ С незначительными изменениями оно легло в основу статьи исследователя [17] (русский перевод см. [18]).

Хмелевский писал в начале XX в.: «Влияние Гоголя и Тургенева на раннего Сенкевича неоспоримо. Обладая по своей натуре склонностью к *сатирической шутке*, он у Гоголя учился искусству, если можно так выразиться, пользоваться ею» (цит. по [21. С. 80]).

Франчишек Селицкий приводит суждения Александра Брюкнера и Юлиана Кжижановского по поводу сходства некоторых мотивов в повести «Тарас Бульба» и романе «Огнем и мечом». А. Брюкнер заметил, что герои романа Сенкевича Богун и Азия напоминают Андрия из «Тараса Бульбы». По мнению Ю. Кжижановского, на создание образов Богун и Хелены у Сенкевича повлияла история любви Андрия к дочери польского воеводы у Гоголя (хотя Хелена и не ответила Богуну взаимностью). Сходны и описания (особенно изображение украинской степи) путешествия в Запорожскую Сечь Яна Сжжетуского у Сенкевича и Тараса Бульбы с сыновьями у Гоголя. «И в повести Гоголя, и в трилогии Сенкевича, – заметил Б. Бялокозович, – герои погибают за веру и свободу. Гибель Подбипенты напоминает смерть отважного казака Кукубенко у Гоголя в повести «Тарас Бульба» [21. С. 84]. Сам Сенкевич признавался, что своим романом он хотел внести поправку в образ казачества, созданный Гоголем в «Тарасе Бульбе» (см. [5. С. 81]).

Судьба «Тараса Бульбы» в Польше схожа с судьбой романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» в СССР. После 1917 г. этот роман Сенкевича в переводе на русский язык удалось издать лишь в годы «перестройки», преодолев сопротивление украинских политиков, считавших роман «антиукраинским»⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gogol M. Taras Bulba* / Tłum. Jerzy Szota. Nakładem autora tłumaczenia. Krosno, b/d.
2. *Tazbir J. Posłowie // Gogol M. Taras Bulba* / Przełożył, wstępem i przypisami opatrzył Aleksander Ziemiński. Posłowie Janusz Tazbir. Warszawa, 2002.
3. *Tazbir J. Antygogolowskie manifestacje w jubileuszowym roku // Polacy na Kremlu i inne historyje*. Warszawa, 2005.
4. *Grabowski M. O pismach Gogola. List do Pantalejmona Kulisza // Grabowski M. Wybór pism krytycznych*. Kraków, 2005.
5. *Sielicki F. Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej*. Warszawa, 1985.
6. *Slonimski A. Kronika tygodniowa // Wiadomości Literackie*. 1936. № 28.
7. *Małaniuk E. Tajemnica Hogola // Regiony*. 2001. № 1. (=Wschód – Orient. 1935. № 1–2).
8. *Brückner A. Historia literatury rosyjskiej*. Lwów; Warszawa; Kraków, 1922. T. II. 1825–1914.
9. *Brückner A. Dzieje literatury rosyjskiej*. Złoczów, 1932.
10. *Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Szkic literacki*. Lwów; Warszawa, 1906.
11. *Lednicki W. Pamiętniki*. Londyn, 1963. T. I.
12. *Sławecka E. Spojrzenie na literacką tradycję dziewiętnastowieczną w działalności rusycystycznej Rafała Blütha (1891–1939) // Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich*. Wrocław etc., 1979.
13. *Kościołek A. Mikołaj Gogol wobec Polski i Polaków (na materiale «Tarasa Bulby») // Studia Rossica XIII*. Warszawa, 2003.
14. *Kepiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu*. Warszawa; Kraków, 1990.
15. *Przebinda G. Piekło z widokiem na niebo*. Kraków, 2004.
16. *Гоголь Н.В. Избранные произведения*. М.; Л. 1937.
17. *Tazbir J. Szlachta polska w oczach Gogola // Tazbir J. Polacy na Kremlu i inne historyje*. Warszawa, 2005.
18. *Tazbir J. «Тарас Бульба» – наконец по-польски // Новая Польша*. 2002. № 5.
19. Камень патриотизма. Интервью с режиссером «Тараса Бульбы» Владимиром Бортко // <http://www.film.ru/article.asp?id=>
20. *Jarosińska I. Taras Bulba – mit czy mistyfikacja? // Regiony*. 2001. № 2.
21. *Бялокозович Б. Родственность, преемственность, современность*. М., 1988.

⁶ Роман в переводе А. Эппеля и К. Старосельской с комментариями Б. Стахеева вошел в состав 9-ти томного собрания сочинений Сенкевича, изданного в 1983–1985 гг.

© 2011 г. М.В. ЛЕСКИНЕН

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ (XVIII–XIX ВВ.). ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены две разновидности этнической классификации XVIII–XIX вв., используемые российскими учеными на этапе становления этнографической науки в России – этнокультурная и лингвистическая. Показана эволюция значения лингвистического и культурно-стадиального факторов как маркеров этнической принадлежности и критерия, определяющего позицию этноса в этнолингвистических иерархиях и классификациях эпохи.

The article considers two versions of Russian ethnic classification in the eighteenth–nineteenth centuries, the ethno-cultural and linguistic ones. These two models of ethnical identification are analysed against the background of discussions about the hierarchies of various markers of ethnicity in human sciences.

Ключевые слова: история этнографии в России, языковая кодификация, научная идентификация народов, классификации этносов в XIX в.

Различение народов по языкам и степени цивилизованности – наиболее древние и архаические критерии выделения этнических обществ. Однако процесс упорядочивания признаков, рассматриваемых в качестве этноотличительных, и создания их иерархии принято относить к XVIII в. В это время возникают научные классификации природного мира, включая и человеческие сообщества, разрабатываются методы его познания. Системный подход Просвещения породил увлечение различными классификациями, в том числе и теми, которые могли бы выявить пространственные (географические и климатические) и временные (исторические) закономерности распределения разнообразия человеческих сообществ. Образцом для них служили ботанические и зоологические таксономии. Главными методами естественнонаучного познания стали: наблюдение (его результат – дескрипция по признакам), структура, выделяемая через сравнение различных элементов формы друг с другом, и эксперимент.

Восприятие Просвещением истории воплотилось в идее прогресса, определяемого разумом и законом, что позволяло выстроить четкую эволюцию и, как следствие, иерархию государств и обществ. Разделение народов на цивилизованные и нецивилизованные (дикие) в некотором смысле заменило прежнее противопоставление христиан и не-христиан, включив дополнительные критерии идентификации – такие, как наличие общественной организации (высшей формой которой объявлялось государство) и права.

Стройная система этнической классификации в XVIII в. окончательно еще не сложилась, но принципы этнографического описания в целом были определены:

Лескинен Мария Войтовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

они были установлены на основании опыта эмпирических и кабинетных народо-описаний, осуществлявшихся в процессе исследования-наблюдения и исследования-обобщения. Несмотря на отсутствие универсальных критериев этнической принадлежности, можно говорить о том, что в этот период перечень основных признаков уже зафиксирован, но еще без жестко определенной их иерархии: а) этноним, язык, внешний облик; б) занятия, обычаи, законы; в) ум, нравственность и характер (нрав). Свойства второй группы позволяли поместить племя/народ на определенное место в цивилизационно-культурной иерархии (прежде всего на основании сравнения с европейскими народами).

Российское народоведение в эпоху Просвещения находилось в состоянии интенсивного развития; под влиянием немецкой науки и под руководством немецких ученых на русской службе в Российской Академии наук формируются программы изучения пространства и населения государства, с особым вниманием к так называемым нерусским народам Империи, аргументируются и уточняются гипотезы происхождения племен и этносов. Этнографические изучения осуществляются в предметном поле географии и истории Российской империи, а потому интерес к этническим «своим» неотделим от исследований «инородцев» (т.е. неславянских народов), он заметен во всех географо-статистических, энциклопедических и исторических трудах того времени.

Первые российские ученые исходили из тесной взаимосвязи природы и человека, народы – особенно окраинные – виделись частью природных ресурсов территории. Этнос же казался воплощением своеобразной «физиономии» пространства. Поэтому И.Н. Болтин видел главную задачу описания Российской империи в том, чтобы определить, какие племена составляют «народ» (в значении «нация») государства, кто они, эти подданные, – через выявление различий в «нравах, обычаях и богочтении» [1. С. 158]. В одном из первых вопросников по истории и географии В.Н. Татищева (1734), а также в Программе-инструкции для историко-этнографического отчета по Академической экспедиции (1733–1743 гг.) [2. С. 71–72] нашел выражение общий принцип эпохи: народоведение представляло собой органическую часть географического обзора.

Язык в системе этнических признаков в народоведении Просвещения

Визуальные и вербальные описания осуществлялись одновременно, в ходе общего наблюдения, и зачастую одними и теми же исследователями: ведь изучить объект наблюдения означало описать его с максимальной степенью точности. Следует отметить обстоятельство, которое подчеркивает Е.А. Вишленкова: «[...] изучение национальных языков в значительной степени было отделено от описания внешнего облика народов; “протоэтнографов” интересовали визуально познаваемые явления, а “протолингвисты” занимались сравнением языков, причем прежде всего их фонетического ряда» [3. С. 7]. Такая специализация, однако, не помешала признанию языка главным и обязательным критерием этнической принадлежности и позиции народа в классификации этносов. Язык позволял также установить этническое родство и этногенез общностей, а в спорных случаях выступал главным маркером. В России сторонниками доминирования лингвистического фактора в процессе идентификации этнических объектов были А.Л. Шлёцер и Г.Ф. Миллер.

Обосновывая лингвистический принцип классификации, А.Л. Шлёцер переносил принципы систематизации естествознания на человеческие сообщества: «Да позволено будет мне ввести в историю народов язык величайшего из естествоиспытателей (Ламарка. – М.Л.). Я не вижу лучшего средства устранить путаницу древнейшей и средней истории [...] как некоторую *systema populorum, in classes et ordines, genera et species redactorum* [...] Как Линней делит животных по зубам, а растения по тычинкам, так историк должен бы был классифицировать народы

по языкам» (1768) (цит. по [4. С. 104–105]). Шлёцер имеет в виду учение Лейбница о том, что для познания древней истории необходимо не изучать древнейшие письменные памятники, а обратиться к сравнению языков. Подобная апелляция к линнеевской системе как к образцу наглядно демонстрирует две особенности лингвистических классификаций того времени: первая – язык воспринимался как один из важнейших признаков народа, выявляемый, как и другие приметы видовой принадлежности, средствами внешнего наблюдения (т.е. на начальном этапе простым перечнем звуков и толкованием основных понятий). Вторая – наименование фиксируемого у народа наречия осуществлялось путем его сравнения с другими известными языками, но только записанными.

Благодаря трудам А.Л. Шлёцера в XVIII в. язык стал признаваться единственно верной и объективной приметой этноса. В изучении языков Шлёцер следовал за пониманием языковых различий собирателями фактического материала. Так или иначе, лингвистическое родство означало для него и общее происхождение народов. Г.Ф. Миллер был категоричен: «Характерное различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, тем нечего искать единоплеменности» [5. С. 31]. Язык, как и небиблейские теории этнического родства современных народов с известными с античности племенами, стал важным аргументом в определении древности народов через совершенство его «наречия» [6].

Этнонимы, язык как этнический признак и способы его фиксации (путем описания и сравнения с другими) выступали основными принципами описания народов и племен и у В.Н. Татищева: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть, но в языке надобно смотреть: 1) слова такие, которые не легко переменяются [...] яко счисление [...] також: бог, небо, солнце, месяц, огонь и протчие имяна, 2) при записывании надлежит внятно выслушивать, чтоб одну букву за другую не положить; 3) нужно смотреть на ударение гласа [...]; 4) притом же и прилежно смотреть, чтоб сказывающий имел чистое и совершенное речение» [7. С. 94–95]. Примером реализации этих требований может служить его «Общее географическое описание всея Сибири» (незаконченное), где в разделе «о жителях сибирских» дана следующая языковая характеристика древнейшего населения: «Между древними находятся три языка: 1) сарматской, который во многом с финским, карельским, лапланским и т.д. согласен, 2) татарской или паче калмыцкой, 3) особой, что ни с которым из сих не опишется» [8. С. 70]. Согласно такому делению, ученый и народы России разделял на славянские, сарматские, татарские и «странноязычные» (т.е. не входившие в три предыдущие группы). В разработанной Татищевым инструкции по описанию народов большую значимость имели, помимо языка, и другие этнические признаки: вероисповедание (христианские исповедания, иноверцы, идолопоклонники, новокрещенные и др.), обычное право и нравственные добродетели, уровень знаний и суеверия, а также «состояние телес общественное» [7. С. 95].

«Лингвистическая этнография» Н.И. Надеждина

На протяжении первой половины XIX в. убежденность в доминирующем значении языка в процессе этнической идентификации претерпевает изменения. Основные группы языков были к 1840-м годам установлены и систематизированы в общем виде, и теперь первостепенными стали вопросы о степени этнической близости между носителями родственных языков и об их этногенезе. Создание таксономической таблицы языков повлекло за собой необходимость определить основные номенклатурные единицы и их иерархию в общей системе. С активизацией этнографических и фольклористических исследований русского народа

(восточных славян в целом) актуализировались задачи создания теории славянского лингвогенеза и соотношения книжных и разговорных форм языка.

Так, в программе изучения русской народности Н.И. Надеждина (1847) в «этнографической лингвистике» («в этнографическом изучении языка») обозначено несколько аспектов. Во-первых, создание языковых классификаций и приведение их в соответствие с этническим делением («разнообразие “слова”, распадающегося, соответственно разнообразию народов, на различные языки, наречия и подречия»). Во-вторых, он уточнял, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда – главным залогом и главным признаком народности», поэтому необходимо осуществить процедуру различения в языке и в самой литературе языка по преимуществу «народного» и литературы в собственном смысле «народной». Предмет этнографического изучения он ограничивал «устным словом», «живым языком» во «всенародном», «простонародном» употреблении. В-третьих, такое сужение вело за собой различие терминов для обозначения, в частности, «русского» и «российского» языка – как, соответственно, разговорного и официально литературного вариантов. Под первым Надеждин понимал тот, «которым *Русь* запросто пробавляется», под вторым – находящийся в официальном употреблении. Кроме того, он настоятельно рекомендовал изучить «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками [9. С. 111–112].

В интерпретации Надеждина необходимо выделить несколько методических затруднений. Первое: необходимо было установить приметы «российского языка», т.е. русского литературного, и обозначить его четкое отличие от устного, «народного» языка. Второе: не просто было договориться о критериях создания и определения языковой иерархии – т.е. выявить комплекс признаков, по которым можно было бы установить статус языка, наречия, подречия. Эта задача усложнялась и тем, что ее следовало сочетать с этнографической классификацией. Но самым, пожалуй, важным вопросом оказывалось понимание лингвистических границ между родственными языковыми и этническими группами – например, русскими (восточнославянскими).

Обсуждение параметров кодификации языка

К теоретическим вопросам классификации «языковой действительности» обращались прежде всего те, кто занимался кодификацией языка – в частности, составители словарей. К середине столетия было создано три так называемых академических словаря русского языка: «Словарь Академии Российской» (1789–1794), «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) и «Опыт областного великорусского словаря» (1852). Новаторскими считаются принципы, положенные В.И. Далем в основу создания «Толкового словаря живого великорусского языка» (1862). Даль отстаивал идею о том, что «обработанный» (т.е. кодифицированный литературный) язык должен создаваться на базе «народного»: «[...] у нас нет еще достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен выработаться из языка народного» [10. С. XIV]. Язык народный «слагается», по мнению составителя, из наречий и говоров.

В.И. Даль указывал на трудность разграничения единиц лингвистической иерархии. Наречием он называл а) «язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особенной грамматике, ни же в словаре, может быть хорошо понимаем теми, кто знает первый»; б) наречием «более в политическом смысле» он именовал «областной, местный говор небольшой страны»; а также считал наречием в) язык «местный, искаженный, как полагают, отшатнувшийся от коренного языка». Однако главным критерием отличия наречий и говоров от языка стало для Даля отклонение от литературной нормы: «язык, которым говорит большинство, а тем более сословие образованное, язык письменный, принимается за образцовый, а все уклонения его – за наречия»

[11. С. XLVIII]. Даже в этом противоречивом определении наречия можно уловить главное: наречие и язык в лингвистической иерархии стоят на двух разных уровнях – причем как в синхронии, так и в диахронии.

Впрочем, – и это необходимо подчеркнуть – В.И. Даль отдавал себе отчет в том, что «господство одного наречия над другим» случайно и довольно условно и объясняется чаще всего политическими обстоятельствами. Такая позиция определила и понимание «самостоятельного» языка как кодифицированного: «за самостоятельный, по развитию и обращению, язык должно признать тот, у которого есть своя грамматика и письменность, за наречие – незначительное уклонение от него, без своей грамматики и письменности, говор – еще менее значительное уклонение» [11. С. XLVIII].

Однако через 10 лет, в предисловии к первому изданию толкового словаря, дефиниции трех важнейших лингвистических единиц уже не вызывали у него никаких сомнений и давались в весьма упрощенном виде: «дело это просто и ясно. За исключением на юге и западе ближайшего соседства Малой и Белой Руси, у нас, во всю ширь Великой Руси, нет *наречий*, а есть разве только одни *говоры*. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте, речений, всегда верных общему духу языка» [10. С. XVII]. Таким образом, на первое место в процессе выявления «уклонений» у Даля теперь выходит фонетика, а вовсе не степень кодифицированности и наличие письменных форм, а прежние великорусские «подречия» оказываются всего лишь говорами.

Именно поэтому, на наш взгляд, настаивая на том, что малорусский и белорусский есть наречия одного языка, Даль объединил диалекты Великодержавии в «язык», а не в великорусское наречие, – несмотря на то, что главным материалом для словаря избрал именно говоры, а церковный язык и «русский обветшавший» он из словаря исключил [10. С. XXI]. Ему представлялось, что малая вариативность, понятность и естественная однородность великорусских говоров делает их бесспорной и естественной базой общерусского литературного языка, а отличающиеся в большей степени региональные особенности языка Малороссии и Белороссии следует расценивать как локальные инварианты.

В статьях Даля явно выражена тенденция акцентировать сходство и взаимное понимание носителями различных великорусских говоров друг друга – с противопоставлением, не столь понятным, двум восточнославянским наречиям – несмотря на то, что в словарь вошло довольно много малорусской и белорусской лексики, бытующей на великорусских территориях. Немаловажно и то, что основным критерием определения ареала великорусских говоров Даль сделал пространственный: языковые границы обуславливались историко-культурным регионом [12. С. XXXVII–XXXVIII], а не наоборот. Основной интенцией автора было зафиксировать сходства, лежащие в основании единства различных форм великорусского/русского языка как национального, несколько «сгладив» отличия, – объяснимый процесс, типичный для выявления всякой этнокультурной общности на данном этапе развития науки, аналогичный акцентированию этнодифференцирующих различий для установления границ между этническими и племенными группами. Можно согласиться с исследователями, усматривающими во взглядах Даля, быть может, неосознанное, но отчетливое стремление «гомогенизировать сложную лингвистическую реальность» [13. Р. 177].

Этнокультурные классификации

И в этнической классификации народов нельзя было обойтись без учета языкового родства. Но в 1880–1890-е годы в антропологических, этнографических (народоведческих) классификациях такой важный признак, как язык, отходит на второй план (став «признаком второго разряда» [14. С. 128]) – точнее, он уступает

свое прежнее главенствующее место антропологическим (расовым) признакам как более точным. Судя по тому, как тщательно исследователи аргументировали отказ от лингвистического критерия идентификации, этот вопрос представлялся довольно острым [14. С. 128; 15. С. 96; 16. С. 45–47]. Постепенно начинают отказываться от характера (нрава, «психических признаков») народа как этномаркирующего признака, поскольку эти особенности «мало изучены» [15. С. 98].

Однако в случаях, когда языковое родство было установлено довольно точно – в частности, с финскими или славянскими народами, речь шла о так называемой семье народов, и описание этносов осуществлялось по этому делению. Но этносы, принадлежность которых к тем или иным группам не была однозначна определена, объединялись по географическому региональному признаку – например «народы Кавказа» или «татарские народы», к которым относили чувашей, туркменов и калмыков [17].

Терминологическое и теоретическое разнообразие лингвистических концепций и научных классификаций в европейской науке второй половины XIX столетия нашло отражение, в частности, в дефинициях понятий «наречие», «говор», «язык», соотношение которых было упорядочено на основании сложившихся представлений о формировании и функционировании литературного языка.

Своеобразным итогом дискуссий XIX в. о происхождении и статусе языков и наречий можно считать ряд статей в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Отметим только те обобщения, которые касаются лингвистической терминологии. Автор статьи о малорусском наречии С.К. Булич утверждал, что наречием следует именовать «разновидности более нового происхождения», языковые отличия, в свою очередь, сформировались из некогда «диалектических особенностей». Разница между наречием и языком, по его мнению, связана лишь с древностью отличительных признаков – «возрастом языковой разновидности». «До известного возраста языковая разновидность носит название наречия, а после него – языка» [18. С. 486], – отмечал он. Наречие понималось как диалект, носителем которого была «часть однородного населения той или другой страны, представляющий, наряду с общими характерными признаками данного языка, и известные отличия, настолько значительные, что устные сношения данной части населения с прочими довольно затруднительны». Наречие, в свою очередь, делится на поднаречия, а последние – на говоры [19. С. 611].

А.А. Шахматов дал определение понятиям «язык», «наречия» и «поднаречия» уже как вполне сложившихся классификационных терминов, находящихся в иерархическом соотношении: «[...] разнообразные оттенки языка, состоящие в различном произношении звуков, в замене одних звуков другими, в изменении грамматических форм и синтаксических оборотов, называются наречиями, поднаречиями, говорами. Различие между этими терминами вполне относительное: о наречиях говорят там, где имеется в виду противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях – там, где требуется указать, что они, как части, связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком, и т.д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имеет свой язык: его можно назвать языком, когда о нем говорят безотносительно; его назовут говором, поднаречием, наречием, если потребуется определить его отношение к языку тех более крупных единиц, в состав которых входит эта общественная группа» [20. 564–565]. Таким образом, дефиниции терминов стандартизируются, установление лингвистической иерархии происходит с учетом или на основании исследований политической и племенной истории этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Единообразие и стройность принципов лингвистической классификации проявились в утверждении о том, что «в логическом отношении понятие “наречие” может быть сравнено с понятием *вида* в естественных науках» [19. С. 611], а термин «говор» – с понятием «разновидности» [21. С. 10]. Точно также оно может быть сопоставлено с классификацией этнографических и антропологических типов, которые расценивались в конце XIX в. как не имеющие «чистых» физических или культурных форм [22. Гл. 3. § 2]. В этом контексте значима фраза статьи: определение «вполне твердых и незыблемых границ между понятиями говор, наречие и язык невозможно» из-за существования ряда промежуточных форм, которые не всегда могут быть уложены в рубрики. Таким образом, лингвисты XIX в., начиная с В.И. Даля, осознавали условность и модальность категорий, используемых для выделения элементов и урвной этноса или языка: эти «рубрики» – т.е. классификационные единицы – признаются «в действительности чистыми абстракциями» [19. С. 611].

В наиболее полной мере позитивистская абсолютизация научно-эволюционных схем в различных областях науки подверглась критике в интерпретации И.А. Бодуэна де Куртенэ. В статье для энциклопедии Брокгауза и Ефрона 1907 г. он подчеркивал искусственность лингвистических классификационных понятий. «Национальный язык», в частности, он расценивал как «фикцию», не имеющую опоры в реальной действительности, как элемент научного инструментария. «Язык племенной и национальный, – писал он, – является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми – ассоциаций, свойственных индивидуам и, в *отвлеченном*, абстрактном смысле, в виде *среднего вывода*, также народам и племенам» [23. С. 530]. Национальный литературный язык в этом смысле есть конструкт, «освященный обычаем и “невольным соглашением” всех членов данного языкового общества» с приписанными ему идеальными нормами, объединяющими предписаниями и правилами. С его точки зрения, реальны только индивидуальные языки. В этом, а не в каком ином, контексте следует, на наш взгляд, интерпретировать слова Т.Д. Флоринского из статьи 1900 г., в которой говорилось, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное» [24. С. 337]. Процесс выработки норм языка в этом смысле является одним из способов реализации политики лингвистического конструктивизма.

«Этнографические» и «антропологические» классификации второй половины XIX столетия

В первой половине столетия в науке сохранялось принятое еще в эпоху Просвещения разделение народов на цивилизованные/нецивилизованные и культурные/некультурные, к которому романтическая историография добавила еще и различие исторических и неисторических народов. Развитие идей позитивизма и усложнение методов этнографо-лингвистических исследований никак не корректировало сложившиеся традиции этнических таксономий. Например, классификация Ф. Ратцеля также опиралась на категорию цивилизации: он разделял этносы на «природные» (*Naturvölker*) и «культурные» (*Kulturvölker*). С развитием идей прогресса и эволюционизма большое значение в классификациях приобрели принципы стадильности, которые должны были определить не только место народа в системе видов и родов человечества, но и его позицию на универсальной шкале эволюции, для чего были введены координаты времени и уровня развития этноса. Это была линейно-стадильная, универсальная схема, согласно которой все народы можно было «закрепить» на шкале прогресса в определенной точке.

На этом же основании, но в более детализированном виде, возникла классификация Л.Г. Моргана. Стремясь выделить фазы эволюционного развития, он попытался реконструировать историю племен, однозначно описываемых как нецивилизованные, и выделил две стадии: дикости и варварства (каждую из которых он подразделил еще на три типа-этапа). Если для представителей романтического историзма критерием «размещения» народов на шкале прогресса были духовно-правовые идеалы зрелой личности (индивидуальные и национальные свободы, справедливость, совершенствование человека и динамика общественного развития), то в основу моргановской классификации «дикости» и «варварства» были положены факторы материальной культуры – типы орудий труда и технологии их изготовления. Критерием перехода от дикости к варварству он обозначил появление гончарного производства. Таким образом, Морган признавал лишь «объективные» и легко определяемые признаки – прогресс в этом случае отождествлялся с эволюцией форм материальной культуры.

Еще одно разделение диких и варварских народов, оцениваемое Н.Н. Харузиным в начале XX в. как «неудачное», было предпринято Ж.А. Рони, критерием для которого стала та же цивилизационная категория «несовершенства». Диким народам он приписывал несовершенство материальной, а варварским – «духовной и умственной жизни» (к варварским он относил бесписьменные культуры). Различение диких, варварских и цивилизованных народов было осуществлено и в работах Э. Тайлора. Но европо- и этноцентричные элементы в этом разделении функционировали по-прежнему [25. С. 402–403].

Поскольку эволюционисты четко закрепляли определенные элементы материальной и духовной культуры за каждой из стадий, то обнаружение их в исследуемой сообществе вело к причислению его к тому или иному разряду. Так не описание явлений культуры обуславливало идентификацию, а классификация во многом предопределяла видение и понимание научного объекта. Поэтому цивилизованность как главный критерий разделения народов (в том числе и на «своих» и «чужих») в эпоху позитивизма и эволюционизма обрела конкретные и исторические приметы.

Принято считать, что русские эволюционисты (как, впрочем, и их немецкие коллеги этнологи [26. С. 45–46]) последней четверти XIX в. разделяли положения «теории развития», а критическое переосмысление ее концепций и методов относят лишь к первому десятилетию XX в. [2. С. 424–426]. Однако это не совсем точно. Даже наиболее последовательные сторонники эволюционизма в России оспаривали главные классификации своих европейских учителей, в особенности те, которые обосновывали разделение на стадии «цивилизации» и «дикости». В труде по антропологии Э.Ю. Петри посвятил одну из глав вопросу разделения народов на «диких» и «культурных». Он отмечал, что европоцентристское «презрительное» отношение к некоторым народам имеет под собой вполне очевидные исторические причины, однако сурово осуждал «позорное» отношение к «низшим братьям» [15. С. 109].

Д.А. Коропчевский стремился найти причины (естественно-климатические и исторические), определяющие «дикость» или «культурность» (уточняя значение понятия «культурный уровень или культурное значение народа»). Под «культурностью» народа он понимал «его материальное благосостояние и умственное развитие» [27. С. 3] и видел их не во врожденной неспособности или отсталости, но исключительно в условиях формирования. Ученый подчеркивал, что данное деление некорректно, и считал, что в русском языке слово «дикий» обладает такими смысловыми нюансами («слово “дикий” неопределенно и сбивчиво [...] на нашем языке оно значит прежде всего нечто странное, непривычное для нас» [27. С. 12]), которые затрудняют верную интерпретацию. Он предлагал использо-

вать другое понятие – «естественный», «т.е. более близкий к природе». По той же причине неудачность перевода ратцелевских категорий на русский язык отмечал и Н.Н. Харузин [16. С. 53].

Классификация народов, основанная на разделении «диких» и «культурных», строго говоря, не была «отменена» сторонниками эволюционизма, но они придавали важное значение формулировкам; теперь все исследуемые объекты наделялись статусом «культурных», дифференциация же основывалась на «этапности», что, естественно, актуализировало оппозицию совершенство/несовершенство. В основе эволюционистской концепции, разработанной на основании применения дарвиновской теории и методов к человеческим сообществам, находилась идея универсальных закономерностей развития народов/этносов и «обязательность» последовательного прохождения определенных этапов (стадий), каждому из которых соответствовал определенный набор признаков материальной и духовной культуры. При этом устанавливалось строгое соответствие между явлениями различных областей жизни сообщества. Поэтому в работах российских эволюционистов соотношение географического, антропологического и лингвистического критериев в процессе классификации народов, этносов и этнических групп получило довольно цельное обоснование. Д.А. Коропчевский писал: «Теоретически главным предметом исследования [...] является народообразовательный процесс, начиная от его первичной формы (“рода”), продолжая дальнейшими осложнениями ее (“племенами”) и кончая законченной формой, к которой может быть приложено обозначение “народа”. Практически задача этнолога сводится к определению – к какой из стадий этногенетического процесса может быть отнесена та или другая наблюдаемая [...] группа? [...] Насколько эта степень развития зависит от окружающих условий?» [27. С. 27].

Не этнографы, в первую очередь российские антропологи, хотя и прибегали к подобным «этнографическим» (т.е. культурно-стадиальным) классификациям, начали критиковать их. Концепты «развитие» и «культура» в данной теории были тесно связаны: «развитие [...] понималось как однолинейный процесс перехода от простого к сложному, без каких-либо качественных изменений [...] что вело к созданию искусственных конструкций культурной эволюции» [26. С. 45]. Переосмысление эволюционистских теорий в немецкой науке относят к 1870–1980-м годам, российские ученые пришли к нему несколько позже – в 1890-е годы. Они считали культурно-стадиальную универсальность чересчур схематичной и полагали, что «невозможно уложить жизнь, столь пеструю уже в силу разнообразия географических и исторических условий, в тесные рамки, заимствованные в лучшем случае из истории двух или трех более известных народов» [28. С. 104]. Различение народов «по культурному уровню» казалось неприемлемым и Н.Н. Харузину, который был убежден, что не все племенное разнообразие вписывается в такие общие классификации [16. С. 55].

По мнению этнографа, подобные таксономии доказали свою несостоятельность и потому возникли новые, но такие же небесспорные, варианты разделения по «культурным» критериям, когда во главу угла ставился лишь один признак «экономического быта» (например, по способу добывания пищи) [16. С. 55]. Н.Н. Харузин полагал, что все попытки установить универсальную классификацию, опирающуюся на фактор развития (восходящий к цивилизационному), понятны (поскольку таксономические модели, создаваемые на основании одного признака, – лингвистические и антропологические, не могут разрешить всех проблем этнической идентификации и кажутся неполными), но так или иначе обречены, так как само определение высоты «культуры» представляется с научной точки зрения невозможным [16. С. 56]. Этнограф резко критиковал ее применение в отношении этносов и довольно жестко отзывался о вариациях разделения этносов на «цивилизованные» и «дикие», усматривая в них проявления европо-

центризма (особенности позиции Харузина детально рассмотрены современным ученым Н. Найтом [29]).

Н.Н. Харузин приводил аналогичные мнения европейских коллег и констатировал, что в науке намечается тенденция преодоления недостатков: новые комплексные классификации создаются на основании анализа хозяйственно-экономических факторов. В качестве примера он разбирал этнологические теории, опирающиеся на род занятий (в будущем именующиеся «хозяйственно-культурными типами»). Впрочем, и в них исследователь усматривал множество нестыковок и противоречий. Не соглашаясь с критикой схем, касающихся «нематериальной культуры» (объявляемых субъективными), он утверждал, что они создаются на основании главной и универсальной закономерности природы: простые формы предшествуют сложным, и потому социальная, экономическая и психическая жизнь людей развивается по тем же принципам, что и природные явления [16. С. 67–68]. Ученый определял «культурную классификацию» как полностью неудовлетворительную, причем, как и другие, полагая, что ни каждая из них в отдельности, ни объединение их в единые принципы группировки этносов не являются эффективными или удобными, потому они могут быть использованы лишь в качестве «рабочих гипотез».

В начале XX в. «ненаучность» *этнографических* классификаций «по этносам» стала общепризнанной [30; 31; 32]. В трудах этнографов, освещавших общетеоретические проблемы этнографической науки, задачи этнографии и ее классификация связывались не с этносами как объектами изучения, а с этнографическими явлениями (у Л.Я. Штернберга они разделялись на материальные, социальные и духовные) [30. С. 186]. С.М. Широкогоров в лекциях 1923 г., приводя известные классификации этносов, также упоминал «этнографическую классификацию». Исследователь выделял признаки, по которым она осуществлялась – «комплекс обычаев и уклад жизни» [32. Гл. 3] и подразделял ее по методам на классификацию «по культурным циклам» (историческим и статическим) и «степеням культурности», разработанным эволюционистами.

Таким образом, в 1880–1900-х годах наблюдается солидарность лингвистов, этнографов и историков в отношении имеющихся классификаций народов и/или национальностей; они рассматривались как условные или искусственные, имеющие лишь вспомогательное, узкотаксономическое значение, но не отражающие сложность и адекватность этнической реальности и методических проблем в процедуре внешней идентификации. Осознание неадекватности используемых этнографией видов таксономий и утопичности создания единой универсальной таблицы народов по образцу менделеевской произошло, таким образом, всего через полвека после институционализации этнографических исследований в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болтин И.Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтинным. В 2-х т. СПб., 1788. Т. 1.
2. *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.
3. *Вишленкова Е.А.* Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М., 2008.
4. *Миллюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 2004.
5. *Бахрушин С.В.* Миллер как историк Сибири // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. В 3-х т. М., 1999–2005. Т. 1. М., 1999.
6. *Клубков П.А.* Вопрос о старшинстве народов и языков в России XVIII в. // *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах.* Петрозаводск, 2001.
7. *Татищев В.Н.* Предложение о сочинении истории и географии Российской (1737) // *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.
8. *Татищев В.Н.* Общее географическое описание вся Сибири (1736) // *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.

9. *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. 1994. 1994. № 1–2.
10. *Даль В.И.* Напутное слово (1862) // Толковый словарь живаго великорусскаго языка. В 4-х т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1.
11. *Даль В.И.* О наречиях русскаго языка. По поводу опыта областного великорусскаго словаря, изданнаго вторым отделением Императорской Академии наук (1852) // Толковый словарь живаго великорусскаго языка. В 4-х т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1.
12. *Даль В.И.* О русском словаре (1860) // Толковый словарь живаго великорусскаго языка. В 4-х т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1.
13. *Vitalich K.* Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretative Dictionary of the Living Great Russian language // Ab Imperio. 2007. № 2.
14. *Пешель О.* Народоведение. СПб., 1890.
15. *Петри Э.Ю.* Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890.
16. *Харузин Н.* Этнография. Лекции, читанные в императорском Московском университете. В 4-х вып. СПб., 1901–1905. Вып. 1.
17. *Мостовский М.* Этнографические очерки России. М., 1874.
18. Малорусское наречие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевскаго. СПб., 1890–1907. Т. IXа (п/т 18).
19. Наречие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевскаго. СПб., 1890–1907. СПб., 1897. Т. XXа (п/т 40).
20. Россия. Русский язык // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевскаго. СПб., 1890–1907. СПб., 1899. Т. XXVIII (п/т 55).
21. Говор // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевскаго. СПб., 1890–1907. СПб., 1893. Т. IX (п/т 17).
22. *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
23. Язык и языки // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т) / Под ред. Е.И. Андреевскаго. СПб., 1890–1907. СПб., 1904. Т. XLI (п/т 81).
24. *Флоринский Т.Д.* Малорусский язык и «українсько-руський» литературный сепаратизм // Украинский сепаратизм в России. М., 1998.
25. *Тайлор Э.* Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации). СПб., 1908.
26. *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. В 2-х ч. М., 2004. Ч. 1. Немецкая этнология.
27. *Коропчевский Д.А.* Первые уроки этнографии. М., 1903.
28. *Петри Э.Ю.* Методы и принципы географии. СПб., 1892.
29. *Knight N. N.* Kharuzin and the Quest for a Universal Human Science. Anthropological Evolutionism and the Russian Ethnological Tradition // Kritika. Exploration in Russian and European History. Winter, 2008. Vol. 9. № 1.
30. Этнография // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI т. (82 п/т). СПб., 1904. Т. XLI (п/т 81).
31. *Харузина В.* Этнография. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. М., 1909.
32. *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Владивосток, 2001. Кн. 1.

© 2011 г. Ю.Я. ВИН

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ АНТРОПОНИМИКИ ВИЗАНТИЙСКИХ АКТОВ XIII–XV ВЕКОВ

*Величайшая форма человеческого языка –
это имена.*

О. Розениток-Хюсси

В статье рассматриваются некоторые спорные проблемы изучения крестьянской антропонимики византийских актов XIII–XV вв. Главным объектом анализа являются славянские по происхождению личные имена и прозвища сельского населения Южной Македонии.

The present article considers some controversial problems of research on peasant anthroponymics in the Byzantine diplomatics of the thirteenth–fifteenth centuries. The main object of analysis is personal names of Slavic origin and nicknames used among the rural population of South Macedonia.

Ключевые слова: византийская и славянская антропонимика, личные имена и прозвища.

Задачу всеобъемлющего изучения византийского крестьянства Южной Македонии прежде всего осложняет тот факт, что речь идет о регионе Балканского полуострова, где, начиная с раннего Средневековья, систематически происходило смешение местного населения со славянскими переселенцами и колонистами. Оставляя в стороне проблему их культурной и социально-политической адаптации и ассимиляции под властью Византийской империи, сейчас хотелось бы обратить внимание на единственное достоверное свидетельство, почерпнутое «внутри» сельского сообщества, которое сегодня позволяет судить о его этническом составе и социокультурном облике рядовых селян. И этим уникальным свидетельством, пожалуй, оказываются их личные имена и прозвища. Они сохраняются в составленных византийскими чиновниками «практиках» (имущественных описях) и некоторых других видах актов, включая жалованные грамоты представителей правящих кругов южнославянских государств. Особенно богаты и содержательны в этом плане материалы XIII–XV вв., относящиеся к Халкидике и прилегающим областям Южной Македонии. К системному анализу данных антропонимики их сельского населения обращались несколько поколений византинистов и славистов (подробнее см. [1], там же указана основная литература. Это исследование, где предложен к обсуждению разработанный автором метод этнической идентификации по данным антропонимики, осталось неизвестным специалистам). В настоящее время большинство зарубежных ученых предпочитают рассматривать

Вин Юрий Яковлевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

антропонимические данные византийских актов преимущественно с точки зрения происходившего в Средние века процесса «эллинизации» славян названного региона, иначе говоря, вовлечения в орбиту византийской цивилизации. При этом современные специалисты полагают, что так называемая эллинизация сопровождалась полной утратой самобытных черт славянства, которые, увы, остаются, как правило, вне поля зрения большинства зарубежных византинистов. Они преимущественно обращаются к видимым проявлениям ономастики византийских актов, акцентируя лингвистическую сторону своих исследований (см., например, [2–6], к сожалению, некоторые труды [7; 8] пока нам недоступны. Также см. [9. С. 108–109 и др.]). В этой связи хотелось бы напомнить, что в свое время тенденция к «эллинизации» негреческого населения Южной Македонии не укрылась от внимания Г. Острогорского. Однако видный предшественник нынешних сторонников рассматриваемой концепции подчеркивает, что славянские носители греческих имен не переставали быть славянами [10. С. 50].

Здесь нужно пояснить, что зарубежные специалисты, в первую очередь Ж. Лефор и В. Кравари, обосновывая фонологическими данными свои концепции в сфере византийско-славянской антропонимики и карты территориального распределения славянских номенов, в значительной мере отталкиваются от положений труда Ф. Броне по топонимике Южной Македонии и воспроизведенных там схем региональной дистрибуции топонимов [11]. По существу это глубоко фундированное исследование, автор которого систематически привлекает к анализу данные антропонимики, хотя для французского ученого в значительной мере также, как и для названных его коллег, процессы изменения местных наименований раскрываются под углом зрения их поступательной «эллинизации» [11. Р. 237–238 etc.]. В своих исходных позициях Ф. Броне анализирует транскрипцию славянских имен собственных в византийских греческих актах, делая упор на закономерностях передачи в них определенных фонем, в частности норм написания суффикса *-ica-* и транслитерации звука [b], как и ряда других особенностей речи славян, осевших в Южной Македонии в ходе ее колонизации [11. Р. 243–248 etc.]. В результате, несмотря на строгое следование концепции «эллинизации» местного населения, Ф. Броне, а вслед за ним его коллеги признают факт сохранения в Византии вплоть до последнего периода ее истории районов, население которых в своей повседневной жизни пользовались «живой» славянской речью (см. [11. Р. 253–256 etc.; 3. Р. 273–274 etc.; 4. Р. 395–397]). Справедливости ради надо сказать, что к вполне адекватной картине распределения славянского населения на Халкидике и в прилегающих к ней областях ранее, нежели последующие сторонники концепции «эллинизации», приблизилась А.Е. Лаиу, опиравшаяся на более простые, чем они, способы анализа статистических данных (см. [12. Р. 85–88; 13. Р. 130–134]). В целом же Ф. Броне приходит к выводу о необходимости комплексного изучения славянского культурного наследия в этом регионе [11. Р. 257–258].

Действительно, предложенный французским ученым комплексный подход обеспечивает успешное раскрытие славянского происхождения населения изученного им, как, впрочем, и любого другого региона, даже если подлинная природа их имянаречения порою бывает заслонена ошибками его восприятия византийскими делопроизводителями (см., например, [5. Р. 389]). Правда, вызывает недоумение, почему исследователь ограничивает себя анализом лишь двух-трех критериев, в частности, транскрипции звука [b], передающегося буквами греческого алфавита – «бетой» (β), как это свойственно греческой традиции, или сочетание «мю» и «пи» (μπ), что якобы доподлинно изобличает славянскую речь? [11. Р. 244–246 etc.] (также см. [3. Р. 271, 273–274]). Достаточно провести сравнение греческих транскрипций номена «Добр(ый)», которая в византийских документах представлена тройко: Δόβρος [14. № 74.33], Δόμπρος [14. № 64.21, 23; 15. № 86.328–329; 16. № 109.317–318] (также см. [14. № 74.95–96, 181–182]), Τόμπρος

[14. № 74.161; № 77.162–163] (также см. [17. № 70.37, 47]). Разве наблюдаемые различия правописания сами по себе ниспроверяют славянское происхождение указанного имени?

На самом деле современные специалисты, как никогда прежде, обращаются к анализу нормативной транскрипции и передаче на письме в греческих актах средневековых славянских имен. Тем не менее многие аспекты их изучения, как и социокультурного взаимодействия греческой и славянских групп византийского крестьянства, до сих пор представляют в высшей степени спорную научную проблему. В частности, к ней относится недостаточное внимание к общим закономерностям взаимного влияния культур народностей различного этнического происхождения в местах их совместного расселения, о чем приходится судить, как уже сказано, по личным именам селян. При этом возможность установления их этнической принадлежности зарубежные ученые практически оставляют на заднем плане. Между тем для успешного продвижения в указанном направлении приходится принимать во внимание неизбежные искажения, которые допускали составлявшие документы византийские чиновники и писцы, с трудом воспринимая чуждые для них звуки славянской или влашской речи. Ввиду этого транскрипция многих чужеродных имен собственных требует несомненных коррективов, равно как и неоправданно допускаемая византийскими делопроизводителями формализация непонятных им словосочетаний. Наглядным свидетельством тому может служить сравнительно редкое для сельского населения Македонии имя «Владимир». Даже в средневековых южнославянских актах оно фактически уникально, будучи известно в ограниченном числе форм (*Владимир* – *Владимира*), скажем, по сохранившейся в составе архива Хиландарского монастыря ктетовской земельной описи середины XIV в. и акту 1388 г. Русского Пантелеймонова монастыря [18. № 57. С. 391; 19. № 36.80]. Порою бытование указанного имени подтверждает топонимика, к примеру, обозначенное в той же описи «Владимирово поле» (*Владимирове ниве*) [19. № 36.147–148]. Равным образом нельзя упустить из виду патроним «папы» (священника) Николы Владимира (*Nicola Vladimeron*), держателя земельного надела в одном из сел в венецианских владениях на Крите, которое отмечает латинский акт 1415 г. [20. П. А. № 6.1. Р. 322]. С большой долей вероятности можно предполагать, что это, как и другие довольно многочисленные славянские имена земледельцев в описях критских поместий-казалий, являются следствием расселения в них пленных и рабов из Греции, славянских стран и даже России, которых приобретали венецианцы с целью использования труда на сельскохозяйственных работах [21. Р. 335]. Составитель этого акта счел вряд ли доступное для понимания латиняна славянское имя родовым прозвищем, но транскрибировал его адекватно. Между тем, с приведенными примерами резко контрастирует образчик формализации, по нашему мнению, предположительно, имени «Владимир», в греческих документах, ярким свидетельством чему является многочастная транскрипция (*Βλάντος ὁ τῆς Μοιροῦς*), сохраненная актами Эсфигменского монастыря [22. № 14.108; № 15.70; № 16.49]. Поскольку греческие практики первой половины XIV в. передают указанное имя принятым в византийском делопроизводстве словосочетанием, отображающим семейное происхождение регистрируемого лица: «Влад, [сын] Мирь», «загадку» этого имянаречения не «разгадали» не только З. Дзьюкович, но даже И. Дуйчев [23. Р. 293; 7. Р. 158]. В любом случае представленные факты остаются вне поля зрения специалистов, изучающих историю имени «Владимир» (см. [24. С. 9–16], там же указана основная литература. Приносим глубокую благодарность за указание А.С. Стыкалину).

Итак, формализованный подход к исследованию антропонимики византийского крестьянства оправдывает только его «эллинизацию», тогда как многие черты личных имен, включая их морфологические формы, отображают славянское

происхождение их носителей. Помимо всего прочего на греческой транскрипции славянских имен отражалась, думается, редукция падежей в именах собственных лиц, имевшая место в болгарском языке в XII–XIV вв. [25. С. 41–42]. Это явление сопоставимо с правописанием в греческом языке ряда личных имен собственных ж.р., которые в формах имен., вин. и зват. пад. ед. ч. знаменует конечная буква «омега» (ω). На первый взгляд, речь должна идти о типичном имени собственном, которые в греческом языке склоняются как и другие имена существительные III скл. ж.р. с основой на $-\omega$ ($-oj-$). Аналогичное явление наблюдается в поздневизантийских практиках, где воспроизводятся, как известно, личные имена глав хозяйств и членов их семей соответственно в имен. и вин. пад. В ряду выявленных свыше двухсот примеров женских имен, оканчивающихся на $-\omega$, встречаются несомненно в самом широком диапазоне морфологических основ собственнно исконные греческие имена, наподобие имени Архонто (Ἀρχοντώ) (см., например, [16. № 109.554]), так называемые календарные имена и прочие имянаречения.

Показательно, что Г. Острогорский, А. Е. Лапу, да и французские исследователи антропонимики поздневизантийского крестьянства, отмечая в своих трудах факты существования такой формы женского имени, воздерживаются от каких-либо объяснений [10. С. 51; 12. Р. 72, 78, 79–80, 90; 13. Р. 108, 110, 122, 123–124, 137; 2. Р. 229]. Равным образом В. Кравари, приводя в своих исследованиях примеры имен византийских крестьянок с отмеченным окончанием, помещает их в общий ряд «редких» вместе с прочими имянаречениями, отмечая, пожалуй, лишь тот факт, что такова морфологическая форма женского имени [4. Р. 391; 5. Р. 302 etc.]. В свою очередь Д.И. Георгакас, отказываясь видеть в указанной форме имен собственных ее славянского происхождение, интерпретирует этот вариант как результат стяжения последних звуков слова. Однако исследователь вынужден по существу признать аномальную инверсию падежных окончаний имен существительных в славянских языках [26. Р. 137–142]. Вероятно, конечная «омега» греческих имянаречений соответствует употреблению «юса большого» в вин. пад. ед. ч. болгарских имен сущ. и прил. ж. р. с основами на $-a/я$ в условиях деназализации и делабиализации юсов в некоторых говорах древнеболгарского и среднеболгарского языка (ср.: [27. С. 149–151, 196–197, 544]) или окончанию болгарских имен собственных в зват. пад. ед. ч. (ср. [28. С. 9; 29. С. 21]) Однако если болгарские женские имена с конечными $-a/я$ в имен. пад. ед. ч. не могут иметь ударения на последнем слоге [29. С. 20], то фиксация в грекоязычных практиках этих имен в описанной выше форме сопровождалась перенесением ударения на последний слог согласно количеству гласного звука наподобие греческих имен собственных III скл. жен. р. с основами на $-\omega$ ($-oj-$). (На необходимость принимать во внимание влияние правил греческого языка на расстановку ударений в именах собственных славянского происхождения, воспроизводимых в греческой транскрипции, в свое время указал Г.А. Острогорский [10. С. 49. Прим. 37].) Эта закономерность прослеживается как в личных именах глав хозяйств, записываемых в практиках в форме имен. пад., например, «Мавроидо, дочь Маврогьяны» ($\text{Μαυροειδὼ ἡ θυγάτηρ τῆς Μαυρογίανουῶς}$) [16. № 104.165], так и индивидуальных именах членов семей, указываемых в вин. пад., скажем, «Димитрий Хионис имеет жену Хионо» ($\text{Δημήτριος ὁ Χιόνης ἔχει γυναῖκα Χιόνω}$) [16. № 109.226]. Иначе говоря, в женских именах с указанной основой форма имен. и вин. пад. совпали: «Евгено, вдова, жена Феодора Бусха, имеет дочь Феофано» ($\text{Εὐγενὼ χήρα ἡ γυνὴ Θεοδώρου τοῦ Μπούσχα ἔχει θυγατέρα Θεοφανῶ}$) [16. № 109.481–482]. По существу та же самая форма сохраняется и в женских именах, зафиксированных в дат. пад., поскольку предусмотренная грамматическими правилами подписная «йота» под конечной буквой «омега» в записях практиков не всегда аутентична, к примеру, «[...] дочери Мария и Силигно, зять по Силигно Иоанн» ($\text{[...] θυγατέρας Μαρίας καὶ Σιλίγνῶ, γαμβρὸν ἐπὶ τῇ Σιλίγνῶ Ἰωάννῃ}$) [16. № 109.459–460].

Правда, З. Дзьбюкович полностью пренебрегает всеми названными аргументами, считая *-ω-* «греческим суффиксом», служившим признаком происходящей эллинизации сельского населения [6. Р. 109, 125, 132, 139, 153, 175].

К сожалению, в отличие от византийских актов сведения южнославянских грамот о женских именах крайне скупы. Как правило, они встречаются лишь в отдельных практиках, например в славянском Хиландарском практике, который, как известно, представляет собой сербский перевод середины XIV в. утраченного византийского оригинала рубежа предшествующего столетия, и потому вполне адекватного византийским прототипам [19. № 86] (подробнее см. [30. Append. II. P. 289–297]). Здесь удается проследить частичную редукцию окончаний женских личных имен собственных, например, в род. пад. ед. ч.: **Фотиниѣ Витоманькѣ** [19. № 86.283]. В большей мере в названном практике и некоторых других документах представлена редукция женских индивидуальных имен собственных в вин. пад. ед. ч.: **Феодоткѣ, Димолѣ, Димитриѣ** [19. № 86.137], **Феологикѣ** [19. № 86.227], а также **Тодорѣ** [20. № 36.49]. В любом случае – их окончания безударны, по-видимому, даже в тех именах, которые в вин. пад. ед. ч. завершает буква «иже»: **Стаматикѣ** и **Феодоти** [19. № 86.16, 301]. Исключением, когда ударение падает на последний слог, пожалуй, являются лишь имена собственные с усеченными окончаниями и односложные, допустим: **Фодорѣ** [19. № 86.331, 336], **Исфросинѣ** [19. № 86.194], **Ксень** [19. № 86.294, 312], **Розѣ** [19. № 86.273], **Юринѣ** [19. № 86.342].

По всей вероятности, правомерное решение поставленной проблемы следует искать в закономерностях фонологии с учетом суждений известного знатока этой области знаний Р. Якобсона, полагающего, что язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития. Выдающийся филолог, в частности, отмечал адаптацию юго-восточных диалектов Македонии к свободному греческому ударению, выполнявшему сигнификативную, т.е. «значащую», функцию. И тогда как греческому языку присуще «негативное» выражение делимитативной, иначе говоря – указывающей на конец слова, функции ударения, именно ее приобрела часть македонских диалектов, где получила распространение лексика с ударными вторыми-третьими слогами от конца слова [31. С. 97 и др.]. Вполне возможно, контаминация описанных явлений, наблюдавшихся в недрах смежных балканских языков (подробнее см. [31. С. 102 и др.]), служила главной причиной возникновения необъясненной пока языковой формы византийских практиков, которая в определенных случаях сочетается с очевидными признаками славянского происхождения носительниц женского имени или, по крайней мере, не исключает обоюдного культурного влияния славян и греков в зонах их непосредственного взаимодействия.

При рассмотрении антропонимики сельских жителей поздневизантийского периода с учетом выявленной закономерности распространения женских имен с основой на *-ω-* (*-oj-*) нужно отметить их сочетания с несомненными именами славянского и владшского происхождения у членов одной семьи. Разумеется, в первую очередь их сочетаемость предопределяла возможность смешанного брака между славянином и гречанкой, воплощением чего в первой четверти XIV в. допустимо считать семейную пару крестьян хориона (села) Кастрон в Ермилее, согласно записи практика: «Рос Булгар имеет жену Евгено» (Ῥώσος ὁ Βούλγαρος ἔχει γυναῖκα Εὐγενώ) [16. № 109.495], тогда как в хорионе Дримосирта Иоанн Булгар, зять Димитрия, сына Симеона или Платикойла (Πλατύκοιλος), был соответственно женат на его сестре Аргиро (Ἀργυρώ) [16. № 109.359–361]. Примеры такого рода могут быть умножены приведением имен глав крестьянских хозяйств бесспорно славянского и владшского происхождения, чьи жены носили греческие имена с конечной буквой *-ω*. Скажем, тот же практик свидетельствует о жителе села Гомату: «Феодор Албанит имеет жену Силигно» (Θεόδωρος ὁ Ἀλβανίτης ἔχει γυναῖκα Σιλίγνῳ) [16. № 109.566–567]. Подобная ситуация без труда просматривается и в

хорионе Селада на примере Николая, сына Иоанна Кривавеци (τοῦ Κριβαβέτζη) и Афанасы (τῆς Ἀθανασοῦς), поскольку ее имя известно и в форме вин. пад. – «Афанасо» (Ἀθανασώ) [16. № 109.811–812]. (Интерпретацию имени Кривавецзи (τοῦ Κριβαβέτζη) подробнее см. [4. Р. 394. № 47].) На рубеже XIII–XIV вв. там женою Димитрия, сына Василия Станила (τοῦ Σταμίλα), была Иоанно (Ἰωαννώ), а у Иоанна, сына Георгия Кривавецзи (τοῦ Κριβαβέτζη) – Атанасо (Ἀθανασώ) [16. № 91.III.108–109, 125–126]. Также можно указать и на Иоанно, супругу Димана, брата Стура Георгия, имя сына которого – Стан (Στάνου) не оставляет вопросов об славянских корнях этой семейной группы [16. № 91.III.158–159]. Во втором-третьем десятилетиях XIV в. нельзя выпустить из вида Иоанна Клона (ὁ Κλώνος – ὁ Κλόνος) и его супругу Стратигу (Στρατηγώ), потому что их младшую дочь они назвали «Стания» (Στανίαν) [22. № 14.37–38; № 15.32–33; № 16.24], а также Феодора Доброна (ὁ Δοβρωνάς) с женою Тейотоко (Θειοτοκώ) [22. № 14.87–88; № 15.53–54; № 16.38]. Остается лишь упомянуть об известных по описи 1338 г. Стане, зяте Антигонита, поскольку их соответственно супруга и дочь носила имя Евгено (Εὐγενώ) [32. № 25.99].

Наблюдения выявляют аналогии равным образом и в отношении дочерей и других родственниц предположительно смешанных славяно-греческих семейных пар. Так, в начала XIV в. в составе довольно многочисленной семейной группы жителя хориона Иериссо Михаила, сына Бесхлебу (Μπεσχελέμπου), и его жены Ирины одна из дочерей получила грецезированную форму имени Василю (Βασιλώ) [14. № 70.139–141]. По всей видимости, она же, десятилетия спустя уже будучи вдовой, упоминается в последующих переписях как член семьи Мануила, сына Бехлебу (ὁ τοῦ Μπεχλεάμπου), чье родовое имя, вероятно, оправданно считать испорченным славянским прозвищем «без хлеба» [14. № 75.240; № 79.211–212]. (Аналогичное умозаключение делает и В. Кравари, см. [4. Р. 389].) Равным образом во втором десятилетии указанного столетия в семействе Георгия, брата Николая Цецекалиса, и его жены Анны одну из невесток домашние называли Феофано (Θεοφανώ), хотя имена супруги Николая – Станула (Στανούλαν) и внука самого Георгия – Стан (Στάνου) сразу же выдают этническое происхождение этой группы селян [14. № 74.289–291]. Нельзя оставить в стороне и имя вдовы Евдокии Сапоно (Σαπωνώ), тещи Димитрия Качивелаки (Κατζιβελάκη), чей патроним напоминает цыганское прозвание [15. № 87. А. 49–50; № 87. В. 56].

В то же время без особого труда среди южномакедонских крестьянок выявляются носительницы имени, оканчивающегося «омегой», чье непосредственное славянское происхождение не вызывает сомнения. Конечно, сторонники «эллинизации» византийского крестьянства в праве не принять доводов об этнической принадлежности селянки Гомату вдовы Анны Влахо (ή Βλαχώ) [16. № 109.584]. Но трудно оспорить славянское происхождение вдовы Феодоры Драгото (ή Δραγωτώ) [15. № 87. А. 197–98; № 87. В. 219–220] или вдовы Кали Черното (ή Τζεριοτώ) (см. [22. № 14.89; № 15.54–55; № 16.39]). То же самое оправданно повторить и о Неадзо (Νεάζω), мачехе (μητριάν) Стана, сына Драгана (Στάνος ὁ υἱὸς τοῦ Δραγάνου), в семье которого в хорионе Овилу она доживала свой век вместе с братом Станом (Στάνου) [14. № 74.296]. И разве возможно отрицать исконную природу жителей хориона Мелициани начала XIV в. вдовы Зои, дочери Иоанна Цекона, по семейному прозвищу «Ляхано» (ή Λαχανώ), если ее родные дети носят славянские имена: сын Драган (Δραγάνου), а дочь Стана (Στάνναν) [14. № 70.24]? Весьма сходная ситуация прослеживается и в хорионе Овилу, где в 1316 г. проживало семейство Михаила, зятя Герота, и его супруги Кали, в составе которой записаны также сестры: жены – Струма (Στρούμαν) и, возможно, самого Михаила – Драгана (Δραγάνου), а также племянница Василю (Βασιλώ) [14. № 74.269–270]. И уж совсем невозможно опровергнуть этническую природу обитавшей в небольшом местечке около Струмицы в 1320 г. вдовы Добрицы Цика-

ло (Τομπρίτζα ἡ Τζυκαλώ), тем более, что ее зятем по дочери назван «Драгин» (Δραγῆν) [14. № 77.116].

Сами по себе приводимые сведения, безусловно, не дают окончательного ответа на вопрос о том, обнаруживает ли себя таким образом «эллинизация» славянского и влашского населения Южной Македонии, или все-таки исследователю приоткрываются процессы взаимной социально-культурной ассимиляции, происходившие в рассматриваемый период благодаря сближению некоторых тенденций имянаречения в указанном регионе. Во всяком случае, принимая своеобразие описанных женских имен во внимание, нельзя игнорировать очевидного переплетения в них греческих и славянских черт. Несмотря на отсутствие прямых совпадений со славянскими документами, в византийских актах женские имена с окончанием «омега» в вин. пад. ед. ч. могут служить одним из указаний на славянское происхождение их носительниц. Сами по себе особенности литературной языковой греческой традиции, где окончание «омега» в таких именах собственных является ударным, не заслоняют факты отображения культурного взаимодействия крестьян греческого, славянского и влашского происхождения.

В свете сделанных наблюдений столь привычное и по частоте присвоения столь употребляемое в среде сельского населения Южной Македонии мужское индивидуальное имя «Калос» (Καλός) и его женская разновидность «Кали» (Καλή) (по их значению символизировавшие все самое прекрасное в человеке и прежде всего его добродетель, ср. [13. Р. 109; 5. Р. 302]) вполне допустимо предположить, что эти имена присваивали своим детям не только греки, но и селяне славянского и влашского происхождения, которые адаптировали греческую культурную традицию. Также весьма высока вероятность использования названных греческих имен, получивших самое широкое распространение в поздневизантийских практиках, в качестве транскрипции соответствующих славянских прототипов, которыми являлись имена собственные с основой *-добр-* [4. Р. 390]. Впрочем, нельзя не сказать о существовании у славян и влахов, как подчеркивает В. Кравари, собственной мотивации, которую в их среде воплощали наряду с прочими такие имена [5. Р. 303]. В первую очередь эту мотивацию подтверждают средневековые славянские акты, которые представляют целостный спектр таких личных имен у славян и влахов Южной Македонии и прилегающих областей. Прежде всего выделяются индивидуальные имена, являвшиеся производными от указанной морфологической основы. К сожалению, воспроизведение женских имен собственных в славянских документах единичны, что превращает их примеры с основой *-добр-* в поистине уникальные, например, **Добра** [19. № 36.6; 33. С. 86, 91]. По этой причине в ряду имен собственных, образованных на рассматриваемой основе или благодаря ее соединению с другой морфемой, в славянских актах преобладают мужские имена собственные: **Добравь** [19. № 8.63; № 46.65], **Добрашинь** [34. С. 11], **Добре** [19. № 8.80, 81, 168; № 9.41, 44; № 32.80, 81; 1. № 50. С. 365, 366; 4. С. 86], **Добрень** [19. № 9.43], **Добретник** [34. № 50. С. 365], **Добрето** [33. С. 91], **Добрник** [19. № 8.167], **Добрнль** [19. № 8.83] **Доброта** [19. № 8.61; № 32.61; № 36.200; № 86.37], **Доброхъна** [19. № 4.183, 185], **Добрько** [20. № 8.35; № 32.36; № 46.65], **Добрьчинь** [19. № 62, 69; № 32.63, 70], **Добрьль** [19. № 32.83], **Доброгость** [19. № 4.174], **Добромирь** [19. № 8.80, 83, 157; № 32.80–81, 83; № 86.52; 35. № 57. С. 391; № 58. С. 395], **Добро-мисль** – **Добромысль** [19. № 8.68–69; № 24.81; № 32.69], **Добросавь** [34. С. 86], **Доброславь** [19. № 8.157, 162; № 32.66; № 56.12; 34. № 57. С. 391; 35. № 67. С. 142; 33. С. 85, 88]. Равным образом надлежит отметить соответствующие родовые имена и прозвища: **Добретник** [20. № 8.128], **Добреновик** [20. № 71.58], **Добрихънычъ** [19. № 4.180], **Доброславичъ** (**Доброславичъ?**) [19. № 4.179–180], **Доброковикъ** [19. № 24.88].

Вместе с тем и византийские греческие акты позволяют проследить следы славянского имянаречения с основой *-добр-*, которые восходят к рубежу раннего и развитого Средневековья. В частности, одним из свидетелей продажи в 897 г.

земель Георгии, вдовы Димитрия Тзагана, и их детей в хорионе Драговунтов стал Василий Доброта (Δοβρωτάς – sic!) [36. № 1.34]. Некий Доброта Власев (Δοβρωτάς τις Βλασέβας) назван в ряду жителей Иериссо восьмидесятых годов X в. [37. № 5.14]. Там же надо отметить и носителей имени Добрука (Δοβρουκου – sic!) [37. № 4.10; № 5.6]. В 1008 г. среди видных селян, выставивших свои «кресты» в акте соглашения жителей хориона Радохоста с местным монастырем, стоит и «знак» Михаила Добрика (Δῶβρικου – sic!), а среди подписей выставлен автограф Добрилы, икодеспота (домохозяина) и «бóльшого» (см. [36. № 14.2, 38]). В 1042 г. среди селян Иериссо известен Власий Добрил (τοῦ Δοβρίλου) [37. № 27.13]. В том же десятилетии одна из земельных описей указывает на границу с проастием (поместьем) Георгии Добромииры (τῆς Γεωργίας τοῦ Δοβρωμυροῦ) [37. № 29.82]. Среди свидетелей, поставивших свои кресты под актом 1085 г. об урегулировании земельных споров между Ивирским монастырем и Феодулом, епископом Едзевы, обнаруживается подпись Доброты Протокинига (Δοβρωτὰ Πρωτοκινιγοῦ) из хориона Суситза [38. № 43.57].

В последующие столетия свидетельства византийских документов заметно умножаются. Достаточно сослаться на группу ивирских актов начала XII в., в частности практики 1103 и 1104 гг., равно и составленную тогда же кадастровую опись села Радоливо. Здесь имена с основой *-добр-* представляют порядка десятка вариантов: Доброта (Δοβρωτᾶς – Δοβротᾶς) [38. № 51.38, 40, 42, 48] (см. также [38. № 53.156, 296, 298, 339, 454, 456, 512]), Добран (Δομπράνος) [38. № 51.58] (см. также [39. № 53.444, 475]), Добрана (Δομπράνα) [38. № 51.50, 51, 52; № 52.215, 234, 589], Добрила (Δοβρίλας) [38. № 52.216, 218], Добраши (Δοβράσης – Δοβράσις) [38. № 51.59] (см. также [38. № 53.189, 192, 294, 314, 322, 369, 370, 380, 470]), Добруша (Δοβροῦσα) [38. № 51.70] (см. также [38. № 53.161, 333, 387, 492]), а помимо них имена Добрина (Δοβρίνα) [38. № 53.6, 7, 122, 130, 269, 368, 403, 458, 471, 486, 489, 494, 523], Добровиты (Δοβροβήτου) [38. № 48.5; № 51.112] и две – мужская и женская – формы имени Добрицы (Δωβριτζι <sic!> – Δοβρίτζα) [38. № 51.130; № 52.588, 589, 591–592]. Кроме них надлежит принять во внимание сведения акта первой половины XII в. об урегулировании имущественных прав на планину Радоливо между Ивирским и Святовоскресенским монастырями относительно хоритов (селян) из расположенных вокруг селений, которые носили имена Доброта (Δοβρωτᾶν) и Добрина (Δοβρίνα) [14. № 54.1, 17–18, 19–20, 28, 35]. К ним, разумеется, следует прибавить имя известного благодаря подписи под ивирским практиком 1152 г. Черни, сына Добромира (Τζέρμη τοῦ τοῦ Δοβρομίρου) [14. № 56.264]. Согласно же практику 1181 г., в проастии Хостиани (Хостианы) одного из поселенных там крестьян-зевгаратов (полнонадельных), видимо, звали Иоанн Добрила [36. № 65.71].

Более того, множество мужских и женских имен, родовых и семейных прозваний насельников Южной Македонии славянского и влашского происхождения, восходящих к понятиям «добрый» и «доброта», воспроизводят также поздневизантийские практики и другие документы, которые сохраняют в греческой транскрипции с минимальной адаптацией в двух вариантах присущую таким именам исконную самобытность [10. С. 48; 6. Р. 108]. Один из вариантов представляют имена с неассимилированной первой буквой «дельта»: Добр(ый) (Δόβρος – Δόμπρος) [14. № 64.21, 23; № 74.33; 15. № 86.328–329; 12. № 109.317–318] (см. также [16. № 74.95–96, 181–182]), Добра (Δόμπρα) [14. № 77.21], Доброта (Δοβρωτᾶς) [14. № 54.1, 17–18, 28, 35, 35–36], Добрика (Δόβρικας – Δόμπρικας) [36. № 109.903; 14. № 74.115, 153–154], Добрица (Δόβριτζας) [16. № 109.906], Добрина (Δοβρίνας) [16. № 54.19–20, 28], Доброн (Δοβρωνᾶς) [22. № 14.84 etc.; № 15.52 etc.; № 16.37 etc.] (см. также [23. № 14.97; № 15.61; № 16.43]), Добруша (Δομπρούσα) [14. № 74.159], а также Добрана (Δομπράνα – Δομπράννα) [17. № 77.55; 9. № 74.96; 15. № 87А.104] (ср. [15. № 87В.115], также см. [14.

№ 77.171; 13. Append. VIII.16]), Добромир (Δομπρόμιρος) [14. № 74.120] и Добромирия (Δομπρομῆρια) [30. № 40.65]). Другой ряд схожих имен составляют имена, в которых славянская буква «добро» ассимилирована в греческую букву «тау»: Добр(ый) (Γόμπρος) [14. № 74.161; № 77.162–163] (см. также [17. № 70.37, 47]), Добра (Γόμπρα) [14. № 77.39, 44, 70, 93, 137, 156–157], Добрен (Γόμπρενος) [45. № 77.105; 10. № 87А.224–225 = № 87В.250], Добрин (Γομπρηνός) [16. № 112.7], Добри (Γόμπρις) [39. Append.1] (ср. [39. № 20.55; № 26.23]), Добра-на (Γομπράνα – Γομπράινα) [16. № 91.III.104; 16. № 87А.141 = № 87В.155; № 87А.223 = № 87В.249], Добрика (Γόμπрикаς) [14. № 74.153; 17. № 70.63], Добрица (Γομπρίτζα) [22. № 8.64; 16. № 91.III.96; № 105.8–9, 17; № 109.776; № 112.7, 8; 40. № 30.7; 17. № 70.56, 58; 15. № 74.79, 93, 98; № 77.40, 55, 72, 88, 90, 113, 116, 126, 127, 139, 141; 15. № 87А.30; № 87А.95 = № 87В.105; № 87А.125 = № 87В.138; № 87А.152 = № 87В.152], Добрила (Γομπρίλας) [14. № 77.49–50, 77] (см. также [16. № 91.III.48]), Добрен (Γόμπρενος) [15. № 87А.224–225 = № 87В.250] и Добра-ена (Γόμπраина) [17. № 81.А.55; 13. № 165.15]. К ним примыкают имена, образованные сочетанием морфологической основы *-добр-* с другими значащими основами подобно именам Доброслав (Γομπρόσλαβος) [14. № 77.6, 25, 110] и Добромир (Γομπρόμοιρος – Γομπρόμιρος) [16. № 91.I.53; № 109.550] (ср. [16. № 91. III.7; № 109.514, 720]). Этот перечень, наверное, вполне оправданно дополнить также именем одной из дочерей какого-то жителя хориона Панака, расположенного в регионе Серр, – Зобрица (Ζομπρίτζα) [41. № 35.43–44]. Несмотря на явно отличную, весьма вероятно испорченную составителем документа, транскрипцию, в имени молодой женщины с легкостью угадывается имянаречение «Добрица». Кроме того, патроним «Добромир» в имени «папы» Яни (Iani Dobromiro) встречается, как показывает один из документов 1414 г., происходящий из венецианских владений, даже на Крите [20.П.А. № 15.2. Р. 368].

Указанные антропонимы, конечно же, неизвестны зарубежным специалистам, которых, как, например, Ф. Брюне, в первую очередь интересуют проблемы транскрипции и частоты использования имен собственных, хотя претворенные в них аспекты славянской культуры бывают не чужды и для приверженцев концепции «эллинизации» [11. Р. 246–247. № 43, 265; 4. Р. 389 etc.; 5. Р. 303] (см. также [13. Р. 112]). Вместе с тем перечисленные личные имена хотелось бы рассмотреть с позиций этически обусловленных категорий «добро» и «зло», которые изначально составляют первооснову среди прочих достоинств и способов оценки человеческого состояния и поведения [42. С. 130–133 и др.; 43. С. 5, 9 и др.]. Ведь в любой культурной среде противоположность категорий «добро» и «зло» становится главным ценностным ориентиром для языкового отображения всех остальных общественных и этических идеалов (см. [44. С. 40, 145 и др.]). Для средневекового человека «добро» олицетворяло и путь к спасению, и социальную категорию, всесторонне опосредовавшую взаимоотношения с другими людьми. Понятие «добро» в старославянском языке воплотил подлинный социокультурный концепт. Он зиждился на многогранной структуре многочисленных производных, образованных от морфологической основы *добр-*, которые раскрывали глубинную ментальность средневекового человека (см. [45. С. 183 и др.; 43. С. 146 и др.]).

В этом свете славянские имена собственные с основой *-добр-* безусловно предстают в качестве непосредственного отображения социокультурной тенденции, оставившей неизгладимый отпечаток на групповой психологии византийского крестьянства. Подчеркивая этот аспект антропониимики, важно указать на преемственность имянаречения крестьян в каждой отдельной семье или каждом отдельном селении. Это подтверждают данные ивирских актов о параках хориона Радоливо, которые носили имена, образованные от основы *-добр-*. Так, в отрывке податного реестра рубежа XI–XII вв. и в практике 1103 г. среди селян Радоливо зарегист-

рированы Доброта (Δοβρωτᾶς) [38. № 51.38, 40, 42, 48], Добран (Δομπράνος) [38. № 51.58], Добрана (Δομπράνα) [38. № 48.17; № 51.50, 51, 52], Добраши (Δοβράσης) [38. № 51.59], Добруша (Δοβροῦσα) [38. № 51.70]. Там же упоминается и имя Добровиты (Δοβροβήτου), зятя одного из селян [38. № 48.5; № 51.112]. А в числе лиц, удостоверявших своими подписями правильность сведений практика, фигурирует и «знак» Нестора Добрицы (Δοβριτζι) [38. № 51.130]. В свою очередь, составленная примерно тогда же кадастровая опись в перечне зарегистрированных в Радоливо крестьянских хозяйств помимо указанных имен селян неоднократно отмечает в качестве соседа также Добрина (Δοβρίνα), которого возможно идентифицировать с владельцем виноградника Иоанном Добрином [38. № 53.523] (ср. [38. № 53.523. 6, 7, 122, 130, 269, 368, 403, 458 etc.]). А ивирские практики XIV в. часто отмечают, что крестьяне, проживавшие в хороне Радоливо, носили имена Добр(ый) (Τόμπρος) [14. № 74.161], Добрика (Δόβρικας – Τόμπρικας) [14. № 74.115, 153], Добрица (Τομπρίτζα) [14. № 74.79, 93, 98; № 87A.95 = № 87B.105; № 87A.125 = № 87B.138; № 87A.152 = № 87B.166], Добрана (Τομπράνα – Τομπράννα) [14. № 87A.141 = № 87B.155]. Наиболее ярким примером, без сомнения, следует считать сочетание двух лексических форм обозначения «доброты» в имени жителя хорона Аварникия Добрина Доброты (Δοβρίνα <sic> Δοβρωτᾶ) [14. № 54.28]. Вместе с тем самое чрезвычайное многообразие вариантов личных имен, закреплявших в своем составе выражение чувства доброты, лишь подтверждает их высокий коммуникативный потенциал, раскрывавшийся в непосредственном общении жителей села.

Византийская ономастика и антропонимика сельского населения Южной Македонии должна служить предметом разностороннего изучения. В освещении процессов «эллинизации» особую актуальность имеют не только очевидные вехи распространения в среде славянских насельников, осевших в византийских пределах, доминантной социальной культуры, но и самобытные черты славянского культурного наследия. Оно не сводится к способам транскрипции личных имен, а охватывает глубинные пласты духовной культуры. Сами же по себе данные антропонимики выражают весьма противоречивую картину общественных отношений в условиях непосредственного взаимодействия двух культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вин Ю.Я. К вопросу об этнодемографической структуре сельской общины в Южной Македонии: проблема большесемейной общины по материалам грекоязычных актов поздневизантийского времени // Демографические процессы на Балканах в Средние века. Калинин, 1984.
2. Anthroponymie et societe villageoise (X-e–XIV-e siècles). Seminaire de J. Lefort // Hommes et richesses dans l' Empire Byzantine. Paris, 1991. Vol. II.
3. Lefort J. Toponymie et anthroponymie: le contact entre Grecs et Slaves en Macédoine // Société rural et histoire du paysage à Byzance. Paris, 2006 (=Castrum. 1992. № 4).
4. Kravari V. L' Hellénisation des Slaves de Macédoine Orientale, au temoignage des anthroponymes // Mélanges offert à Hélène Ahrweiler. Paris, 1998.
5. Kravari V. Le prenome des paysans en Macédoine Orientale (X-e–XIV-e siècle) // Le Villages dans l' Empire byzantine (IV-e–XV-e siècle). Paris, 2005.
6. Đoković Z. Stanovništvo Istočne Makedonije u prvoj polovini XIV veka // Зборник радова Византолошког института (ЗРВИ). Београд, 2003. Књ. 40.
7. Боковић З. Прочавање словенске антропонијске грађе у практицима XII–XIII века // ЗРВИ. 2006. Књ. 43.
8. Целебић Д. Словенски антропоними у судским актима Димитрија Хоматина // ЗРВИ. 2006. Књ. 43.
9. Шукуров Р.М. Византийские тюрки: К вопросу об этническом составе Византийской империи в эпоху Палеологов // Византийский временник (ВВ). М., 2009. Т. 68 (93).
10. Острогорски Г. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965.
11. Brunet F. Sur l' hellénisation des toponymes slaves en Macédoine byzantine // Travaux et mémoires. Paris, 1985. Vol. IX.
12. Laiou A.E. Peasant Names in Fourteenth-Century Makedonia // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1975. Vol. 1.

13. *Laiou A.E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton; New Jersey, 1977.
14. Actes d' Iviron. Texte. Paris, 1994. Vol. III.
15. Actes d' Iviron. Texte. Paris, 1995. Vol. IV.
16. Actes de Lavra. Texte. Paris, 1977. Vol. II.
17. Actes de Vatopédi. Texte. Paris, 2006. Vol. II.
18. Акты Русского на Святом Афоне монастыря Св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873.
19. Actes de Chilandar. Deuxième Partie: Actes Slaves // ВВ. 1915. Т. XIX. Приложение I.
20. *Gasparis Ch.* Land and Peasants in medieval Crete 13th – 14th. Athens, 1997.
21. L' économie médiévale. Paris, 2004.
22. Actes d'Esphigménou. Texte. Paris, 1973.
23. *Dujčev I.* Slavica dans les Acta Aethoa. I // Byzantinobulgarica. Sofia, 1978. Vol. V.
24. *Сендерович С. Я.* К истории восточнославянского имени Владимир // Славяноведение. 2007. № 2.
25. *Мирчев К.* Историческая грамматика на българския език. София, 1978.
26. *Georgacas D.J.* A Graeco-Slavic controversial Problem reexamined: the -ιτσ- suffixes in Byzantine, Medieval and Modern Greek, their Origin and ethnological Implications. Athens, 1982.
27. Граматика на старобългарския език. София, 1991.
28. *Вайганд Г.* Българските собствени имена: Происход и значения. София, 1926.
29. *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
30. Actes de Chilandar. Texte. Paris, 1998. Vol. I.
31. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985.
32. Actes de Xénophon. Texte. Paris, 1986.
33. *Соловьев А.* Кончански практик // ЗРВИ. 1955. Кн. 3.
34. *Анастасијевић Д.Н.* Српски архив Лавре Атонске // Споменик Српске Краљевске академие. Београд, 1922.
35. *Соловьев А.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926.
36. Actes de Lavra. Texte. Paris, 1970. Vol. I.
37. Actes d' Iviron. Texte. Paris, 1985. Vol. I.
38. Actes d' Iviron. Texte. Paris, 1990. Vol. II.
39. Actes de Pantocrator. Texte. Paris, 1991.
40. Actes de Vatopédi. Texte. Paris, 2001. Vol. I.
41. Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955.
42. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
43. *Вендина Т.И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
44. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
45. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

© 2011 г. В.Б. КОЛОСОВА

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ V. АКОНИТ

В статье рассматриваются славянские диалектные названия растений рода аконит. Особое внимание уделяется признакам растений – цвету, форме цветков, листьям и корням, месту произрастания, вкусу, ядовитости, которые легли в основу фитонимов, поверий о данных растениях, отразившихся в этимологических легендах, а также повлияли на использование аконитов в народной медицине и магии.

The article considers Slavonic dialectal phytonyms for the plants of aconite genus. Close attention is paid to such features of the plants, as their colour, shape of flowers, leaves and roots, place of growing, taste, poisonousness, which underlay the phytonyms, popular beliefs, reflected in etiological legends, and influenced the use of aconites in folk medicine and folk magic.

Ключевые слова: этноботаника, фитонимика, фольклор, народная медицина, народная магия, аконит.

Аконит *Aconitum* (сем. лютиковых) – род многолетних травянистых ядовитых растений с прямыми стеблями, чередующимися дланевидными листьями и цветками белого, желтого, синего или фиолетового цвета, собранными в верхушечную кисть. Цветет со второй половины мая до конца лета. Обладает приятным бальзамическим запахом и горьким вкусом. Растет на влажных местах вдоль берегов рек, по обочинам дорог, на горных лугах. В народных названиях аконита отразились различные его признаки, как реальные, так и приписываемые.

Поскольку цветы разных видов аконита имеют разную окраску, то в народных фитонимах встречаются различные цветообозначения:

1) белый: в.-луж. *běle holbiki* ‘аконит *Aconitum*’, *běle stupnički* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus orientale*’ [1. S. 41];

2) желтый: *борец женский* (с желтыми цветками) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich’ [2. С. 6], србх. *отровни жуцац* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb’ [3. С. 9], чеш. *kačenky* (средне- и восточноморавские говоры) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [4. S. 126];

3) синий, голубой: *борец синий* (Сиб.), *синеглазка* (Вят.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’, *лютик голубой* (б.м.) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus*’ [2. С. 6, 7], *синий волхунок* (Тарск. Тобол.) ‘аконит вьющийся *Aconitum volubile*’ [5. Т. 5. С. 78], серб. *nalěp modri*, пол. *kapturki niebieskie*² [2. С. 7], в.-луж. *módre stupnički* [6. S. 138], *módre črijki* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [7. S. 91]. По сходству цвета (и формы) цветков борец высокий *Aconitum excelsum* Rchb. получил названия *лютин*, *полевой лютин*: «Это люпин. Полевой люпин. Это

Колосова Валерия Борисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

¹ Чеш. *kačka* ‘чешская корона’; название образовано по золотистому цвету цветка.

² Пол. *niebieski* ‘голубой, светло-синий’.

фиолетовый, а есть темно-синий» (Том. Том.) [8. Т. 1. С. 37]. С учетом этимологических данных [9. Т. 6. С. 217–218] сюда же можно отнести и западнославянские названия, буквально означающие ‘голубки’ и родственные слову *голубой*: чеш. *holúbky*, пол. *golałbki* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia*’ [10. S. 47], пол. *golałbki*, луж. *holbiki* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7], в.-луж. *holbiki*, *nahe holbiki* ‘аконит *Aconitum*’ [1. S. 82].

Названия, отражающие форму цветков аконита, по большей части принадлежат к двум большим группам – образованные от названий обуви и головных уборов:

1) названия обуви встречаются уже в описаниях цветов аконита: «борец высокий, знаешь, такой... туфельки серебряные» (Том. Том.); «У ней, как сапожечки, синенькие цветочки» (Мариин. Кемер.) [8. Т. 1. С. 37–38]. В фитонимах используются многочисленные лексемы из лексико-семантической группы «обувь»: *сапожки* ‘аконит высокий *Aconitum excelsum* Rchb.’ (Петрозав. Олон.) [5. Т. 36. С. 127], *баשמачок* (Мариин. Кемер.), *кукушкины башмачки* (Ср. Приоб.), *пастуший башмачок* (Чаин. Том.) ‘борец вьющийся *Aconitum volubile* Pall.’ [8. Т. 1. С. 37], бел. *боцікі* (Минск.) ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [11. Т. II. С. 199], укр. *čerevyčky*, *zozuliny čerevyčky* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 5, 6], словен. *pantofeljček*, *čeveljček*, *šolnički Marijini* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. S. 208, 280], чеш. *pančušky*³ ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [10. S. 47], чеш. *bačkory*⁴ (чешские говоры) ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’, чеш. *střevičky* ‘аконит *Aconitum*’ [4. S. 103, 224], пол. *kapturki niebieskie* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7], кашуб. *pański bot* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ (Parchowo) [14. Т. 4. S. 21], в.-луж. *stupnički*⁵, *módre črijki*, *črijkički*, *módre stupnički*, *běle stupnički* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’, *swjateje Mařcynie črijkički*, *stupnički*, *črijki*, *črijkički*, *swjateje Marijnye črijkički* ‘аконит *Aconitum*’ [6. S. 138, 140; 1. S. 20, 41, 77; 15. S. 98; 7. S. 91]. Один из словенских фитонимов «разворачивается» в этиологическую легенду: «Когда евреи мучили Иисуса, Мария его защищала. Они ее прогнали, и ей пришлось бежать. По дороге она потеряла туфельки. Там, где их она потеряла, вырос красивый синий цветок, который называется *Marijini šolnički*» [13. S. 247];

2) не менее разнообразны лексемы из лексико-семантической группы «головные уборы»: *куколь* ‘аконит белый *Aconitum album*’, *колпачки* (Даур.) ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 6, 7], болг. *шлемче* ‘аконит *Aconitum* L.’ [16. С. 88], србх. *клобучик*, *клобучић*⁶ ‘аконит *Aconitum* L.’, *клобучић*, *модри клобучић*, словен. *železni klobuk*, *žleni klobuk* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* (L.) Murb.’ [3. С. 8], пол. *kapturki niebieskie*⁷ ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7], в.-луж. *капиčki*, *khapički* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [15. S. 98], в.-луж. *klobuki* ‘аконит *Aconitum*’ [1. S. 81]. К этой же группе отнесем чеш. *mnišek dobrý* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’, чеш. *zly mnišek*, пол. *mnişzek*, *zlymnişzek* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 6, 7], образованные переносом ‘головной убор’ – ‘человек, носящий головной убор’.

По данным Этимологического словаря украинского языка [17. Т. 1. С. 230], именно «сходством цветка аконита со шлемом» обусловлен перенос названия укр. *борець* ‘воин’ на укр. *borec*, *borec* ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 5], ср. также *борец* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’, *борец* (Сиб.), *борець* (Малор.), *борзец* (Влад.) ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 6, 7], *борец* (Шег. Том.) ‘борец вьющийся *Aconitum volubile* Pall.’ [8. Т. 1. С. 37–38]. К этой же группе относятся бел. *барэц* [18. Т. 1. С. 319, 322], *барунка* (местн.)

³ Букв. ‘тапочки, туфельки’.

⁴ Чеш. *bačkory* ‘домашние туфли’.

⁵ В.-луж. *stupjeń* ‘ботинок’.

⁶ Србх. *клобук* ‘шляпа, клобук’.

⁷ Пол. *kaptur*, *kapturek* ‘капюшон; капор’.

‘аконит *Aconitum*’ [19. С. 139] и *барчак* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [11. С. 199].

В. Махек относит на счет формы цветов аконита также и чеш. *šalomúnek*, *šalamúnek*, *šalamounek* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus*’: «Возможно, находится в связи с выразительной капюшоновидной (шлемообразной) формой одного из лепестков. Словац. официальное название теперь *prilbica* (букв. ‘шлемик’). Родственный вид имел, в частности, также название *corona salomonis*, однако каким путем и почему имя Соломона получил аконит, сказать пока нельзя. Можно лишь предположить, например, так: аронник в старые времена назывался также *herba salomonis* (из-за смешения еврейских первосвященнических имен либо рядом с *barba aronis*) – поскольку оба растения ядовиты, это имя могло перенестись с рода *Arum* на *Aconitum*» [10. С. 46–47].

Названия, буквально означающие ‘голубки’, скорее всего, обусловлены не только цветом, о чем уже говорилось выше, но и формой цветов аконита: в.-луж. *holbiki*, *běle holbiki*, *nahe holbiki* [1. С. 41, 82], *holbiki* [15. С. 98], чеш. *holúbky*, пол. *golałki* [10. С. 47]⁸. В пользу этого говорят и другие фитонимы, образованные от названий птиц: чеш. *kohoutky*⁹ ‘аконит *Aconitum*; аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [4. С. 131, 224]; *вороний глаз* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’ [2. С. 6], *воронья торпа* ‘аконит северный *Aconitum septentrionale*’ (Петрозав. Олон.) [20. С. 12], укр. *vorone oko* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* DC.’ [12. С. 5], словен. *vrajnica* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. С. 280].

Прочие фитонимы, обусловленные формой, связаны с образами лошадей и упряжки. Хотя фитоним *венерина колесница* ‘аконит *Aconitum* L.’, приведенный у Даля [21. Т. 1. С. 177], Н.И. Анненков считает ошибочным [2. С. 6], он входит в ряд семантически близких названий аконита. Так, чеш. *kočárky* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ З. Гладка считает обусловленным формой «толстенького цветочка со шпорой, который может напоминать карету»¹⁰ [4. С. 130]. Это тем более вероятно, что чеш. *koníčky* ‘аконит *Aconitum*’, как и нем. *Pferdlein*, *Rössel* с немецкого пограничья обусловлены детской игрой с изготовлением лошадок из цветов [10. С. 47]. К этой же группе можно отнести укр. *konyki* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [12. С. 5] и словен. *kolesnik* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. С. 246], а возможно, и (искаженное?) укр. *korniky* ‘аконит *Aconitum* L.’ [12. С. 5].

По характерной форме резных листьев аконит северный *Aconitum excelsum* Reich. получил название *семилатовка* (Олон.) [2. С. 7]. Эта же форма обусловила появление этиологической легенды: «В Никольске Волог. губ. говорят, что название этого растения основано на форме листьев с разрезными долями, будто истыканного или изорванного копьем, которым жиды кололи Христа, спрятавшегося под листьями этого растения. В деревне Куловой Тотемского уезда находят истыканными не листья, а корень (Потан.). Названия “прикрыт”, “укрыт” тоже, может быть, произошли вследствие связи с этим рассказом» [2. С. 7]. То же поверье было известно и в Пермской губ., как и фитонимы *христов прикрыт*, *хриstopокрой*, *прикрыт*, *хранитель*, причем «для врачебного употребления берут его только истыканный, гладкий же считается смертным» [2. С. 387]. Однако схожие фитонимы распространены гораздо шире, чем зафиксированные варианты легенды: *христов укрой* (Шенк. Арх.) ‘аконит *Aconitum* L.’, *пригрид*, *прикрыт* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’, *прикрыт* (Сиб.), *большой прикрыт* (Даур.), *укрет* (Арх.), *укрыт*, *хранитель*, *укроп христов* (Волог.), *хриstopродавка* (Никол. Волог.), *христово копье* (Тотем. Волог.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’, *при-*

⁸ Отметим, что Махек считает чеш. *holúbky*, пол. *golałki* калькой с нем. *Tauben*, *Täubel* [10. С. 47].

⁹ Чеш. *kohout* ‘петух’.

¹⁰ Чеш. *kočár* ‘экипаж, детская коляска, карета’.

крыт (Даль), *переград* (б.м.), *преграда* (Вят.), *приград* (б.м.) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 6, 7], *кровельник* (Перм.) ‘аконит высокий *Aconitum excelsum* Rchb.’ [2. С. 387], *прикрыт* ‘аконит *Aconitum* L.’ (Ачин. Енис., Свердлов.), *прикрыт-трава* (Зайков. Свердлов., Курск.) ‘аконит волчий *Aconitum lycoctonum* L.’ [5. Т. 31. С. 264], укр. *pryhrad* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 6]. Существует и более прозаическое объяснение фитонима: «Травица-то эта растет на покосе в дальнем бору, эвон где сокрывается, значит от того и прикрыт-трава» (Зайков. Свердлов.) [5. Т. 31. С. 264]. С формой листьев связываются укр. *labuŝtan*, *labaŝuj*, *toja labaŝuj*, *toja labuŝtan* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’, *labaŝuj* ‘аконит метельчатый *Aconitum paniculatum* Lam.’, *labuŝtan* ‘аконит Штёрка *Aconitum stoeckeanum* Rchb.’ [12. S. 5, 6], «очевидно, связанное с *лаба* ‘лапа’» [17. Т. 3. С. 174].

По форме корня, напоминающего сердце, борец выющийся *Aconitum volubile* Pall. получил название *сердцевая трава* (Кузнец. Том.) [5. Т. 37. С. 195]. Целая группа названий отражает «простреленный» корень аконита: *пострел лесной* (Даль), *прострел лесной* (Черн., Курск.), *прострельная трава* (Моск.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’, *прострел* (Вят.), *пострельная трава*, *пострел* (Даль) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7], *дыроватый корень* (Тобол. Тобол.), *боровый пострел* (Сольвыч. Волог., Волог.) ‘аконит *Aconitum* L.’ [5. Т. 14. С. 322; 5. Т. 30. С. 237], *прострельная трава* (б.м.), *расстрел* (Симб.) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [5. Т. 32. С. 254; Т. 34. С. 231], укр. *prostril lisnyj*, *prostril lisovyj* ‘аконит волчий *Aconitum lycoctonum* L.’ [12. S. 5], ср.: «О происхождении названия Прострел-трава есть следующая легенда: Когда Сатана был еще светлым ангелом и в гордыне своей восстал на Творца, то Михаил Архангел согнал его с неба высокого на сыру землю. Сатана с своими ангелами за Прострел-траву спрятался, а Михаил Архангел кинул в него громовую стрелу. Прострелила стрела ту траву сверху до низу, от того прострела разбежались все демоны» [2. С. 6].

Очевидно, по месту произрастания образованы названия *речная трава* ‘борец шерстистоусый *Aconitum lasiostomum* Reich.’ (Том.) [5. Т. 35. С. 83], *лапушник болотный* (Пск.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 7].

Горький вкус аконита отражен в фитонимах болг. *жльчка*, *зльчка*¹¹ ‘аконит Штёрка *Aconitum sammarum* Jacq.’ [16. С. 88], хорв. *vučji čemer*¹² ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [22. S. 450], словен. *čmerunka* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’ [3. С. 8], а также, вероятно, словен. *ilka*, *ilika* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. S. 208; 23. Knj. 1. S. 209–210].

Аконит содержит один из сильнейших растительных ядов – аконитин. Отсюда его диалектные фитонимы: укр. *jadovyte zilla* ‘аконит волчий *Aconitum lycoctonum* L.’ [12. S. 5], болг. *ядиче* ‘аконит *Aconitum* L.’; аконит Штёрка *Aconitum sammarum* Jacq.; аконит *Aconitum ranunculaefolium* Rchb.’ [16. С. 88, 89], србх. *jaduĥ*, *jeduĥ*, *jedич* ‘аконит *Aconitum* L.’, србх. *jaduĥ*, словен. *jedič* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’, србх. *jeduĥ*, *jedич* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* (L.) Murb.’, србх. *jeduĥ* ‘аконит Штёрка *Aconitum Stoeckeanum* Rchb., аконит пестрый *Aconitum variegatum* L.’, србх. *отровни жутац* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 8, 9], словац. *jedhoj* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’ [2. С. 6], в.-луж. *yedwate zěl’o* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus*’ [7. S. 91]; предположительно к этой же группе относятся србх. *preobjed*, *preobjeda*, *preobjedna* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus*’, словен. *rmeni preobjed* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 8–9]. словен. *preobjeda*, *prava preobjeda* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. S. 208, 246].

¹¹ Болг. *жльчка* ‘желчный пузырь’; ‘желчь’; диал. ‘название различных растений горького вкуса’.

¹² Србх. *чeмep* ‘желчь, горечь; яд’.

Ядовитостью аконита мотивированы его метафорические названия *мухомор* ‘борец степной *Aconitum barbatum* Patr.’ (Чебул. Кемер.) [8. Т. 1. С. 38], укр. *čorne zille, čornotoja* ‘аконит *Aconitum L.*’, *čorne zilla, čornotoja* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [12. С. 5], пол. *piekielne ziele*¹³ ‘аконит *Aconitum L.*’ [2. С. 6], *лютик голубой* (б.м.), *лютик* (б.м.) ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [2. С. 7], укр. *lutyk* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [12. С. 5], србх. *љутић* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’, *љутик, љутић* ‘борец противоядный *Aconitum anthora L.*’ [3. С. 8]¹⁴. Ядовитыми свойствами растения, возможно, объясняется укр. *bojuša* ‘аконит волчий *Aconitum lycostonum L.*’ [12. С. 5, 6; 17. Т. 1. С. 241], а также словен. *mušjek* ‘борец противоядный *Aconitum anthora L.*’ (и, вероятно, *ušjak* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’) [13. С. 208, 280]¹⁵.

Представляет интерес словац. *kolovratec* ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 7]. Махек отмечает чеш. *kolovratec* ‘молочай Эзуля *Euphorbia esula L.*’, *kolovrátek, kolovratec* ‘молочай-солнцегляд *Euphorbia helioscopia*’ [10. С. 139]; возможно, здесь имел место перенос названия, поскольку оба растения ядовиты.

Ядовитое растение, как считалось, могло противостоять другим ядам; при этом разные виды аконита могли противопоставляться друг другу по воздействию на человека: «Jedhoj (*Aconitum anthora*) каждый яд побеждает, особенно яд *šalomunka* (*Aconitum napellus*). Помогает и против всякого ядовитого укуса, особенно от змеи»; «Jedhoj называют поляки *mnišek dobrý*, так как он изгоняет яд *šalomunka*, который они называют *mnišek zlý*» [10. С. 47].

С учетом этимологических данных можно считать мотивированными ядовитостью аконита еще две группы его названий. Одна из них, возможно, родственна ст.-чеш. *nálep* ‘ядовитый состав для намазывания стрел и копий; яд’ и восходит к глаголу *lěpiti* [10. С. 46]. В эту группу входят серб. *налип*, хорв. *naljep* ‘аконит *Aconitum L.*’, серб. *naljep modri* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [2. С. 6, 7], србх. *налеп, налип* ‘борец противоядный *Aconitum anthora L.*’, *модри налеп, налеп, налијен (?)*, *налијен, налип* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus (L.) Murb.*’ [3. С. 8], словен. *nalep, nalip* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus (L.) Murb.*’ [13. С. 280], чеш. *nálep* [10. С. 46]¹⁶.

Вторая группа имеет более широкое распространение, включая также восточнославянские фитонимы: *оник* (Сиб.), *омег* (б.м.), словац. *отух* ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’, *омег* (б.м.), пол. *omieg*, чеш. *womej*, словац. *omega, womej* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [2. С. 7], укр. *om’ak* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [12. С. 6], србх. *omig*, ст.-чеш. *omih*, ст.-словац. *omich, omej* ‘аконит волчий *Aconitum lycostonum L.*’, чеш. *voměj, oměj* ‘аконит *Aconitum L.*’, пол. *omieg, omieg, omiek, omiag* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus L.*’ [9. Т. 28. С. 58], србх. *омик* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia Rchb.*’, словен. *omej* ‘аконит *Aconitum L.*’, *omej, omej lisjak* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus (L.) Murb.*’ [3. С. 8, 9], чеш. *oměj*, ст.-чеш. *voměj*, словац. *omich, omeda* ‘аконит *Aconitum L.*’, ст.-пол. *omieg, omieg* ‘аконит волчий *Aconitum lycostonum*’¹⁷ [10. С. 45–46], чеш. *omih, oměj, voměj*, пол. *omieg* [25. Т. 1. С. 649]. В. Махек, ссы-

¹³ Букв. ‘адская трава’.

¹⁴ Следует заметить, что в сербскохорватском, болгарском и македонском языках названия, производные от корня **l’ить*, означают растения, чей вкус отличается горечью или резкостью: лук, щавель, перец; водку и блюда, приготовляемые с добавлением лука, острого перца, уксуса и пряностей; острый, терпкий, кислый или горький вкус [9. Т. 15. С. 220–231]. В салонном языке цветов городской культуры аконит, известный также как *волчий корень* или *лютик*, означал мшеница [24. С. 44].

¹⁵ Словен. *mušjak* ‘мухомор, липучка’.

¹⁶ Есть также версия о происхождении слова *nalep* из видового латинского названия *napellus* [10. С. 46]. Родовое название *Aconitum* стало источником чеш. диал. *okonik, akonyt* [10. С. 47].

¹⁷ Однокоренные слова могут означать в разных славянских диалектах также безвременник *Colchicum*, болиголов пятнистый *Conium maculatum*, вех ядовитый *Cicuta virosa* [10. С. 45].

ляясь на ст.-пол. *omiqd* ‘яд, отрава’, связывает *omej* со ст.-чеш. глаголом *omiežditi* ‘отравить’, от *mězga* ‘древесный сок’ [10. S. 46; 26. S. 414]¹⁸.

В литературе, посвященной народной ботанике, встречаются упоминания о том, что аконит использовался как растительный яд: «В средние века его соком намазывали наконечники стрел и копий» [16. С. 88]; «Ядовитый корень этого растения употребляется для отравления волков» (Волог.) [5. Т. 5. С. 79]¹⁹. Действительно, среди народных названий аконита довольно большая группа является отзоонимными образованиями от корня *волк-*, встречающимися практически у всех славян. Это можно объяснить как ссылкой на реально существовавшие охотничьи практики, так и широко распространенной семантической моделью ‘волк’ → ‘ядовитое растение’: *волкобойник* (Могил., Тамб.), *волкогуб* (Даль), словац. *vlčí mléko* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’; *волкана* (Курск., Ворон.), *волкобой* (Черн.), *волхунога* (Вят.), пол. *wilko mord*, *wilczy mord*, чеш. *wlčímor*, словац. *wlčé mlieko*, *moteg wolču* ‘аконит высокий *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 6], *синий волхунок* ‘аконит вьющийся *Aconitum volubile*’ (Тарск. Тобол.), *волчий корень* (б.м.) ‘аконит *Aconitum* L.’ [5. Т. 5. С. 78, 79], бел. *ваўчабой* (местн.) ‘аконит *Aconitum* L.’ [19. С. 139], бел. *ваўкабойнік* (Могил.) ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’ [11. С. 199], укр. *vowče tило*, *vowčyj koryn’* ‘аконит волчий *Aconitum lycostonum* L.’, *vowčyj koreň* ‘*Aconitum napellus* L.’ [12. S. 5, 6], србх. *vучји чемер* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* (L.) Murb.’, *vучи корен* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 8, 9].

Менее активно представлены другие животные: бел. *мышабой* ‘аконит *Aconitum*’ (Вит. Вит.) [19. С. 139], *мышабой* ‘аконит волчий *Aconitum lycostonum* L.’ [11. С. 199], болг. *кучи мор* ‘аконит Штёрка *Aconitum cammarum* Jacq.’ [16. С. 88], словен. *pesja smrt*, *pesja smrt*, *pesje zelje*, *lisjak*, *lisičja smrt*, *omej lisjak* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [13. S. 208, 246, 280; 3. С. 8], словен. *pesja smrt* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 9], чеш. *psímor*, словац. *psímor* ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 7].

Аконит широко использовался в магических практиках: «Ета вот трава – прикрыт, по ей раньше гадали» (Свердл.) [5. Т. 31. С. 264]. Особенно мифологизирован был аконит у украинцев, которые выращивали его в огороде. Ему приписывалась способность охранять от укуса гадюки. В западной части Бойковщины распространено поверье, что убересть всех членов семьи и хозяйство от всякого лиха можно только в том случае, когда в огороде будет расти *одолян* (валериана), *троян* (аконит *Aconitum* L.) и *нетоя*, все три растения вместе. На Гуцульщине аконит называется *тоя*, на Бойковщине – *нетота*, *нетоя*, *ходачки*. Ему приписывали способность охранять от всякого зла: «Ой я ходжу, куди хочу, нічо си не бою, Бо я ношу за поесом зелененьку тою», – пелось в коломыйке. На Бойковщине легкий отвар *нетоты* давали пить на «дане», т.е. с целью наслать какую-нибудь болезнь [27. С. 34, 46, 67]. В украинских диалектах зафиксировано множество вариантов этого названия: *тоед* (б.м.), *тоя* (б.м.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 6, 7], укр. *čornotoja*, *netoja*, *toja* ‘аконит *Aconitum* L.’, *toja dribnohыsta* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* DC.’, *čornotoja*, *netoja*, *toja*, *toja ista*, *toja łabačyj*, *toja labuštan*, *toja zvučajna*, *tojad*’, *tuja* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’, *toja volotysta* ‘аконит метельчатый *Aconitum paniculatum* Lam.’, *toja*, *tojad*, *tojad*’ ‘аконит Штёрка *Aconitum Stoerkeanum* Rchb.’, *toja*, *toja krasa*, *toja sorokata* ‘аконит пестрый *Aconitum variegatum* L.’ [12. S. 5, 6]²⁰; ср. также пол. *tojeść* ‘аконит север-

¹⁸ Восточнославянские рефлексy прасл. **obměgъ* означают другие ядовитые растения: цикуту, болиголов и др. [9. Т. 28. С. 58].

¹⁹ Ср. также: «Корень служит отравою для волков, собак, кошек, мышей» при ‘*Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 7]. Остается неясным, располагал ли Н.И. Анненков сведениями о таком употреблении растения или сделал вывод на основании соответствующих фитонимов.

²⁰ Формы укр. *тоя*, *туя* и под. являются названиями и других растений [17. Т. 5. С. 612].

ный *Aconitum excelsum* Reich.’, пол. *tojad* ‘аконит *Aconitum* L.’ [2. С. 6, 7]. Вопрос об этимологии этой группы названий остается неясным; существует предположение, что это результат слияния слов *ne*, *to* и *ε*, обусловленного табуированием названия ядовитого растения, которому приписывались магические свойства [17. Т. 4. С. 80; 28. S. 361–362, 572–573].

Согласно западноукраинскому поверью, растение под названием *троян* может служить защитой от *витрениц* – женских мифологических персонажей, причаровывающих парней и крадущих детей [29. С. 345–346]. В Литинском уезде Подольской губ. записана легенда: «Однажды, в день Ивана Купалы, девки, собравшись по обыкновению на улице, начали свои игры. В это время пролетевший над ними черт закричал: “гоя, гоя, всяка дівка моя”; в числе этих девушек действительно была одна, которая украсила свою голову цветами “той”. В другой раз, та же самая девушка и в том же головном уборе вышла на прогулку в лес. Там встретился с нею черт в образе молодого и очень красивого парня и завел с нею любовный разговор, приговаривая беспрестанно: “скынь, дівка, тою, будеш моєю”. В порыве сердечных чувств девушка исполнила домогательство мнимого парня, и ею сейчас же овладел черт» [30. С. 80]. Схожая легенда, однако без трагической концовки, записана в Грубешовском уезде: черт в образе человека уговаривает девушку сбросить с себя головной убор с цветами терлыча и той; девушка дотянула до петухов и таким образом избежала страшной участи, поскольку черт исчез со словами: «Кедыб не терлыч, да не тоя, була б дівчина моя» [30. С. 80]. Поскольку терлыча и той боятся черти, то в Проскуровском уезде «эти растения освящают в церкви и кладут в колыбели маленьких детей». Также «отваром терлыча умываются девушки, чтобы выйти скорее замуж. Сколько девушка весной отыщет кустов терлыча, столько будет иметь женихов» [30. С. 80]. Отметим здесь, что под укр. *терлич* чаще всего имеется в виду горечавка *Gentiana* L., реже – другие растения: венерин башмачок, будра, кипрей и др. [17. Т. 5. С. 553]; однако зафиксировано также и укр. *terlyč* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 6]. Также магическими практиками обусловлены болг. *омаякъ* ‘аконит *Aconitum* L.’, *омаякъ*, *смаякъ* ‘аконит Штёрка *Aconitum sammarum* Jacq.’ [16. С. 88], *омajnik*, образованные от глагола *омая* ‘обворожить, очаровать’ [31. S. 25, 62].

Небольшая и представленная только в восточнославянских говорах группа *царь-зелье*, *царь-трава* (Нижег.), ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’, *царь зелье* (б.м.) ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7]; укр. *car-trava*, *car-zille* ‘аконит *Aconitum* L.’, *car-trava*, *car-zile*, *car-zilla* ‘аконит волчий *Aconitum lycocotnum* L.’, *car-trava*, *car-zile*, *car-zilla* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 5] также мотивируется способностью аконита бороться с нечистой силой: «Как громовые стрелы небесные гонят темных бесов в преисподнюю, так и царь трава могучею силою прогоняет далеко силу нечистую» [2. С. 290].

О применении аконита от большого числа болезней говорит уже название *сорoko-приточник*²¹ (Твер.) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’. Листья этого и некоторых других видов в Сибири употребляли «против сифилиса, водобоязни, падучей болезни и упорных кожных сыпей». Он также использовался «от шума в голове» (Волог.), от падучей болезни в виде чая (Твер.), от простуды – в виде настойки (Моск.), от помешательства – в виде декокта (Калуж.), от сыпей (Ворон.). О цели применения растения говорит фитоним *болиголов* (Екатеринослав.) ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7]. Украинская пословица говорит: «Як би не тоя та не одоляя, то би ходила хороба як пан» [33. С. 219].

²¹ Из внутренней формы большинства фитонимов, образованных от числительного *сорок*, следует, что травы эти использовались от большого количества болезней, а само слово *сорок* в таких названиях означает просто ‘много’. Подробнее о числовом коде в фитонимике см. [32. С. 124–141].

Борец шерстистоусый *Aconitum lycoctonum* Jacq. употреблялся при ломоте, простуде. Во Владимирской губ. аконит использовали «от утробы, водяной болезни, от паралича, от всякой нечистоты» [34. С. 63]. Настой аконита вьющегося *Aconitum volubile* пили «от родимца» (ломоты в ногах) (Тарск. Тобол.). Теплый настой аконита пили по три чайных чашки в день «от колотья в боках и в груди и от шума в голове» (Волог.) [5. Т. 5. С. 78, 79]. Как уже говорилось выше, по форме корня аконит получил название *сердцевая трава*; на основании этого сходства рекомендовалось лечиться этой травой от сердца (Кузнец. Том.) [5. Т. 37. С. 195]. В Сибири борец высокий *Aconitum excelsum* Rchb. используют для лечения болей в суставах (Бел. Кемер.) [8. Т. 1. С. 37]. Поскольку корни растения *Aconitum anthora* L. «употребл[яли] прежде противу глистов» [2. С. 6], можно предположить, что этим обусловлен фитоним *нутрец* ‘аконит *Aconitum* L.’ (Ачин. Енис.) [5. Т. 21. С. 320]; возможно, схожее использование вызвало и србх. *црвьивача*, *црвьивача* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 9], серб. *crľjivača* ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 7]²².

В болгарской народной медицине свежие листья и корни аконита, истолченные в кашу, употреблялись наружно для обкладывания против ревматизма, подагры, сифилиса, рака. Еще об одном применении говорят фитонимы болг. *трескавиче* ‘аконит *Aconitum* L.’, *тряска*, *трескавиче* ‘аконит Штёрка *Aconitum sammarum* Jacq.’ [16. С. 88]. Они образованы от корня *тряск-/треск-* (высокая температура, лихорадка) по использованию этих видов от лихорадочного состояния, воспалений, малярии и под. [31. S. 167]. Информативно также словен. *šijak* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [13. S. 208]²³.

Сведения о применении аконита в народной ветеринарии значительно беднее. В Пермской губ. отваром корня аконита северного *Aconitum excelsum* Reich. (= *Aconitum septentrionale*) мыли телят, чтобы избавить их от паразитов. Очевидно, именно этим обусловлено название *вишвое коренье* (Перм.) а также *вишвий корень* (Олон.) ‘аконит северный *Aconitum septentrionale* L.’ [2. С. 7, 387].

Как в случае с практически любым растением, целый ряд фитонимов, относящихся к акониту, неясен. Так, названия пол. *morzymord* ‘борец противоядный *Aconitum anthora* L.’, пол. *mordownyk* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 6, 7], *мордовник* ‘аконит волчий *Aconitum lycoctonum*’ [21. Т. 2. С. 346], бел. *мардоўнік* [18. Т. 1. С. 322], чеш. *mordovnik* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [10. S. 47] мотивационно трудно объяснимы. В данном случае можно предположить такое направление: от фитонимов, подобных чеш. *wlčimor*, *psimor*, словац. *psimor* ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ через пол. *wilko mord*, *wilczy mord* к фитонимам типа *мордовник*.

Не имеют надежной мотивации *бездарница* (Арх.) и *лобоза* (Арх.) (восходящее к прасл. **lobazь/lobozь*) ‘аконит северный *Aconitum excelsum* Reich.’ [2. С. 6, 7], как и *филичева трава* (Алт.) ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7], *филичева трава* (Мариин. Кемер.), *филичья трава* (Ср. Приоб.) ‘борец вьющийся *Aconitum volubile* Pall.’ [8. Т. 1. С. 37–38]. Не имеют убедительного объяснения укр. *bolasnyk* ‘аконит волчий *Aconitum lycoctonum* L.’, *kosatka*, *koška*, *postal* ‘аконит *Aconitum* L.’, *kosatka*, *koška*, *odkasnyk* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’ [12. S. 5, 6], болг. *сама китка* (повсем.) ‘аконит *Aconitum* L.’, *китчица*, *сама китка* (повсем.) ‘аконит Штёрка *Aconitum sammarum* Jacq.’, *градинската сама китка* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* L.’, *полска сама китка* ‘аконит *Aconitum ranunculaefolium* Rchb.’ [16. С. 88, 89], србх. *волина*, *драгољуб*, *крупши*, *куприс* ‘аконит клубочковый *Aconitum napellus* (L.) Murb.’, *мљечара* ‘аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 8, 9], хотя этимологически некоторые из них

²²Србх. *црв* ‘червь, червяк’.

²³Ср. словен. *šijak* ‘ревматизм’.

вполне прозрачны. Также неясно происхождение словен. *relje* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. С. 208], *riga* ‘аконит *Aconitum* L.; аконит клубучковый *Aconitum napellus* (L.) Murb.; аконит лисий *Aconitum vulparia* Rchb.’ [3. С. 8, 9], *riganje* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [13. С. 208]. Пол. *czarnobyl* ‘аконит клубучковый *Aconitum napellus* L.’ [2. С. 7] могло быть перенесено с пыли, однако мотивация пол. *bernardyn* остается неясной.

Итак, у всех групп славян в фитонимике отмечен цвет лепестков аконита и форма его цветков. При этом осмысление формы наиболее часто реализуется с помощью слов лексико-семантических групп «обувь» и «головные уборы», а последняя развивается в группу названий тех, кто носит эти головные уборы. Форма листьев аконита, по-видимому, отмечена лишь у восточных славян, причем у русских она породила целый ряд фитонимов и этимологических легенд, входящих в корпус «народной библии». Горький вкус аконита отражен лишь в южнославянской фитонимике. У всех славян отмечена ядовитость аконита, которая, очевидно, послужила причиной использования растения в магических практиках; однако в народной медицине аконит используется не так широко, как другие лекарственные растения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena w dwěmaj dźělomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedže. Budyšin, 1909.
2. *Анненков Н.* Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878.
3. *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена бильака. Српска академија наука. Посебна издања. 1959. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959.
4. *Hladka Z.* Přenesena rojmenovani rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.
5. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Т. 1–.
6. *Wjela J.* Naše rostlinske mjena z přimjenami // Časopis mačicy serbskeje. 1896. Lětnik IXL. Zešiwk 93–94.
7. *Nawka M.* Mjena rostlin w Swětlikowym słowniku // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. 1959. Rjad A. Č. 6.
8. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006–2008. Т. 1–3.
9. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.
10. *Machek V.* Česka a slovenska imena rostlin. Praha, 1954.
11. *Ганчарык М.М.* Беларускія назовы расьлін. Ч. 1 // Праца Навуковаго таварыства па вывученню Беларусі. Горы-Горкі, 1927. Т. II. Ч. 2; Горкі, 1927. Т. IV.
12. *Makowiecki S.* Słownik botaniczny łacińsko-maloruski. Krakow, 1936.
13. *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb, 1937. Knj. XXXI. Sv. 1.
14. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1967–1976. Т. 1–7.
15. *Militzer M., Schütze T.* Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Bautzen, 1952. Č. 1. I. dźělba. 1953. Č. 1. II. dźělba. Nimorjadny zešiwk.
16. *Ахтаров Б.* Материали за български ботаничен речник. София, 1939.
17. Этимологічний словник української мови. Київ, 1982–. Т. 1–.
18. Етымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
19. Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
20. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
21. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1991. Т. 1–4.
22. *Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
23. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1977–. Knj. 1–.
24. Тетрадь любви. Сочинение, необходимое для всякого, желающего иметь успех между прекрасным полом. СПб., 1836.
25. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. 1, 2; М.; Л., 1949. Т. 3.
26. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.
27. *Болтарович З.С.* Народне лікування українців Карпат кінця XIX – початку XX ст. Київ, 1980.
28. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

29. *Левкиевская Е.Е.* Комментарии // *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.
30. *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. СПб., 1872. Т. I. Вып. 1.
31. *Choliolčev Ch.* Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990.
32. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.
33. *Франко І.* Галицько-руські народні приповідки. Т. III. Вып. 1 // Етнографічний збірник. Київ, 1909. Т. XXVII.
34. *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

© 2011 г. М.Ю. ДОСТАЛЬ

О ВКЛАДЕ ПРОФЕССОРА ЛЮДМИЛЫ ПАВЛОВНЫ ЛАПТЕВОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ (к 85-летию юбилею)

В статье говорится о жизненном пути и научных заслугах профессора МГУ Л.П. Лаптевой в изучении проблем отечественного славяноведения: истории Чехии и Словакии (особенно гуситской эпохи и XIX в.), истории российского славяноведения, сорбистики, эмигрантологии и пр., о создании ею научной школы.

The article describes the life and academic merits of the Professor of the Moscow Lomonosov State University Lyudmila P. Lapteva, which she gained in the field of Slavonic Studies in Russia, namely history of the Czech Lands and Slovakia (especially the Husite epoch and the nineteenth century), history of Slavonic studies in Russia, Sorb studies, emigration studies and so forth. It also characterises her school in historical science.

Ключевые слова: история славяноведения, история Чехии и Словакии, гуситология, эмигрантология, история лужицких сербов, научная школа.

Людмила Павловна Лаптева – настоящий «матриарх» современного российского славяноведения, крупнейший историк-славист большого научного диапазона. Ее перу принадлежит более 650 важнейших научных трудов. Она является автором более двадцати монографий, учебных пособий, публикаций. Заслуженный профессор (с 2008 г.), она является одним из ветеранов кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ. Но дело не только в основополагающих курсах лекций, в которых она – единственный и редкий специалист! Талантливый педагог, она подготовила сотни дипломников, воспитала, точнее, выпестовала 25 кандидатов исторических наук. Многим из ее бывших учеников она продолжает помогать и восемь из них уже защитили докторские диссертации. Научные и педагогические заслуги Л.П. Лаптевой давно заслуживают звания академика, каковым она и является в глазах своих почитателей и последователей. И все же ее научно-педагогическая работа отмечена и в высоких научных инстанциях. В 2001 г. она удостоена престижной Ломоносовской премии университета второй степени за цикл работ по истории славяноведения России и Московского университета. В 2007 г. она избрана лауреатом представительной научной премии имени митрополита Макария первой степени.

Детство и юность выдающегося ученого не сулили ей блестящих побед в будущем. Л.П. Лаптева родилась 9 сентября 1926 г. в с. Осиновый Гай в далекой тамбовской глубинке в семье почтового служащего. Окончив среднюю школу, она, движимая жаждой знаний, в голод, холод и разруху войны, сумела поступить в 1943 г. на исторический факультет Тамбовского педагогического института. В 1944 г. она перевелась в МОПИ (ныне Московский областной педагогический

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

университет), где училась одновременно на историческом факультете и факультете физвоспитания, активно занимаясь альпинизмом и другими видами спорта. Они дали ей хорошую физическую закалку на всю жизнь. Годы успешной учебы пришлось на тяжелый период Великой Отечественной войны. Преодолевая голод, бытовые невзгоды общежития и жизни вне семьи, она закалила свой характер. В те годы патриотического подъема она впервые познакомилась и с историей славян, и с методикой исследований, почерпнув много полезного из курсов лекций и семинаров профессоров по истории западноевропейского и русского Средневековья и Нового времени Б.А. Рыбакова, П.А. Зайончковского, А.А. Самойло, Я.А. Левицкого, В.Ф. Семенова и др. Медиевисты определили и тему кандидатской диссертации начинающего ученого.

По завершении учебы Л.П. Лаптева работала в малаховской средней школе и одновременно проходила аспирантуру МОПИ под руководством профессора А.А. Самойло, которому до сих пор хранит глубокую благодарность. Первоначальную вузовскую закалку она получила в МОПИ, где преподавала на кафедре средних веков в 1951–1956 гг. В 1952 г. Л.П. Лаптева успешно защитила кандидатскую диссертацию «Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов во второй половине XVI – начале XVII в.», которая несомненно подтолкнула ее к изучению предшествовавшего гуситского движения и его отражения в русской гуситологии – одной из главных тем ее научного творчества.

С 1959 г. и по сей день научно-педагогическая жизнь Л.П. Лаптевой неизменно связана с престижным историческим факультетом Московского университета, где она работает на кафедре истории южных и западных славян. В 1973 г. она в острой полемике с блеском защитила в Институте славяноведения и балканистики АН СССР докторскую диссертацию «Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в. – 1917 г.)», позднее переработав ее в монографию. В 1975 г. ей присвоено звание профессора.

В масштабной научной деятельности Л.П. Лаптевой можно выделить несколько направлений. Об этом свидетельствует, прежде всего, библиография ее опубликованных трудов: 1) история Чехии и Словакии; 2) русская историография этой истории, в особенности гуситского движения; 3) история русского славяноведения; 4) история лужицких сербов; 5) русско-славянские научные и культурные связи (см. [1. С. 5]); 6) эмигрантология и др.

Первую из названных тем Л.П. Лаптева разрабатывала в основном в учебниках и учебных пособиях, по которым учится не одно поколение студентов МГУ. Это «История южных и западных славян» (М., 1969, 1979); «История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и Новое время» (М., 1998, 2008). Ее перу здесь принадлежат главы по истории Чехии данного периода, написанные емко и доходчиво, на базе в основном новейшей чешской литературы каждого из вопросов. То же можно сказать и об учебных пособиях «История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени (1648–1948)» (М., 1998), «Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период» (М., 1999) и др. Первоначальные знания по истории Чехии будущий специалист-богемист в настоящее время получает именно из учебных пособий Л.П. Лаптевой.

Большим прорывом в освещении в России проблем чешского и словацкого возрождения стали монографические статьи Л.П. Лаптевой о главных лидерах возрождения: «П.И. Шафарик в русской дореволюционной литературе» (1967), «Людовит Штур в русской литературе XIX и начале XX в.» (1969) и «Ян Коллар в русской дореволюционной литературе» (1970) [2–4 и др.]. Насыщенные богатым библиографическим материалом, они послужили путеводной звездой не одному поколению российских и зарубежных исследователей.

Но громкое имя в науке ученый получила своими исследованиями в области **истории русской гуситологии**. Результаты многолетнего труда были обобщены

в докторской диссертации и капитальной монографии ученого «Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.)» (М., 1978). Эта книга была новаторской во многих отношениях и пробивала многие бреши в марксистских окостенелых бастионах. Она показала, что русская гуситология в XIX в. была не замшелой «буржуазно-помещичьей» или «буржуазной» наукой, а живым, развивающимся по своим законам организмом, с попыткой построения своих оригинальных, пускай порой и ошибочных концепций, с бурной полемикой, непростыми жизненными судьбами ее адептов, сменой методологических парадигм в изменяющемся социокультурном контексте. Л.П. Лаптева придирчиво разобрала ошибки своих предшественников в интерпретации материала, пополнила старые и выделила новые направления в русской гуситологии (славянофильское, народническое, религиозно-критическое, позитивистское, этическое, даже зачатки марксистского и пр.). Она выделила в ней два основных периода: от 40-х до середины 70-х годов XIX в. и далее до 1917 г., положив в ее основу смену научных парадигм, постепенное преодоление господства ошибочной романтизированной славянофильской концепции в русской историографии (о православном характере гуситского движения). Большим достоинством книги является обоснование особенностей каждого направления, критическая характеристика трудов ее представителей и краткое изложение их научных биографий (на основании архивных данных). Параллельно читатель узнает и о решении узловых вопросов гуситологии русскими учеными в динамике их развития. Книга не потеряла своей актуальности до сих пор и внесла серьезный вклад в нашу славистическую историографию. Ей посвящено 11 рецензий. В дальнейшем Л.П. Лаптева всегда внимательно следила и продолжает следить за всеми изменениями в ведущей чехословацкой, чешской и европейской гуситологии. Именно благодаря ее усилиям российская историография гуситского движения в ее лице [5–8] и работах ее учеников впитывает ее новейшие достижения [9–11].

Л.П. Лаптева внесла свой вклад и в источниковедение гуситской эпохи, опубликовав на русском языке одну из хроник и проведя тщательный анализ характера документов эпохи [12–15 и др.].

В зрелый период научного творчества Л.П. Лаптева большое внимание стала уделять изучению **истории русского славяноведения**. После ряда статей о научном вкладе отдельных славистов, она начала масштабное исследование преподавания и научной жизни во всех российских университетах. Проба пера проявилась в коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (М., 1988), где ею написаны третья и четвертая главы о развитии славяноведения с начала 1860-х годов по 1917 г. Причем она впервые обобщила и проработала новый огромный материал, как об особенностях изучения истории, этнографии и культуры славян этого периода в плане историографии, так и об институциональном развитии славяноведения (в университетах, ОРЯС, Русском археологическом институте в Константинополе). В полемике с редакторами Л.П. Лаптевой с большим трудом не только удалось сохранить целостность своего уникального материала, но и отстоять свою концепцию об отсутствии кризиса в отечественном славяноведении в предоктябрьское двадцатилетие. Проявление кризиса во всех областях жизни общества и в науке перед революцией 1917 г. входило тогда в концепцию официальной советской историографии.

После длительной задержки вышла в свет монография Л.П. Лаптевой по истории славяноведения в Московском университете [16]. Здесь на основе архивных данных и литературы была тщательно проработана и дана в динамике научная и педагогическая деятельность О.М. Бодянского, А.Л. Дювернуа, Н.А. Попова, Р.Ф. Брандта, В.Н. Щепкина, П.А. Лаврова, М.И. Соколова, М.К. Любавского, Ю.В. Готье и др. Совершенно новая точка зрения представлена в главах об ис-

следовании зарубежных славян в рамках университетских научных обществ и об изучении вспомогательных исторических (славистических) дисциплин.

В 2005 г. вышел в свет первый том капитальной монографии Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке». В настоящее время автор завершает работу над вторым томом – до 1917 г. По размаху исследования и богатству материала эта книга сопоставима разве что с «Историей славянской филологии» И.В. Ягича, вышедшей в 1910 г. и ставшей классикой жанра в области истории мирового славяноведения. Л.П. Лаптева убедительно доказала, что «славяноведение в России в XIX в. является неотъемлемой частью русской науки, феноменом интеллектуальной жизни человеческого общества XIX в. и духовной культуры русского народа» [17. С. 830].

В этой знаменательной для истории отечественного славяноведения книге Л.П. Лаптева обобщила огромный и разнообразный архивный и печатный материал по развитию славяноведения в 1830–1850-е годы в Московском, Петербургском, Харьковском, Казанском университетах, начав с заграничных командировок первых университетских славистов О.М. Бодянского, П.И. Прейса, И.И. Срезневского и В.И. Григоровича, затем с 1860-х годов добавила еще Киевский, Варшавский, Новороссийский университеты. В каждом из университетов тщательно и последовательно анализируется научная и педагогическая деятельность славистов, возглавлявших славистические кафедры с упором на историческую проблематику. Далее она представляет четкую периодизацию университетского славяноведения, определяя особенности каждого его этапа. Так, определенным рубежом в смене научных парадигм она справедливо считает 1860-е годы. К этому времени славяноведение в России достигло определенных успехов, пройдя путь от систематизации первых сведений о славянах к формированию первых романтических (в том числе и славянофильской) концепций их развития. Со вступлением России в эпоху реформ изменились как задачи, приоритеты, так и методология славистических исследований. Все более утверждалась позитивистская методология, на основании которой славяноведение в России XIX в. в решении ряда проблем достигло выдающихся результатов мирового уровня. Л.П. Лаптева и сама давно тяготеет к позитивистской методологии.

Российские и зарубежные слависты с воодушевлением приняли исследование Л.П. Лаптевой. Для них оно стала настольной книгой. Ей посвящено уже 10 рецензий.

Еще одним важным и редким направлением исследований Л.П. Лаптевой является **сорабистика**. Предметом изучения выступает здесь самый маленький, почти ассимилированный немцами славянский этнос – лужицкие сербы, проживающие на территории современной Германии. В 1997 г. Л.П. Лаптева опубликовала монографию «Российская сорабистика XIX – начала XX века в очерках жизни и творчества ее представителей». На основе архивных и опубликованных материалов она впервые выявила и обобщила сведения о всестороннем изучении лужицких сербов русскими учеными, внося уточнения и в их биографии. Объектами изучения стали труды в этой области И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, П.И. Прейса, П.П. Дубровского, А.Ф. Гильфердинга, Л.В. Щербы и др. В результате впервые была создана представительная картина развития этой редкой отрасли славяноведения в России.

Существенным дополнением к названной теме и одновременно еще одним направлением исследований Л.П. Лаптевой **по истории русско-славянских связей** стала монография «Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года)» (М., 2000). Это уже второе исправленное и существенно дополненное издание книги (первое было в 1993 г.) Автор с привлечением большого фактического материала рассматривает связи лужицких ученых и общественно-культурных деятелей с Россией с момента их

зарождения в начале XIX в. Достоинством работы является детальный анализ русско-серболужицких контактов в социокультурном контексте эпохи. Автор отмечает, что связи осуществлялись не на государственном уровне, между деятелями умеренно-либерального и даже консервативного толка. Русские интеллектуалы сочувствовали борьбе лужицких сербов за сохранение национальной культуры и оказывали им немалую духовную и материальную помощь. Научные контакты немало способствовали развитию разных областей славяноведения в России. Книга Л.П. Лаптевой остается единственной в своем роде в нашем славяноведении, кладезем самых разнообразных сведений о серболужичанах. Этому способствует и обширный и скрупулезный справочный аппарат книги.

Другие направления русско-славянских связей детально рассматривались Л.П. Лаптевой в многочисленных статьях. Она анализировала переписку и связи с чехами русских славистов: А.Л. Дювернуа, И.С. Пальмова, И.И. Срезневского, Н.А. Попова, Н.В. Ястребова, В.И. Григоровича, О.М. Бодянского, А.А. Котляревского и др. В то же время она изучала связи с Россией и чешских и словацких деятелей науки и культуры – С. Ваянского, Я.Э. Пуркине, П.Й. Шафарика и др. (см. [1]). По этой детально разработанной Л.П. Лаптевой теме давно назрела обширная монография, которая существенно бы дополнила известную книгу В.А. Францева «Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия» (Варшава, 1902).

Кропотливая работа ученого в **архивах** увенчалась многими интересными находками и открытиями. Ей удалось впервые в отечественной историографии опубликовать материалы о деятельности Русского археологического института в Константинополе, о Славянской комиссии при Московском университете, о съезде славянских филологов в 1903 г. [18–21], осветить деятельность многих почти забытых ученых. Большую ценность представляют ее публикации сообщений Г.А. Шлейссингера о жизни Московии конца XVII в. и донесений австрийского посла о поездке в Москву в 1589 г. [22; 23].

Хотелось бы назвать еще одну тему, изучение которой составляет яркую краску в многообразной палитре ученого – это тема **подделок** «древнечешских» рукописей. Остросюжетные истории, связанные с разоблачением фальсификатов (Зеленогорской, Краледворской и других рукописей), считавшимися святынями древнечешской культуры, занимали много места в чешской и русской историографии конца XIX в. и позднее. Л.П. Лаптева посвятила этому сюжету несколько фундаментальных статей [24 и др.], а в последнее время обширный отдел в чрезвычайно занимательной книге «Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора». (М., 2002).

Л.П. Лаптева еще в 1960-е годы одной из первых познакомилась с научным творчеством крупного слависта-эмигранта В.А. Францева (1867–1942), разбирая его архив в Праге, а также лично – с авторитетным историком-эмигрантом А.В. Флоровским (1884–1968). (Ныне их переписка хранится в архиве Славянской библиотеки в Праге). Она впервые на основе архивных данных написала обстоятельные научно-биографические очерки о В.А. Францеве [25–28 и др.] и проанализировала его научные достижения, обстоятельства эмиграции, причем в очень уважительном, а не «разоблачительном» ключе, как это было принято тогда делать по отношению к эмигрантам. Позднее она написала обобщающую статью и о главных трудах А.В. Флоровского [29] (см. также [30. С. 146–162]) и др.

Следует отметить, что еще в 1980-е годы Л.П. Лаптева активно защищала положение о расцвете русского славяноведения накануне революции 1917 г. и, наоборот, о его застое после нее. Эти утверждения в корне противоречили концепции о всеобщем предреволюционном кризисе в России и положению о поступательном, прогрессивном развитии славяноведения в советский период. В то время еще не были известны факты массовых репрессий славистов в 1930-е годы и почти ниче-

го – о развитии славяноведения в эмиграции. Тогда считалось, что белоэмигранты не были способны вести полноценные научные исследования. Раннее знакомство с творчеством русских эмигрантов помогло Л.П. Лаптевой в устной форме отстаивать вывод об упадке советского славяноведения в межвоенный период. Она впервые написала об этом в статье «К вопросу об основных этапах в развитии отечественного славяноведения (1835–1985)», опубликованной в период «перестройки» в 1987 г. [31]. Ныне эта концепция о плачевном состоянии славяноведения в СССР в 1920–1930-е годы положена в основу монографических разработок современных историков науки в Институте славяноведения РАН Е.П. Аксеновой, М.А. Робинсона, А.Н. Горяинова, М.Ю. Досталь [32–35] и др.

Этим кратким обзором направления научной деятельности Л.П. Лаптевой далеко не исчерпываются, она не раз переводила труды немецких и чешских ученых, проявила себя еще и в германистике, рутенистике, болгаристике, полонистике и пр. (см. [1]).

Труды ученого получили широкое международное признание (около трети ее работ опубликовано в Чехии, Словакии, Венгрии, Болгарии, Польше, Германии, на Украине). Ее книги и даже статьи отмечались многочисленными рецензиями. Она ярко, иногда с эпатажем, но с неизменным успехом выступала на многих научных конференциях, съездах, симпозиумах (иногда до 10 в год) в России и за рубежом, в том числе и на таких крупных международных форумах, как международные съезды славистов в Киеве (1983), Кракове (1998), международном съезде византинистов в Санкт-Петербурге (1991), международной конференции о Я.А. Коменском в Гернгуте (1992), о П.И. Шафарике в Прешове (1995), о Л. Штуре в Мартине (1997), о Й. Добровском и Ф. Палацком в Праге (2003), по истории русской эмиграции в ЧСР в Праге (2008), о Грюнвальдской битве в Брянске (2010) и многих других. Она является активным членом Комиссии историков России и Словакии, выступая на ее заседаниях.

Кипучую научную жизнь Л.П. Лаптева успешно сочетает с преподавательской. За полвека преподавания на кафедре истории южных и западных славян она читала общие курсы истории зарубежных славян, истории Чехии средневекового периода и раннего нового времени и такие редкие, можно сказать эксклюзивные, как источниковедение истории западных славян, латинская палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины, многочисленные спецкурсы и пр., подготовив и проконсультировав не одно поколение богемистов и словакистов.

Те из ее учеников, кто остался в науке, работают в научных институтах или преподают в вузах, навсегда усвоили преподанную ею в своей юности методику и методологию научного исследования, продолжают изучать проложенные ею научные пути и направления. В области разработки проблем раннего средневековья это – д-р ист. наук М.Ю. Парамонова и канд. ист. наук А.М. Кузнецова, гуситологии – канд. ист. наук А.В. Рандин, канд. ист. наук Л.В. Гаркуша, канд. ист. наук И.И. Бучанов, постгуситского времени – канд. ист. наук Г.П. Мельников и канд. ист. наук А.С. Левченков. Историю отечественного славяноведения XIX–XX вв. изучают или изучали д-р пед. наук Л.Н. Алексашкина, канд. ист. наук Л.В. Юрченкова и канд. ист. наук М.Ю. Досталь, вопросы славянской идеологии – канд. ист. наук О.В. Павленко и д-р ист. наук Г.В. Рокина, деятельность лидеров чешского национального возрождения и их связи с Россией – канд. ист. наук О.А. Хорева, канд. ист. наук Л.П. Кондаурова, канд. ист. наук В.В. Степанова, историю русинов и лужицких сербов – д-р ист. наук К.В. Шевченко и др. Ученики могут не во всем соглашаться с Учителем в решении отдельных конкретных проблем, но в главном они проявляют удивительное единство, особенно в тяготении к позитивизму, к архивам, критическому осмыслению и тщательной библиографической обработке материалов исследования, в уважительном отношении к трудам предшественников. Все это ярко свидетельствует о том, что Л.П. Лаптевой удалось

создать свою **научную школу в отечественном славяноведении** на базе богемистики с широким диапазоном исследований, которая активно функционирует в современной науке.

Итак, Л.П. Лаптева в плодотворную пору своего 85-летия достигла поистине космических высот в различных областях горячо любимой ей науки – славяноведения. Какую из них не возьми – везде ее труды становятся эталоном для последующих исследователей, активно ими используются и цитируются. Л.П. Лаптева все еще полна творческих сил и энергии.

Строгий профессор, она всегда внушала и внушает к себе глубокое уважение коллег и учеников своими глубокими познаниями в предмете, отменной эрудицией, своим постоянным, несмотря на все жизненные невзгоды и проблемы со здоровьем, титаническим трудом, высокими моральными принципами и удивительной преданностью к избранной специальности. Этим она постоянно притягивает к себе людей науки и культуры и постоянно окружена молодежью. Мастер научной полемики, стойкий боец, она постоянно открыта для плодотворной дискуссии, способствующей решению важных научных проблем. Многие ценят Л.П. Лаптеву за блестящее, иногда едкое остроумие, опасаются «стрел» ее критики, но, познакомившись поближе, неизменно попадают под обаяние личности человека, тонко душевно организованного, редкого ценителя высокого искусства, всегда готового поделиться своими обширными знаниями, прийти на помощь словом и делом в трудных жизненных ситуациях. Благодарные ученики и коллеги желают ей крепкого здоровья, долголетия в научной жизни, ярких творческих успехов и свершений в сфере славяноведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Профессор Людмила Павловна Лаптева. Библиография опубликованных трудов (1952–1998). М., 1998.
2. *Лаптева Л.П.* П.Й. Шафарик в русской дореволюционной литературе // *Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C.* 1967. Sv.12. Č. 5.
3. *Лаптева Л.П.* Людовит Штур в русской литературе XIX и начале XX вв. // *L'udovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava, 1968.
4. *Лаптева Л.П.* Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970.
5. *Лаптева Л.П.* Новая концепция гуситского движения в трудах современных чехословацких историков // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. X всесоюзная конференция историков-славистов 30.1. – 1.2.85. Тезисы докладов и сообщений. Харьков, 1985.
6. *Лаптева Л.П.* Гуситское движение в Чехии XV века. М., 1990.
7. *Лаптева Л.П.* Новейшая русская историография гуситского движения (1980-е – 1990-е гг.) // Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. Львів, 1998.
8. *Lapťěvov L.P.* Nejnověší historiografie husitskho hnutí. 1980–1994 // *Husitsk Tbor.* 1999. № 12.
9. *Кульшетов Е.Д., Рандин А.В.* Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Йошкар-Ола, 1991.
10. *Гаркуша Л.М.* Современная гуситология в Чехии. Состояние и основные направления исследований / Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2007.
11. *Бучанов И.И.* Гуситское движение: отечественная историография (1945–2005) / Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2010.
12. *Лаптева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.
13. *Лаптева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1995.
14. *Лаптева Л.П.* Гуситское движение в освещении современников. М., 1992.
15. *Лаптева Л.П.* Источниковедение истории южных и западных славян. М., 1999. С. 68–77, 94–95, 99–101 и др.
16. *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997.
17. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
18. *Лаптева Л.П.* Славянская Комиссия Московского университета (1892–1915) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 8.

19. *Лантева Л.П.* Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
20. *Лантева Л.П.* Византийская тема в творчестве Русского Археологического Института в Константинополе // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. II. М., 1991.
21. *Лантева Л.П.* Изучение балканских славян в трудах Русского Археологического Института в Константинополе // Вопросы истории славян. Сборник научных трудов. Воронеж, 1996. Вып. 11.
22. *Шлейсцингер Г.А.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. / Публикация, вступительная статья, примечания и перевод с немецкого Л.П. Лантевой // Вопросы истории. 1970. № 1.
23. Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 г. / Вступительная статья и примечания Л.П. Лантевой // Вопросы истории. 1978. № 6.
24. *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературе XIX и начала XX веков // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C. 1973. Sv. XVIII. Č. 1–2. Praha, 1974.
25. *Лантева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C. Literární historie. 1965. Sv.10. Č. 1.
26. *Лантева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966.
27. *Лантева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavica. Časopis pro slovanskou filologii. 1966. Seš. 1.
28. *Лантева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Ros-sica. II. Praha, 1997. С. 55–62.
29. *Лантева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1994.
30. *Лантева Л.П.* Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996.
31. *Лантева Л.П.* К вопросу об основных этапах в развитии отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
32. *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
33. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
34. *Горяинов А.Н.* В России и в эмиграции. Очерки по истории отечественного славяноведения первой половины XX века. М., 2006.
35. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009.

B.I. BOJOVIĆ. Chilandar et les pays roumains (XVe–XVIIe siècle). Les actes des princes roumains des archives de Chilandar (Mont Athos). (=Textes, documents, études sur le monde byzantin, néohellénique et balkanique. Vol. 10). Paris, 2010. 263 p., ill. (CD)

Б.И. БОЙОВИЧ. Хиландар и румынские государства (XV–XVII вв.). Грамоты румынских господарей из архивов Хиландара (Афон). (=Тексты, документы, исследования по истории византийского, новогреческого и балканского мира. Т. 10)

Хиландар – один из крупнейших афонских монастырей, основанный сербским жупаном Стефаном Неманей (в монашестве Симеоном) и его сыном, архиепископом Саввой, в конце XII в. Изучение многочисленных славянских документов из архивов афонских монастырей, в том числе и богатейшего собрания Хиландарского монастыря – «сербской лавры» – началось еще в XIX ст. Савва Хиландарец первым начал описывать акты архива Хиландарской обители, а русский путешественник и выдающийся собиратель христианских древностей П.И. Севастьянов сделал фотографии большого числа документов (в том числе и греческих). Но систематическая работа по выявлению, каталогизации и копированию славянских документов в афонских монастырях и изучению архива Хиландаря стала проводиться с XX в. сербскими учеными, затем – издателем греческих документов Афона Ф. Дэльгером и, позже, Хиландарским центром американского Университета штата Огайо. Параллельно велась и издательская работа: первое издание славянских документов монастыря было сделано Ф. Миклошичем, фундаментальной для своего времени стала публикация Л. Пти и В.Н. Кораблевым в «Византийском временнике» хиландарских документов; в настоящее время изучение славянских присутствия на Афоне невозможно без выходящих

в Париже греческих «Актов Хиландаря»; греческим исследователем В. Анастасиадисом в 2002 г. были опубликованы регесты поствизантийских актов хиландарского архива. В ряду этих важных публикаций документов появилась новое издание, сделанное Б. Бойовичем при участии П.Ш. Нэстурела, Т. Йовановича и Р. Пэуна – 31 подлинная грамота валашских и молдавских правителей «сербской лавре». Из вошедших в новое издание актов на славянском и румынском языках лишь 13 документов издавались ранее. Наиболее древние грамоты (пять документов) относятся к XV в., наибольшая часть грамот – XVI ст. (15 документов за период 1500–1536 г., и четыре – 1569–1589 г.), шесть грамот – XVII в.

Издание Б. Бойовича предоставляет в распоряжение исследователей не только текст документов с переводом, комментариями (сосредоточенными в обширном введении, а также приводимыми в подстрочнике просопографическими и географическими уточнениями) и небольшим терминологическим глоссарием, но и электронную версию на CD фотографий почти всех издаваемых исследователем документов (с оборотами листов), подготовленных им самим в ходе работы в архиве с согласия монастырских властей. Публикация столь большого количества прекрасного качества фотовоспроизведений документов даст

важнейший материал для продолжения исследования не только изданных Б. Бойовичем грамот (прежде всего – для дальнейшей работы над их порой весьма сложными для транскрипции, поврежденными или угасшими текстами), но и славянских рукописей XV–XVIII в. Ряд документов заверен подписями писцов, что, несомненно, позволит в будущем выявить их автографы среди сохранившихся рукописных материалов. Таким образом, значение столь богатого фотоматериала, прилагаящегося к изданию, трудно переоценить.

К исследованию издаваемых хиландарских документов Б. Бойович привлекает и другие материалы из архивов Афона, часть из которых остается не только не изданной, но даже не каталогизированной (с. 113–114). Весьма заманчиво выглядят указания на находящиеся в архиве «около 20 коробок» и «около 30 коробок» греческих и славянских документов XVII–XIX вв. (с. 110), которые пока вообще остаются неразобранными. В связи с этим, Б. Бойович подчеркивает настоятельную необходимость объединения усилий ученых разных стран для дальнейшего выявления и изучения сохранившихся документов.

Во введении к публикации грамот Б. Бойович подробно анализирует процесс перехода ктиторской роли над афонскими обителями от византийских императоров к сербским владетелям и от них – к румынским господарям. Ктисторство как институт не случайно находится в центре внимания проведенного им исследования. Достоинство покровителя и «строителя» церкви на юго-востоке и востоке Европы было важным идеологическим аспектом обоснования законности и преемственности власти, уподобления правителей византийским императорам и сербским царям. Издаваемые грамоты с разнообразными пожалованиями предоставляют богатейший материал именно для изучения феномена эвергетизма и того, каким образом после завоевания Сербии османами в 1459 г. румынские господа оказались преемниками практики благочестивых деяний сербских царей. Многочисленные дары и пожертвования со стороны румынских правителей и элиты княжеств монастырям и Восточной церкви в конечном счете привели к приобретению афонскими и иными обителями, а также восточными патриархатами многочисленных «преклоненных монастырей»-метехов и обширнейших земельных владений в Молдавии и Валахии.

В XIV в. Стефан IV Неманя, принимая царский титул, подобно византийским императорам подтвердил своими хрисовулами афонским монастырям их прежние права и владения, предоставляя также новые пожалования (в том числе и денежные ренты). Оказание покровительства Святой Горе и внесение в монастырские помянники имен членов династий стало важным атрибутом царской власти и привилегией аристократических сербских семей. В исследовании Б. Бойовича особенно подробно рассмотрена роль сербского рода Бранковичей (с. 27–33) в качестве ктиторов двух афонских монастырей, Хиландарского и Св. Павла. В XV ст. деспот Георгий Бранкович оказывал покровительство «сербской лавре» на Афоне, а после османского завоевания права и обязанности защиты и поддержки уже не только Хиландарского монастыря, но и православной церкви в империи перешли к его дочери – супруге султана Мурада II, «царице» Маре Бранкович. (В разделе о Маре Бранкович книга повторяет наблюдения и выводы, сделанные в [1. Р. 149–175]).

Значительное место в исследовании отведено ответу на важный вопрос: почему Мара и ее сестра по отцу, «госпожа Кантакузина» (Екатерина де Силли, по роду матери – Кантакузина), передали права династического ктисторства именно валахским правителям, а не своим ближайшим родственникам, потомкам сербской династии (с. 34–40, 50–51). Вывод исследователя представляется весьма логичным: родственники Мары, жившие в изгнании и зависящие от помощи венгерского короля Матвея I Корвина, не могли бы оказать реальной поддержки монастырям, находившимся под османской властью. Несмотря на попытки потомков братьев Мары, Стефана и Лазаря, а также вдовы Стефана, Ангелины, с сыновьями бороться за сербский трон и оказывать столь важную для претендента на наследие сербских царей поддержку Хиландару, их дальнейшая помощь монастырю стала невозможной.

Мара же оказалась на стороне султана – победителя и отныне – наследника василевсов. Б. Бойович показывает ту существенную роль, которая отводилась Маре в Османской империи: наследница сербских царей не случайно называется даже в дипломатических документах того времени «царицей», «самодержицей» и «матерью» султана Мехмеда II, наследника султана Мурада. Но если для правящей османской династии Мара символизировала преемст-

венность власти султана от сербских царей, то право покровительства православному сербскому монастырю оказалось переданным ему вассалу султана, способному предоставить обители значительную материальную поддержку, не претендуя при этом на восстановление независимой сербской государственности. От Мары Бранкович и Екатерины Кантакузины ктиторовство перешло к валашскому воеводе, и в 1492 г. (сама «передача права ктиторовства» состоялась ранее, точная дата ее не известна, с. 73–75) воевода Влад Монах уже называл себя ктиторм «осиротевшего» после смерти «царицы» и ее сестры Хиландара. Эта грамота – первый сохранившийся акт валашского воеводы Хиландарскому монастырю. Первым же молдавским воеводой-ктиторм обители стал Петр V Хромой, сын валашского правителя Мирчи IV. Происхождение из валашской династии объясняет стремление этого молдавского господаря также заявить о своем праве и обязанности ктитора Хиландара (с. 92). Таким образом, именно деятельность Мары и ее отношения с валашскими воеводами позволили во второй половине XV в. заложить новую систему отношений православной церкви в Османской империи со светскими правителями-вассалами султана, утвердить основы эвергетизма в румынских государствах, частным случаем которого было покровительство Хиландарскому монастырю.

Публикация документов Б. Бойовичем дает в руки исследователей важнейшие данные о разных проявлениях феномена эвергетизма: о земельных пожалованиях, объемах «оброков»-рент монастырям и зависимым от него «келлиям» и их изменениях (с. 62–69, 76–108, 117–121). Приводимые сведения нуждаются в дальнейшей обработке, выявлении того, как изменение денежных курсов воздействовало на размер ренты, как менялось экономическое благосостояние монастырей в то или иное время. Этот вопрос интересен также в связи с тем, что хиландарская братия пыталась искать и иных ктиторов, особенно, как представляется, в те моменты, когда монастырь оказывался в стесненных обстоятельствах.

Как отметил Б. Бойович, около половины всех грамот воевод были пожалованы Хиландару в период с конца XV в. до 30-х годов XVI в. После пожалований воеводы Раду Паисия в 1536 г. и до предоставления новых даров Александром II Мирчей в 1569 г. новых грамот монастырю от воевод не обнаружено (с. 106–107). Возможно, в

этот период, несмотря на предшествующие щедрые дары, предполагавшие ежегодные получения ренты, финансовое положение монастыря подвигло его власти искать и иных покровителей, тем более что ситуация в Валахии и отношения ее правителей с Портой оказались весьма неустойчивыми при значительном росте материальных обязательств воевод в отношении османского правительства.

Видимо, не случайно именно в этот хронологический промежуток представители «сербской лавры» обращались за помощью к московскому царю Ивану IV Грозному. Изучение жалованных грамот румынских господарей, как представляется, необходимо вести в сопоставлении с сохранившимися документальными свидетельствами отношений Хиландара с Москвой в XVI – начале XVII ст., в недавнее время исследованными Ф. Кэмпфером и, особенно основательно, – С.М. Каштановым. Первая (недошедшая до нас) грамота была прислана Иваном IV в Хиландар незадолго до 1550 г., а четыре сохранившиеся 1556–1559 гг. предоставляли братии подворье в Москве и право на регулярные приезды за милостыней (еще две грамоты 1571 г. закрепили эти пожалования). Федор Иванович и Борис Годунов своими грамотами подтвердили эти привилегии (четыре грамоты 1584–1585 г. и грамота 1603 г.) [2. С. 271–296; 3. С. 20–24, 361–372] (ср. [4. С. 118–120, 126–127; 5. С. 96–97, 109–112]). М.Н. Тихомиров, а также С.М. Каштанов подчеркивали, что покровительство Ивана Грозного и его преемников Хиландарскому монастырю связано с претензиями московских царей на преемственность их «родового» ктиторовства от сербских династий: особую роль в утверждении «сербской идеи» играла мать государя, Елена Глинская, и, разумеется, его бабка, византийская царевна Софья Палеолог. Сестра Софьи, Елена, была замужем за деспотом Лазарем Бранковичем, а Елена Глинская по материнской линии происходила из сербского рода Якшичей, состоявшего в свойстве с Бранковичами [4. С. 126; 6. С. 28–30] (ср. [7. С. 157–160]).

Опубликованные Б. Бойовичем документы, свидетельствующие о важности права на эвергетизм в отношении Хиландара в качестве «атрибута» сербских царей, а также проведенный им анализ передачи этого права от Бранковичей валашским воеводам позволяют представить жалованные грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю в новом свете. Значительные пожалова-

ния хиландарская братия получала именно в 50-е годы XVI в., когда, после венчания Ивана Грозного на царство в 1547 г. начались переговоры о признании этого титула Восточной церковью. То, что эвергетизм со стороны московских государей в отношении Хиландарского монастыря и представителей сербской династии явно проявлялся в те моменты, когда это диктовалось насущной необходимостью принятия мер к укреплению власти и «царского» престижа, кажется не случайным. С.М. Каштановым было отмечено в связи с этим весьма важное обстоятельство: сразу после смерти в заключении великого князя и претендента на московский престол Дмитрия Ивановича (февраль 1509 г.), сына царевича Ивана и молдавской княжны Елены Стефановны, московский великий князь Василий III проявил особую заботу в отношении сербской церкви. Так, он послал грамоты и щедрую милостыню белградскому митрополиту Феофану, Преображенскому Сысоеву монастырю и бывшей сербской деспотиче Ангелине [3. С. 27; 5. С. 96–97], которая была дочерью албанского князя Георгия Аранити и вдовой некоторое время правившего Сербией Стефана Бранковича. Внимание к сербской династии со стороны московского великого князя, так же как и проявленная им тогда же щедрость в отношении афонских монастырей [4. С. 125; 3. С. 27–29] совпадают по времени с отстранением от ктитинства потомков Бранковичей и, как это показано Б. Бойвичем, утверждением валашских воевод в качестве «официальных» преемников сербских ктиторов. Видимо, справедливым было бы увидеть здесь элементы «соперничества» за право быть ктитором и претендовать на «сербское» наследие наравне с византийским. Параллельное исследование покровительства Хиландарскому монастырю со стороны русских (ср. [3; 8]) и валашских правителей могло бы значительно обогатить исследование Б. Бойвича.

Передача текстов документов выполнена по принципам дипломатического издания, но не показаны надстрочные знаки, для облегчения чтения расшифрованы в скобках сокращения под титлами, не показаны надписные буквы, дополнены (в квадратных

скобках) недостающие буквы; сделана разбивка на фразы. Дорсальные пометы Нового времени не изданы, но зато доступны для изучения на фотографиях документов. В текстах следовало бы указывать номера строк: это могло бы быть полезно для сверки текста по фотовоспроизведениям. Некоторое количество опечаток (даже на обложке) и повторы в предисловии не умаляют безусловного качества и пользы издания. Ведь интерес к документам пожалований румынских правителей греческим монастырям и церковным кафедрам, в том числе и Афону, в последнее время все возрастает. И это – не случайность: Восточная церковь эпохи «Туркокрации» существовала в значительной мере за счет богатых пожалований воевод, «преклоненных монастырей» и земельных владений, которые к середине XIX ст. составляли едва не четверть территории объединенной Румынии.

© 2011 г. В.Г. Ченцова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bojović B.I., Năsturel P.Ş.* Les fondations dynastiques du Mont Athos. Des dynastes serbes et de la sultane Mara aux princes roumains // *Revue des études sud-est européennes*. 2003. T. XLI (1–4).
2. *Kämpfer F.* Die Russischen Urkunden im Archiv des Klosters Hilandar // *Хиландарски зборник*. Београд, 1986. Т. 6.
3. *Каштанов С.М., Столярова Л.В.*, (при участии *Б.Л. Фонкича*). Россия и греческий мир. М., 2004.
4. *Каштанов С.М.* Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // *Россия и Христианский Восток*. М., 1997. Вып. 1.
5. *Турилов А.А.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV – начале XVII в. // *Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов*. Белград; М., 2009. Т. 1.
6. *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // *Каштанов С.М., Столярова Л.В.* Россия и греческий мир. М., 2004.
7. *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
8. *Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов*. Белград; М., 2009. Т. 1.

И.Ф. МАКАРОВА. Болгары и Танзимат. М., 2010. 320 с.

Имя и труды Ирины Феликсовны Макаровой хорошо известны всем исследователям тематики, связанной с болгарской историей. В 2005 г. вышла ее замечательная по глубине исследуемой проблематики книга «Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование)». На этот раз внимание автора привлекла интереснейшая тема, связанная с эпохой такого сложного, вызывающего до сих пор дискуссии, феномена, как болгарское население в эпоху Танзимата, т.е. во время реформ.

Об этом времени написано немало трудов. И чтобы в такой ситуации братья за подобное исследование, надо обладать хорошей источниковедческой базой; есть архивы – есть книга. И, надо сказать, источники у И.Ф. Макаровой отличные. Здесь и АВПРИ и ГА РФА, и РГИА – наши три национальные сокровищницы.

Все это позволило ей во многом по новому проанализировать представленные в книге сюжеты, прирастить историческое знание о болгарях через «призму истории Танзимата», рассматриваемого и как процесс, и как эпоху.

Хронологические рамки исследования заявлены и обоснованы – это пространство между преобразованиями, начатыми в империи во второй половине 1820-х годов и 1878 г., когда пришло болгарское время завершения Танзимата. Причем автором в качестве послесловия предпринят интереснейший анализ характера османского наследства, которое «болгары взяли с собой в качественно новый период своей истории».

В монографии автор создала обширное полотно жизни болгар в Османской империи, во времени, богатом на идеи, события, реформы, войны. Достоинства труда еще и в том, что И.Ф. Макарова сумела вскрыть новые пласты сложнейшей тематики, позволяющие шире взглянуть на турецкие нововведения с их успехами и неудачами, на жизнь болгар, лидеры которых в борьбе за освобождение использовали ряд средств – от креста до ятагана. Своеобразная пестрота сюжетов – от модернизации Османской империи и саботажа нововведений до общественно-политической активности

болгар, от борьбы по церковному вопросу до открытых антитурецких военных действий – позволяет на основе во многом новых материалов увидеть богатство и сложность истории болгарского народа в эпоху Танзимата, этого османского феномена.

Как подчеркивает в исследовании автор: «История Танзимата преподнесла миру ценный урок, продемонстрировав, как чрезмерная вера в животворящую силу реформ, слепое подражательство западным образцам, плюс небескорыстная заинтересованность внешних сил, могут быстро и успешно развалить многонациональное и поликонфессиональное государство [...], как под грузом чрезмерно затянувшихся социальных экспериментов рухнула и была расчленена на части древняя и некогда великая восточная империя – Османская, а небольшой и миролюбивый народ, обитавший в нескольких из ее сельскохозяйственных провинций – болгарский, смог воспользоваться этим процессом, добившись сначала от турецкого правительства качественного изменения юридического статуса своей нации, а затем получить от великих держав подарок исторического масштаба – политическую независимость» (с. 7).

А теперь немного рассуждений, вызванных прочитанным. В начале текста, в главе «На пороге великих перемен», у И.Ф. Макаровой есть такая фраза: «Вся территория Восточной Румелии, включая провинции с болгарским населением, была погружена в пучину феодальной анархии и бандитизма» (с. 8), а сама империя была поражена вирусом сепаратизма. Ряд последующих страниц посвящен документированным доказательствам этого бесспорного положения. Однако возникает вопрос, почему так долго держалась Османская империя? И даже, находясь в этой «пучине» была достойным военным противником для той же России! В чем дело? Может быть, все же османская власть не была такой слабой, а ее представители не были «простодушными мусульманами», заботившимися только о своей выгоде. И неужели ни одна из турецких попыток улучшить управление не принесла положительных результатов? Или они все были половинчатыми и поверхностными?

Судя по авторскому тексту, все было весьма непросто. Кирджалии превращались постепенно в «добропорядочных наемников». Сепаратисты – в сторонников укрепления власти в турецкой столице, которые не забывали и об упрочении своего положения. Об этом, как пишет автор, свидетельствовало открытое 28 сентября 1808 г. общеперское совещание с участием провинциальной элиты (с. 35).

В сущности, медленность разрушения империи может быть объяснена прежде всего огромными ее размерами и богатствами, позволявшими, если их не тратить на «бесконечные новшества», кормить как центральную власть, так и местную знать. Сюда добавлю и ислам. Да и сама центральная власть по мере сил, и, бывало, успешно, стремилась обезопасить себя от ирреденты.

И еще одно замечание: никто не мог или не хотел брать на себя обязанности «могильщика» империи. Великие державы были «слишком мелки» за исключением России, чтобы присоединять огромные исламские территории. Лучшее действовать через оправданный в тысячелетиях способ «просвещения», через «divide et impere», через реформы, через заимствования. А спасение христианского населения было одним из ключей, открывавших путь, мирный и военный, на «завоевание» Османской империи. Хотя, здесь не следует забывать и переход православных в католицизм, в униатство, в мохамеданство для сохранения себя и своих семей. Спасение душ многие искали в переселении на территории других империй, австрийской, русской. И автор совершенно справедливо подчеркивает этот факт. Но тут же можно сказать, что переселение «наносило дополнительный демографический урон болгарской этнической общности, создавало перекосяк в пользу мусульманского элемента в этноконфессиональном балансе региона, тормозило духовное и политическое развитие болгарского народа» (с. 35) при абсолютной его верности, все же представляет собой некую недосказанность. Может быть, следовало осторожнее говорить как о «перекосяке», так и торможении в «духовном и политическом развитии». Это чрезвычайно тонкая материя, чувствительная к утверждениям в любой их категоричной форме.

Блестящим подтверждением этого может служить бесконечно повторяемая фраза-утверждение о Турции как «большом человеке» как в ученых студиях, так и на страницах дипломатических документов. Но

вот парадокс, чтение книги И.Ф. Макаровой показывает живучесть и энергию этого «больного человека», его яростную борьбу за обновление, модернизацию государства, встававшего на путь Танзимата. Я бы даже сравнил Османскую империю с «израненным львом», но еще достаточно могучим, чтобы внушать уважение той же Западной Европе, чей опыт государственного строительства как «лекарство» Блистательная Порта старалась перенимать, но, к сожалению, некритично. В качестве подтверждения неудач молодых реформаторов, автор приводит мнение А.П. Бутенева, писавшего в 1840 г. в крепостнический Петербург: «Невежество и фанатизм, с одной стороны, злоупотребления и предрассудки с другой, так укоренились в этой стране, что нельзя ожидать быстрых результатов от попыток ее цивилизовать и возродить. Успех проблематичен не только [...] из-за отсутствия стабильности, но и из-за легкости, с которой вчерашние распоряжения меняются или заменяются новыми, из-за смены турецких министров и присущего им духа интриг и соперничества» (с. 57).

С первого взгляда все верным выглядит у русского дипломата. Но никто и не ждал немедленных результатов. Добавлю еще из собственного опыта работы с документами по истории Боснии и Герцеговины: «успех был проблематичен» не столько по указанным причинам, но и вследствие нехватки чиновников на местах. Причем не вали, среди которых было немало талантливых администраторов, а служащих среднего и меньшего звеньев. Можно было найти людей на посты руководителей крупных административно-территориальных единиц, но не было в достатке местных честных чиновников. Вот в чем была одна из основных проблем в сфере модернизации управления. Впрочем, эта история не нова и характерна для многих государств, в том числе и для России.

Сама глава производит отрадное впечатление по многоплановости сюжетов, что позволяет представить весь пестрый спектр сотканной из реформ, саботажа, войн, восстаний, конфликтов, сепаратистской вольницы с лозунгом, что «не мое, то тоже мое», церковного вопроса, поляков, служивших «под чужим флагом», хозяйственной тематики, болгарской проблематики, связанной с известными именами Мамарчева, Бозвели, международного присутствия, и многого другого. Но самое главное: автором представлено широкое полотно Танзимата, позволяющее увидеть не «больного чело-

века» и не «мертвую букву реформ», а живой организм великой Османской империи, стремящейся к обновлению.

Название последней главы «В водовороте Танзимата» напоминает известный рассказ Эдгара Алана По «Низвержение в Мальстрем», т.е. в водоворот национальных движений, чем и славен XIX в. на Балканах.

Здесь и знаменитый хатт 1856 г. и болгаро-греческая церковная распря и реформы, в том числе и великого Мидхат-паши, вопросы экономического порядка, и балканский резонанс Критского восстания, и создание Тайного центрального болгарского комитета (ТЦБК), и организация Балканского союза, четничество, политика России, персонафицированная в Горчакове и Игнатъеве, Рейхштадская программа и Константинопольская конференция, Восточный кризис 1875–1878 гг. Каждый из этих разнообразных сюжетов, пестрящих мнениями, суждениями, задачами, целями по реализации задуманного, самой практикой, – все это дает объемную картину грозной обстановки на Балканах. Я бы даже здесь сказал, что эпоха Танзимата есть не что иное как сам Восточный вопрос в османской оболочке.

И тут мне более всего интересны реформы Мидхат-паши (точнее, конституция 1876 г.), реакция на них русских дипломатов. В этом чрезвычайно любопытном сюжете И.Ф. Макарова сжато обрисовала историю появления конституции и реакцию «русского ястреба» Николая Павловича Игнатъева, как и других лиц и сторон. Отмечено, что содержавшееся в 11-й ст. Основного закона страны утверждение о том, что ислам является государственной религией страны, встретило самый резкий отзыв Игнатъева. Дипломат полагал, что «наличие этого пункта не позволит турецкому правительству [...] пренебрегать некоторыми положениями шариата для того, чтобы способствовать распространению принципов гражданского законодательства. Конституция воспротивится этому. Это дверь, которую они сами закрыли перед своим носом» (с. 265). Конечно, резковато, но потому и «ястреб». Впрочем, как показали дальнейшие события, законодательство вассального Болгарского княжества вполне обошлось без верховенства этой статьи.

Теперь немного на тему субъективности, политики и дружбы народов, которая как, впрочем, и сама национальная история,

зачастую связана со сверхдолжной идеализацией ее процессов. Но И.Ф. Макарова не захотела идти в «легенду», я говорю об Апрельском восстании. Повлекшее многочисленные жертвы, оно показано без прикрас и революционного романтизма, с жесткими оценками его руководителей. Но «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Может ли это служить оправданием содеянного, думаю, что нет. Но здесь разные мнения. Впрочем, как и о терпимости в сфере сосуществования турецкого и болгарского народов. Как подчеркивает автор, в литературе, прежде всего болгарской, широко представлена «обличительная тональность». Однако это все же опять та самая тонкая материя, которая не терпит категорических утверждений.

Если говорить «о замечаниях и предложениях», то скажу следующее.

Первое. Страдания болгарского народа вошли в историю, в память православных народов. И в тексте книги немало места уделено болгарской «раيه», жившей под турецким владычеством несколько веков. Но болгарское население притесняли, обирали, унижали и свои богачи, чорбаджи, о чем писал и русский дипломат Александр Хитрово в донесениях по начальству.

Второе. Танзимат неразрывно связан с султанатом, поэтому и здесь можно было бы несколько шире осветить личности самих властителей Османской империи. Я не говорю о «жизнеописаниях», но рассказ о характере, привычках, окружении мог бы добавить красок в изображение турецкого мира.

Третье – нет именного указателя, столь необходимого каждому историческому сочинению.

Резюмируя прочитанное, подчеркну, что появление книги ведет к приращению исторического знания. А это самое главное. И еще. Сам труд прежде всего связан с исследованием сложнейших процессов Танзимата, во многом остававшихся «затененными», и поэтому столь ценно появление книги, представляющей собой комплексное исследование этого феномена.

Кстати, возможно, что если бы не «поднятая волна» в Европе, то мир бы узнал новую историческую общность – турецко-болгарское царство.

© 2011 г. В.И. Косик

Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského / Ed. V. Doubek. Praha, 2006. 379 s.

Пути на Восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского / Ред.-сост. В. Дубек

Труд В. Дубека представляет публикацию чешского блока корреспонденции Михаила Федоровича Раевского (1811–1884), который охватывает период с 1843 по 1882 г. Эта работа является первой публикацией именно чешской части объемного архива настоятеля посольской церкви в Вене, протоиерея, религиозного мыслителя Раевского.

Оказавшись в 1842 г. на посту священника российской посольской церкви в Австрийской империи, он сразу заинтересовался ее славянским населением. В рамках своей деятельности Раевский поддерживал отношения со многими выдающимися славянскими деятелями на самых разных уровнях; был хорошо знаком с ведущими представителями политической элиты южных и западных славян.

Именно в 50–70-е годы XIX в. чехи впервые стали объектом интереса дипломатического ведомства Российской империи в Вене. На протяжении указанного времени чешско-российское сотрудничество стало разноплановым, многосторонним, охватило различные слои чешского общества. Более того, между чехами и русскими появился элемент партнерских отношений в общественно-политической сфере.

Развивались же чешско-российские отношения при непосредственном участии М.Ф. Раевского. К 1850 г. его единичные, случайные контакты с чехами стали постоянными, систематическими. Находясь в столице монархии Габсбургов, о. Михаил внимательно следил за деятельностью религиозных обществ, положением православных церквей. Выступая пропагандистом православного вероучения, М.Ф. Раевский воплощал славянскую идею, которая, в его представлении, заключалась в повышении роли славян в мире, европейской политике и культуре. Цементирующую функцию в славянской среде, по его мнению, должна была сыграть российская культура.

Помимо Св. Синода за деятельностью Раевского внимательно следило Министер-

ство народного просвещения Российской империи. В то же время он официально представлял Российскую империю в монархии Габсбургов, действовал в соответствии с указаниями и установками Министерства иностранных дел. Еще одной стороной, заинтересованной в его работе, был Славянский благотворительный комитет. В отношениях со славянским населением империи Габсбургов Раевский являлся бесценным и ключевым посредником. Его мнение было важным и весомым как для российских политиков, так и для людей, далеких от политической жизни. Через М.Ф. Раевского тянулись многочисленные связи от России к славянам Австрийской империи и наоборот, стали базой развития отношений славян с Россией.

Работы по выявлению и изучению богатого архива М.Ф. Раевского были начаты словацким ученым В. Матулой еще в 1957 г. Более подробное обследование выявленных материалов продолжилось им с 1966 г. совместно с И.В. Чуркиной. Корреспонденция Раевского из Отдела письменных источников Государственного исторического музея впервые увидела свет в известной публикации «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века» (М., 1975). В сборник также вошли материалы архива Раевского, находящиеся в нынешних Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 340), Отдела рукописей Института русской литературы АН РФ и Российской национальной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (ОР РНБ. Ф. 608, 627). Это издание – плод сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории в Белграде, Института истории Словацкой академии наук и Чехословацкого советского института ЧСАН. В сборнике опубликовано 467 писем славян, а в списке корреспондентов М.Ф. Раевского, включенном в это издание, зарегистрировано 1737 имен.

Однако данная публикация лишь в небольшом объеме охватывает переписку Раевского с чехами. Чешский же блок всей корреспонденции Раевского, если сравнить число корреспондентов из славянских земель монархии Габсбургов, сопоставим с сербским, превышает хорватский, в три раза больше, чем словенский. Именно часть из этого массива документов и была издана В. Доубеком в 2006 г. Сборник вышел под названием «Пути на Восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского» совсем не случайно. В работе собраны исключительно письма чехов и отчасти ответы на них протоиерея российской посольской церкви в Вене. В это издание вошли 808 документов, из которых 122 письма приведены в полной версии с аннотацией на чешском или немецком языках.

При отборе писем для публикации в полном объеме автор давал предпочтение тем из них, которые проливают свет на вопросы чешской эмиграции в Российскую империю. Письма, в которых затронута иная тематика, вошли во вторую часть сборника. Причем их содержание представлено в виде кратких резюме абсолютно всех документов, относящихся к чешской части архива М.Ф. Раевского, найденной в 60-е годы XX в. в ходе работы над уже упоминавшимся международным проектом. Огромных усилий потребовало составление реестра писем архива Раевского с указанием мест хранения оригиналов и публикаций. Этот труд чешского исследователя В. Доубека ценен уже с точки зрения того,

что была сведена в единый блок вся информация о разрозненной чешской корреспонденции Раевского.

В заключение следует отметить, что тема эмиграции чехов в Российскую империю, отраженная в публикации В. Доубека, является одним из основных направлений в контактах о. Михаила с чехами. Не занимаясь непосредственно вопросами, связанными с переселением чехов как австрийских подданных в Россию, благодаря своей популярности в чешском обществе М.Ф. Раевский получал письма с жалобами на условия жизни переселенцев, просьбами содействовать в оформлении документов для въезда в Россию. Протоиерей российской посольской церкви помогал улаживать множество проблем, возникавших в связи с получением виз, паспортов, рекомендательных писем. К нему, как представителю Российской империи в Австро-Венгрии, обращались небогатые чехи за помощью. Ему писали как человеку, способному выслушать и понять собеседника. О. Михаила информировали о финансовой неустроенности, бытовых проблемах, с которыми сталкивались эмигранты в России. В подавляющем большинстве случаев речь шла о студентах и преподавателях древних языков в рамках сложившегося сотрудничества с Министерством народного просвещения Российской империи по поиску высококвалифицированных специалистов-филологов.

© 2011 г. Н. Киселькова

Славяноведение, № 4

«Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. 461 с.

«Погасло дневное светило...». Русская литературная эмиграция в Болгарии 1919–1944.

Мои коллеги из Болгарии, Грузии, Украины продолжают радовать своими трудами в области исследования русских миров. На этот раз под грифом Института литературы Болгарской академии наук был выпущен сборник статей, большинство из которых посвящено литературному творчеству русских изгнанников.

У этой книги долгий и трудный путь к читателям. Достаточно сказать, что идея

создания совместной рабочей группы над проектом, посвященным русской литературе, была выдвинута еще в 1990 г. П.В. Палиевским из Института мировой литературы.

По ряду причин идея сотрудничества не получила развития, но в Болгарии этот интереснейший проект получил поддержку, хотя и не сразу. В 2002 г. была сформирована новая группа из сотрудников Института

Однако данная публикация лишь в небольшом объеме охватывает переписку Раевского с чехами. Чешский же блок всей корреспонденции Раевского, если сравнить число корреспондентов из славянских земель монархии Габсбургов, сопоставим с сербским, превышает хорватский, в три раза больше, чем словенский. Именно часть из этого массива документов и была издана В. Доубеком в 2006 г. Сборник вышел под названием «Пути на Восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского» совсем не случайно. В работе собраны исключительно письма чехов и отчасти ответы на них протоиерея российской посольской церкви в Вене. В это издание вошли 808 документов, из которых 122 письма приведены в полной версии с аннотацией на чешском или немецком языках.

При отборе писем для публикации в полном объеме автор давал предпочтение тем из них, которые проливают свет на вопросы чешской эмиграции в Российскую империю. Письма, в которых затронута иная тематика, вошли во вторую часть сборника. Причем их содержание представлено в виде кратких резюме абсолютно всех документов, относящихся к чешской части архива М.Ф. Раевского, найденной в 60-е годы XX в. в ходе работы над уже упоминавшимся международным проектом. Огромных усилий потребовало составление реестра писем архива Раевского с указанием мест хранения оригиналов и публикаций. Этот труд чешского исследователя В. Доубека ценен уже с точки зрения того,

что была сведена в единый блок вся информация о разрозненной чешской корреспонденции Раевского.

В заключение следует отметить, что тема эмиграции чехов в Российскую империю, отраженная в публикации В. Доубека, является одним из основных направлений в контактах о. Михаила с чехами. Не занимаясь непосредственно вопросами, связанными с переселением чехов как австрийских подданных в Россию, благодаря своей популярности в чешском обществе М.Ф. Раевский получал письма с жалобами на условия жизни переселенцев, просьбами содействовать в оформлении документов для въезда в Россию. Протоиерей российской посольской церкви помогал улаживать множество проблем, возникавших в связи с получением виз, паспортов, рекомендательных писем. К нему, как представителю Российской империи в Австро-Венгрии, обращались небогатые чехи за помощью. Ему писали как человеку, способному выслушать и понять собеседника. О. Михаила информировали о финансовой неустроенности, бытовых проблемах, с которыми сталкивались эмигранты в России. В подавляющем большинстве случаев речь шла о студентах и преподавателях древних языков в рамках сложившегося сотрудничества с Министерством народного просвещения Российской империи по поиску высококвалифицированных специалистов-филологов.

© 2011 г. Н. Киселькова

Славяноведение, № 4

«Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. 461 с.

«Погасло дневное светило...». Русская литературная эмиграция в Болгарии 1919–1944.

Мои коллеги из Болгарии, Грузии, Украины продолжают радовать своими трудами в области исследования русских миров. На этот раз под грифом Института литературы Болгарской академии наук был выпущен сборник статей, большинство из которых посвящено литературному творчеству русских изгнанников.

У этой книги долгий и трудный путь к читателям. Достаточно сказать, что идея

создания совместной рабочей группы над проектом, посвященным русской литературе, была выдвинута еще в 1990 г. П.В. Палиевским из Института мировой литературы.

По ряду причин идея сотрудничества не получила развития, но в Болгарии этот интереснейший проект получил поддержку, хотя и не сразу. В 2002 г. была сформирована новая группа из сотрудников Института

литературы БАН, в которую вошли Радо-стин Русев, Христо Манолакев, Радослава Илчева и Йордан Люцканов. В следующем году к ним присоединилась Галина Петкова с факультета славянской филологии Софийского университета. Была проведена огромная исследовательская работа, подготовлен сборник статей. Однако выпуск книги не состоялся, вследствие отсутствия в договоре с фондом «Научные исследования» Министерства образования и науки пункта об отпуске средств на издание. Тем временем, в 2007–2008 гг., в авторский коллектив вошли новые исследователи из Института литературы БАН (Емил Димитров), с исторического факультета Софийского университета (Александр Луни, Дарина Григорова, Ирина Захариева, Елена Коцева), из Института философских исследований БАН (Нина Димитрова) и Института истории БАН (Лизбет Любенова), Велико Тырновского университета имени свв. Кирилла и Мефодия (Маргарита Каназирска), Шуменского университета «Епископ Константин Преславский» (Ганка Рупчева), Центрального государственного архива (Лиляна Владева), Государственного архива в Пернике (Зорница Стоянова-Лечева), а также сотрудница гуманитарного факультета Тбилисского технического университета Татьяна Мегрелишвили и представительница исторического факультета Одесского государственного университета Татьяна Попова.

И мне, конечно, чрезвычайно странно и удивительно, и горько, что в сборнике нет имен отечественных исследователей, хотя трудов по русскому зарубежью, студий, связанных, например, с именем Петра Бицилли, выпущено немало. Более того, работа шла почти двадцать лет, а сотрудничества с нашими академическими и университетскими учеными не получилось. С Украиной, с Грузией вышло, а с Россией – нет!

Когда-то, ныне полузабытый, американский ученый Джон Гелбрейт выдвинул лозунг «Ученые всех стран, объединяйтесь!». Что могу сказать? Он актуален и сейчас. И если мы не участвуем, то наше место занимают другие. Страдает ли от этого наука? Нет, но научное сообщество – да.

Впрочем, исходя из первой посылки, сборник получился блестящим, собравшим лучших исследователей этой интереснейшей и даже в чем-то загадочной проблематики.

Безусловно, моя рецензия не отчет и не справка «о проделанной работе» коллегам,

скорее всего ее можно обозначить словом «импрессия», т.е. будет чисто субъективной, хотя я буду стараться приблизиться «к истине». И еще небольшое замечание: критики почти не будет уже по той причине, что такой сборник заслуживает только всяческого одобрения и пожелания его авторам дальнейших успехов на этой ниве с возможным привлечением русских коллег в дальнейшем.

Итак, сборник открывается статьей «Русская эмиграция в Болгарии между двумя мировыми войнами» ушедшего в 2008 г. из жизни замечательного ученого историка А. Лунина. Как и любое историческое сочинение, оно насыщено фактами, цифрами, именами, вводя тем самым читателя в исследуемое время и русский мир на братской славянской земле.

Известно, что громадную роль в любом историческом исследовании, если только оно не принадлежит к «дописьменной эпохе», играет пресса, особенно когда речь идет о литературе. И здесь для исследователей русского мира в Болгарии безусловно будет интересна, информативна и важна статья Хр. Манолакева «Русская эмигрантская периодика в Болгарии (1920–1922)». Читать ее не так легко уже по той причине, что статья почти не содержит «воды», столь необходимой читателю. Да и эта «вода» могла бы быть несколько интереснее, нежели традиционный набор сведений исторического характера, не столь уж обязательный для такого фундаментального сочинения. Структура статьи весьма примечательна и позволяет представить и даже войти в болгарский мир, что особенно интересно с точки зрения исследования болгарско-русских отношений, точнее, болгарского видения России.

Надо сказать, что Болгарии «не везет» с «пиаром» русских поэтов. Мы знаем русскую поэзию во Франции, в Китае, даже в бывшей Югославии, а в Болгарии – нет. Именно поэтому вдвойне, втройне интересна статья Г. Петковой под названием «Литературный проект “Песни изгнания”». Именно этот сборник я когда-то безуспешно разыскивал по всей Софии, когда писал свою книжку о русских в болгарской столице. И я очень рад, что она «нашлась» у госпожи Петковой, талантливо представившей русских стихоплетов – поэзию и биографии – на страницах своего исследования. Здесь и Модест Саевский, и Татьяна Тихонова, и Владимир Де-Говора Драгомирецкий с его эгофутуризмом и строчками:

И, поймав напевы лиловости
Я победно пляшу канкан,
И ору: в поэзах условности,
Как в изысканном блюде – таракан.

Не Северянин, конечно, но любопытно.
Больше Маяковский. Много внимания уде-
лено и многостороннему творчеству графа
Николая Зубова. В стихотворении «*Европе*.
В защиту Болгарии», написанном в октябре
1921 г., он предстает певцом славянофиль-
ства, имперскости, обличителем Европы.
Вот оно:

Молчи Европа! Речь твоя гнусна!
Коварством злым проникнута она,
Когда судьбу Болгарии решаешь,
Когда славян на ссоры подстрекаешь!

Сразив изменой Русскую державу,
Ты хочешь, разливая всюду яд,
Вселять раздоры в Прагу и Варшаву,
В Софию и обманутый Белград.

Но день придет. Защитником славян,
Очнувшись, встанет русский великан –
И целый мир от страха содрогнется,
Когда он звонким смехом рассмеется.

Когда сверкнув миллионами штыков,
Он двинется с призывом властных слов:
– Долой мечи! Мы сложим все итоги!
Коль Русь идет – Европа прочь с дороги!

В других строчках он пишет про себя:

Да, я отстал, отстал, но все же,
Моя отсталость не порок,
И «старый» Пушкин мне дороже
Чем «новый» Горький или Блок!

Таких любителей поэзии и сейчас не-
мало.

Я очень надеюсь, что в недалеком бу-
дущем все же найдутся деньги для пере-
издания не только «Песен изгнания», но и
других русских поэтов, творивших на бол-
гарской земле. Хотелось бы верить, что
статья Г. Петковой станет своеобразным
предвестником антологии русской поэзии,
взраставшей на славянской земле, этом
«крае золотистых лоз, и роз, и кукуруз...» –
по строчке из стихотворения Любови Сто-
лицы, выпускницы московской Екатери-
нинской гимназии.

Сразу запоминается прекрасная публи-
кация Р. Илчевой, несмотря на громоздкое
название – «Поэзия и военная журналисти-

ка (на материале военной периодики рус-
ской эмиграции в Болгарии 1922–1942 гг.)». Тематика совершенно неисследованная, однако достойная всяческого внимания уже по той причине, что органически являет собою продолжение культурных традиций России. Статья написана на основе 54 стихотворений самых разных авторов, в своем подавляющем большинстве совершенно неизвестных не только современному читателю, но и литературоведу, за исключением, может быть, К. Акаро, В. Даватца и князя Ф. Касаткина-Ростовского или знаменитого А. Куприна. Сам текст можно условно разделить на две части: одна понятная широкому кругу, другая, включающая литературоведческий анализ, с «синтагмами» и «мультиплицирующими однокорневые глаголы прилагательными» – своим коллегам. Тем не менее, отбросив условности «ученого чтения», отмечу хороший стиль и язык статьи, богатство содержания, отличный подбор, как бы я сказал, подражая Северянину, поэзоцитат. Например, четыре строчки из стихотворения В. Вязми-
тинова:

Мы теперь страдаем тоже, –
Скорбь свою не можем скрыть,
Помоги нам Матерь Божья,
Нашу мать воскресить!

У меня будет только одно невинное замечание к госпоже Илчевой: я бы не стал употреблять термин «белогвардейская лирика», лучше просто – русская лирика или поэзия военных лет. Не станем же мы называть того же Куприна, вернувшегося в СССР умирать, белогвардейским поэтом?! Может быть, я немного передергиваю, но в литературе давно уже устоялся миф о том, что слово «белогвардеец» – «плохое слово».

Очень интригующее название у Р. Русева «Русский дух в изгнании (из литературной жизни русской эмиграции в Болгарии в 20-х и 30-х годах XX века)», где «поэзия» первых слов сочетается с «прозой», заключенной в скобки. Здесь перед нами опять исследование двойного подчинения – для литературоведов и не являющихся таковыми. Но даже для тех же историков умнейшая статья коллеги Русева представляет большой интерес уже по своей комплексности, новизне, не затершейся актуальности: здесь и поэзия и проза, критика и творцы, политика и искусство, издания и издатели, и редакторы, различные кружки, сведения

о деятельности на болгарской земле младороссов, сменовеховцев, евразийцев, славянофилов. Подчеркнуты болгарско-русские связи в культуре, литературе, искусстве. Море информации.

Две публикации сборника связаны с именами Стилияна Чилингирова и Александра Митрофановича Федорова. Эти имена уже вошли в историю болгарской литературы, и найти что-то свежее трудно. Однако Е. Димитров на основе богатого корпуса источников сумел обогатить творческие портреты своих героев, найти новые краски для обрисовки их черт. Е. Димитров также подготовил и поместил в сборнике и текст воспоминаний С. Чилингирова о «Фаныче», как любовно называли друзья Федорова. Тем самым найдена еще одна интересная страница жизни русского писателя и поэта, блестящего переводчика болгарских поэтов Д. Дебелянова, П. Яворова, Н. Лилиева, Е. Попдимитрова.

Есть в сборнике и имя Константина Бальмонта. Л. Владева подготовила текст переписки русского поэта со своим собратом Е. Попдимитровым. Эпистолярный источник всегда представлял особую ценность для биографов поэта.

С именами актрисы Веры Пушкаревой и ее первого мужа Нестора Котляревского, одно время преподававшим на Высших женских Бестужевских курсах, где они и познакомились, связана глубокая, насыщенная разнообразной и новой информацией статья М. Каназирской, давно исследующей биографию прежде всего Веры Пушкаревой. Новая работа значительно расширяет наши знания о жизни и творчестве этих двух людей искусства, литературы в России и в Болгарии.

С великой русской актрисой Марией Германовой связана статья Т. Мегрелишвили «Своеобразие языка моделирования мемуарного пространства: “Мой ларец” М.Н. Германовой». Я историк, поэтому мне прежде всего было интересно читать собственно строки, повествующие о жизни и творчестве «мхатовки», ее восприятии прожитого, самого бытия. Само «моделирование», вероятно, будет очень интересным для тех, кому близки такие понятия, как «морфологическая, синонимическая, смысловая» идентификации.

Две статьи посвящены Петру Бицилли. Первая – «Эффективный анализ русских литературных явлений с болгарским адресом (две статьи П. Бицилли 1930-х годов)» («Трагедия русской культуры» и «Возрож-

дение аллегории») принадлежит И. Захариевой. Исследование написано хорошим языком, без «заумности», со знанием проблематики, показывает богатство русской литературы, ее постоянное движение. Вторая – «Бицилливедение – состояние, проблемы, перспективы» – Татьяна Поповой. Ее стиль характеризуют четкость, определенная тезисность, ясность мыслей без обволакивания «умным туманом». Впечатление от обеих статей самые отрадные.

На евразийскую тематику написаны три статьи: И. Люцканов «Болгария и Балканы у евразийцев», Д. Григорова «Евразийский ответ на русский национальный вопрос», Н. Димитровой «Георгий Флоровский – разрывы и связи». На каждую из них можно писать отдельную рецензию, настолько они нешаблонны, свежи и интересны. Не желая «тонуть» в «чужих» и «своих» размышлениях, скажу коротко: в них идет процесс приращения исторического знания. А это самое главное.

Несколько особняком стоят три статьи. Первая принадлежит перу Г. Рупчевой – «Освободительная русско-турецкая война в воспоминаниях русских ветеранов-эмигрантов в Болгарии 20–40-х годов XX века». Эти воспоминания, изданные в 1929 г., и послужили основой обстоятельного исследования автора. Широкое привлечение текста самих мемуаров, посвященных героическим и будничным страницам войны, болгарскому радушию, с которым встречали «братушек», – все это и многое другое позволяет не забывать ту далекую войну и воинский подвиг освободителей Болгарии. Безусловно ценной является информация биографического характера на авторов сборника.

Вторая – «Русская эмиграция в Пернике (1920–1943)» написана З. Стояновой-Лечевой. В работе в сжатой форме на основе архивных материалов освещена жизнь русской колонии в шахтерском Пернике, деятельность различных русских институций. Прежде всего она представляет интерес для исследователей русского быта. Кстати, на задней обложке книги представлены рисунки тяжелого шахтерского труда (на передней – бульвар Марии-Луизы в Софии).

Третья – «Помощь Русской православной церкви в годы Второй мировой войны» принята в сборник от Л. Любеновой. В статье впервые представлена широкая картина помощи Русской церкви со сторо-

ны Болгарской православной церкви, прежде всего в сфере издания богослужебных книг. Отмечена также и материальная поддержка Болгарской церковью русских иконографов и других лиц, которые трудились на церковной ниве. Написанная на основе богатых архивных материалов, она вносит существенный вклад в историю Болгарской церкви в трудные годы войны.

Завершает сборник публикация Е. Коцевой «Тени 1940–1970. Самовар, сундук, книги и другие важные вещи», украшенная иллюстрациями. По сути, это милый очерк-воспоминания о прошедшем времени, о первых книжках, о своих близких, атмосфере дома и вещей, учителях,

соседах, подругах – «Погасло дневное светило...».

И немного сухих сведений: имеется ряд указателей, например именной, книг и периодических изданий, что нередко «забывают» делать иные авторы.

Завершить свои впечатления я хочу строчками четверостишия Михаила Садовского из его очерка о Кирилле Молчанове:

Не умирает – и реально,
Лишь то, что нематериально,
А все – и доброе, и злое –
Найдут потом в культурном слое.

© 2011 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

И.Ю. ЗАРИНОВ. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М., 2010. 268 с.

Монография российского этнолога И.Ю. Заринова посвящена анализу некоторых аспектов формирования и сохранения национальной культуры и идентичности в инокультурной среде на примере истории польских диаспор России, США и Бразилии. Автор рассматривает проблемы становления польских этнических анклавов (глава первая «Процесс образования и развития польских диаспор в России (имперской, советской, постсоветской), США и Бразилии»), сравнивает формы и способы аккультурации поляков в этих странах (глава третья «Сравнительный анализ процесса аккультурации польских диаспор России, США и Бразилии»), иллюстрируя их краткими биографиями знаменитых польских эмигрантов первой волны и их потомков в XIX–XX вв. (глава вторая «Знаменитые поляки России, США и Бразилии»).

Открывается книга теоретическим введением, посвященным содержанию и трактовкам термина «диаспора» в современной научной литературе (с. 5–19). И.Ю. Заринов разбирает спектр его значений, их эволюцию, подробно останавливаясь на дискуссиях в российской и зарубежной

историографии конца XX – начала XXI в. Их анализ показывает, какую роль в современной науке играют дефиниции важнейших социологических и этнологических понятий и определение «диаспоры» в частности. Вариативность интерпретаций порождает принципиальные расхождения в толковании самого феномена – причем как в теоретических трудах, так и в систематизации материалов полевых исследований. В случае с диаспорой значимым оказывается взгляд на соотношение и динамику процессов аккультурации и ассимиляции иноэтнической группы в чужеродной среде. Сложности возникают и из-за принципиальных противоречий между самоидентификацией и внешней идентификацией этнических сообществ. Зачастую мигранты – и поляки не являются исключением – убеждены в этнической «аутентичности» своего этнокультурного наследия, подчеркивают неизменность традиций, в то время как сторонний наблюдатель (представитель автохтонного этноса или культуры страны-реципиента), или исследователь, может отметить вполне осознанное стремление (особенно молодежи следующих поколений) к аккультурации, нивелировке

ны Болгарской православной церкви, прежде всего в сфере издания богослужебных книг. Отмечена также и материальная поддержка Болгарской церковью русских иконографов и других лиц, которые трудились на церковной ниве. Написанная на основе богатых архивных материалов, она вносит существенный вклад в историю Болгарской церкви в трудные годы войны.

Завершает сборник публикация Е. Коцевой «Тени 1940–1970. Самовар, сундук, книги и другие важные вещи», украшенная иллюстрациями. По сути, это милый очерк-воспоминания о прошедшем времени, о первых книжках, о своих близких, атмосфере дома и вещей, учителях,

соседах, подругах – «Погасло дневное светило...».

И немного сухих сведений: имеется ряд указателей, например именной, книг и периодических изданий, что нередко «забывают» делать иные авторы.

Завершить свои впечатления я хочу строчками четверостишия Михаила Садовского из его очерка о Кирилле Молчанове:

Не умирает – и реально,
Лишь то, что нематериально,
А все – и доброе, и злое –
Найдут потом в культурном слое.

© 2011 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

И.Ю. ЗАРИНОВ. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М., 2010. 268 с.

Монография российского этнолога И.Ю. Заринова посвящена анализу некоторых аспектов формирования и сохранения национальной культуры и идентичности в инокультурной среде на примере истории польских диаспор России, США и Бразилии. Автор рассматривает проблемы становления польских этнических анклавов (глава первая «Процесс образования и развития польских диаспор в России (имперской, советской, постсоветской), США и Бразилии»), сравнивает формы и способы аккультурации поляков в этих странах (глава третья «Сравнительный анализ процесса аккультурации польских диаспор России, США и Бразилии»), иллюстрируя их краткими биографиями знаменитых польских эмигрантов первой волны и их потомков в XIX–XX вв. (глава вторая «Знаменитые поляки России, США и Бразилии»).

Открывается книга теоретическим введением, посвященным содержанию и трактовкам термина «диаспора» в современной научной литературе (с. 5–19). И.Ю. Заринов разбирает спектр его значений, их эволюцию, подробно останавливаясь на дискуссиях в российской и зарубежной

историографии конца XX – начала XXI в. Их анализ показывает, какую роль в современной науке играют дефиниции важнейших социологических и этнологических понятий и определение «диаспоры» в частности. Вариативность интерпретаций порождает принципиальные расхождения в толковании самого феномена – причем как в теоретических трудах, так и в систематизации материалов полевых исследований. В случае с диаспорой значимым оказывается взгляд на соотношение и динамику процессов аккультурации и ассимиляции иноэтнической группы в чужеродной среде. Сложности возникают и из-за принципиальных противоречий между самоидентификацией и внешней идентификацией этнических сообществ. Зачастую мигранты – и поляки не являются исключением – убеждены в этнической «аутентичности» своего этнокультурного наследия, подчеркивают неизменность традиций, в то время как сторонний наблюдатель (представитель автохтонного этноса или культуры страны-реципиента), или исследователь, может отметить вполне осознанное стремление (особенно молодежи следующих поколений) к аккультурации, нивелировке

национальных особенностей поведения и внешности или отказу от прежней идентификации.

«Польский случай» в этом контексте обладает как универсальными, так и явно специфичными чертами. Следует признать, что, несмотря на детальное обоснование использования понятия «польская диаспора» применительно к Российской империи (СССР, России), из примеров польских анклавов в трех странах этот представляется наименее бесспорным. Сложности возникают в связи с двумя аспектами. Во-первых, проблема заключается в формальных политико-правовых обстоятельствах, связанных с разделами польского государства (можно ли именовать диаспорой группу, проживающую на протяжении многих поколений на собственной исторической территории, имеющей исторические и культурные основания именовать ее родиной, если она в результате военного или дипломатического соглашения переходит в состав иного государственного образования). Этот вопрос – принципиальный для понимания истоков современной Польши – является актуальным для многих этносов Центральной и Восточной Европы.

Второй аспект можно обозначить как субъективный: вряд ли в современном национальном сознании поляки не только Царства Польского (или Привислинского края), но прежде всего так называемых «кресов» могут именоваться этническим анклавом. (Кстати, анализ важнейшего для польской идентичности понятия-мифологии «кресь» – если бы автор к нему обратился, – позволил бы осветить многие современные проблемы польского самосознания.) В этом случае необходимо было бы оговорить принципиальные различия, продиктованные позициями сторон.

Поэтому несколько страниц первой главы, посвященных истории польского этноса и главным этапам эволюции национального самосознания, представляются слишком общим и кратким изложением вопросов формирования польской диаспоры в России. В этом экскурсе обозначены лишь ключевые этапы процесса, в то время как польско-русские (или польско-украинские или польско-белорусские) отношения на протяжении столетий (в особенности начиная с XVII в.) осложнялись не столько номинальными отличиями в конфессиональной принадлежности, формах политического устройства и др., но прежде всего идеей цивилизационного превосходства

поляков. В условиях утраты собственной государственности, в период поражений национальных восстаний XIX в. в России, в годы Второй мировой войны (с репрессиями в отношении поляков на территориях, захваченных Германией и СССР) сохранение собственной национальной идентичности, языка и веры в среде насильственно переселенных поляков, окруженных ореолом мученичества и жертвенности, становилось не только важнейшим средством трансляции этничности, но и основанием для преемственности чувства принадлежности к европейской цивилизации и мессианского предназначения польского народа. Эти константы польского национального самосознания подкреплялись мифологией исключительности и сохранялись почти в неизменном виде, в том числе благодаря заостренному противопоставлению, жесткости оппозиции свой/чужой в отношении русских в польской культуре в целом (российская и польская историография комплекса этих проблем довольно обширна и нуждается в авторских комментариях).

На мой взгляд, перечисленные особенности принципиально отличают процесс аккультурации поляков в России (СССР) от истории польской диаспоры в странах Западной Европы и тем более в США. Еще одним важным фактором является, как верно отмечает автор, социальное происхождение мигрантов. В этом отношении состав польских анклавов в России кардинально отличен от рабоче-крестьянской эмиграции поляков в США, Канаду и Южную Америку (с. 31). Американская диаспора поляков складывалась поздно и иначе.

Отличительной чертой польской миграции в Новый свет можно считать преобладание политических причин и мотивов над социально-экономическими факторами. В конце XVIII–XIX вв. волнообразная миграция поляков была обусловлена разделами Речи Посполитой и преследованием участников патриотических движений, восстаний и войн. Часть эмигрантов осела прежде всего во Франции и Англии, шляхта стремилась связать свою жизнь с военной службой в армиях различных стран; американская не была исключением. Бразильская диаспора поляков образовалась лишь в конце XIX в. из крестьянских переселенцев, что определило специфические способы сохранения этнокультурной самобытности данной группы.

Глава о знаменитых поляках носит иллюстративный характер, ее цель – на примере конкретных судеб показать возможные пути достижения мигрантами, в полной мере сохранившими польскую национальную идентичность, социального успеха на второй родине. Выбор персоналий ограничен самыми известными деятелями, проявившими себя в различных профессиональных областях и признаваемыми в качестве «знаменитых поляков» прежде всего в современной Польше. Эта глава логично вписывается в избранный исследователем предметный ракурс и структуру работы. Однако рассказ о прославленных поляках, живших в Российском государстве, нуждается в более корректном обосновании.

Вопрос об этническом происхождении и самоидентификации личности в эпоху Средневековья и раннего Нового времени – один из наиболее сложных. В польской и российской историографии при его освещении принципиальной оказывается аргументация, позволяющая использовать тот или иной этноним; иногда исследователи вынуждены и вовсе отказываться от констатации этнической принадлежности, ограничиваясь конфессионимом и фиксацией региона проживания. Польское королевство и Великое княжество Литовское, с середины XVI в. – Речь Посполитая двух народов – было государством полиэтническим и поликонфессиональным, и восточные земли («кресы») также населены весьма пестрыми в языковом и конфессиональном отношении группами; в XVI–XVII вв. смена вероисповедания по социальным причинам приобретает массовый характер, что весьма затрудняет однозначное определение этнической принадлежности отдельных личностей и даже шляхетских родов. При отсутствии самоидентификации подобные отнесения носят характер допущения; поэтому формулировки должны быть гиперкорректными (фраза о ситуации XVI в. «гипотетически лицом польского происхождения (или малороссийского, что, в сущности, в то время имело много сходства)» никак не соотносится с богатой современной историографией проблем польской и украинской этничности XVI–XVIII вв.)

Спорным можно считать и причисление последнего польского короля Станислава Августа Понятовского или композитора М.К. Огиньского к «знаменитым российским полякам» (с. 59, 64 и далее). Ссылки на поляки в Сибири и Вологде, прославившиеся на поприще науки и культуртрегерства,

поставлены автором в один ряд с петербургскими литераторами 1830–1850-х годов, обычно относящимися к группе «поляков на русской службе», однако в польском национальном пантеоне даже сегодня такое сближение невозможно.

В третьей главе И.Ю. Заринов обращается к сложному комплексу проблем, связанных с механизмом аккультурации поляков. Для этого он прибегает к сравнительному анализу диаспор по определенным параметрам. Сопоставление осуществлено по трем основным элементам традиционной культуры в ее этнографическом понимании: материальная (жилище, одежда, пища), духовная (религия, обрядность, язык), а также социальная культура (традиционные виды хозяйственной деятельности и обусловленный ими социальный статус) и механизмы сохранения и воспроизводства этнонациональной самобытности (семья, костел и приходская община, школа). Источниками первой части главы служат полевые материалы автора. Кроме традиционных, И.Ю. Заринов рассматривает роль современных форм этнокультурной самоорганизации – такие как средства массовой информации и различные общества. Одним из главных путей ассимиляции являются, как известно, смешанные браки. Автор анализирует отношение поляков к другим местным «чужим» (по конфессиональному, языковому, этнокультурному и социальному признакам) в США, Бразилии и России, степень толерантности и адаптации, сопоставляя процесс разрушения основ моноэтничности в польских группах. По его заключению, процесс «аккультурации и ассимиляции [...] затрагивает прежде всего эндогамную семью», состояние которой позволяет судить «об этнокультурном состоянии диаспоры» (с. 113); продолжает играть консолидирующую роль костел как «бастион польскости» – однако для представителей молодого поколения в меньшей степени (с. 123). Степень трансформации этнического языка в настоящее время во многом зависит не только от историко-культурных факторов, но и от политики страны-реципиента в отношении национальных меньшинств; при этом, как обоснованно отмечает исследователь, в диаспоральной среде языковой процесс обладает ярко выраженными разнонаправленными тенденциями, колеблясь между стремлением сохранить родной язык и перейти на чужой (с. 138–139). Поляков (особенно первые поколения мигрантов) отличает высокая сте-

пень общественной активности и навыки самоорганизации.

В этой же главе автор обращается к вопросу об этническом самосознании и этнической идентичности (понимая их как самоидентификацию и внешнюю, объективно-научную идентификацию). Он отмечает сходство бразильской и американской «Полоний», в которых удается сохранять высокую степень польской идентичности благодаря государственной политике и наличию «социальных атрибутов диаспоральности» (с. 189), а также сильное воздействие последней – наиболее многочисленной миграционной волны (1990–2000-е годы).

Выводы исследования связаны с выявлением системы закономерностей и зависимости двух форм этнического сознания поляков – этнического самосознания и этнической идентичности. «Смещение эт-

нического самосознания как проявления социокультурной солидарности, возникающей в процессе становления диаспоры, в сторону этнической идентичности, образующейся в процессе аккультурации и ассимиляции, субъективно отражает степень трансформации всего комплекса этнических маркеров», что доказывает, – заключает автор, – наличие в природе этничности субъективного и объективного начал (с. 192).

Монография И.Ю. Заринова является одной из редких в современной российской полонистике попыток осветить взаимосвязь польского исторического опыта сохранения этнокультурной самобытности и механизмов этнической адаптации в эпоху миграций и глобализации.

© 2011 г. М.В. Лескинен

Славяноведение, № 4

Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XV–XX вв. Сер. Балканика. Екатеринбург, 2010. Вып. 2. 296 с.

Вышел в свет второй выпуск альманаха исследований всеобщей истории серии «Балканика», издаваемый в Екатеринбурге.

В сборнике публикуются статьи российских и зарубежных историков, в которых рассматривается широкий спектр вопросов, касающихся общественно-политического, этнокультурного и демографического развития балканских народов в конце XIX–XX вв., а также международных отношений на Балканах в XX – начале XXI в.

Редколлегия сборника отмечает, что первый выпуск «Балканики» состоялся в 2008 г., и нынешний «продолжает серию публикаций отечественных и зарубежных авторов по наиболее дискуссионным и малоизвестным вопросам истории Балкан второй половины XIX – конца XX вв. Появление сборника оказалось возможным благодаря расширяющемуся сотрудничеству коллектива историков Уральского государственного университета с коллегами из Института славяноведения РАН в Москве и научных заведений Болгарии и Сербии» (с. 7).

Нельзя не согласиться с мнением редколлегии о том, что «публикуемые в сборнике

материалы кроме всего прочего представляют интерес с точки зрения обмена научной информацией между национальными историографиями» (с. 7).

Интересным образом пересекаются работы болгарского ученого профессора С. Елдарова «Кирилло-Мефодиева праздничность как символ хорватской национальной идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.)», которая открывает сборник, и российского историка С.С. Белякова «Хорватская национальная идентичность в интерпретации идеологов усташского движения».

Среди хорватских ученых, внесших в XIX в. особый «вклад в изучение и популяризацию дела Славянских апостолов», С. Елдаров выделяет Франьо Рачко, первого председателя Южнославянской академии в Загребе, «признанного современной наукой в качестве “отца хорватской кирилло-мефодиевистики”». В 1859 г. Рачкий опубликовал в Загребе фундаментальный двухтомный труд об эпохе и деятельности Кирилла и Мефодия. «Благодаря исследованиям Фр. Рачко и других хорватских славистов интерес к кирилло-мефодиев-

пень общественной активности и навыки самоорганизации.

В этой же главе автор обращается к вопросу об этническом самосознании и этнической идентичности (понимая их как самоидентификацию и внешнюю, объективно-научную идентификацию). Он отмечает сходство бразильской и американской «Полоний», в которых удается сохранять высокую степень польской идентичности благодаря государственной политике и наличию «социальных атрибутов диаспоральности» (с. 189), а также сильное воздействие последней – наиболее многочисленной миграционной волны (1990–2000-е годы).

Выводы исследования связаны с выявлением системы закономерностей и зависимости двух форм этнического сознания поляков – этнического самосознания и этнической идентичности. «Смещение эт-

нического самосознания как проявления социокультурной солидарности, возникающей в процессе становления диаспоры, в сторону этнической идентичности, образующейся в процессе аккультурации и ассимиляции, субъективно отражает степень трансформации всего комплекса этнических маркеров», что доказывает, – заключает автор, – наличие в природе этничности субъективного и объективного начал (с. 192).

Монография И.Ю. Заринова является одной из редких в современной российской полонистике попыток осветить взаимосвязь польского исторического опыта сохранения этнокультурной самобытности и механизмов этнической адаптации в эпоху миграций и глобализации.

© 2011 г. М.В. Лескинен

Славяноведение, № 4

Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XV–XX вв. Сер. Балканика. Екатеринбург, 2010. Вып. 2. 296 с.

Вышел в свет второй выпуск альманаха исследований всеобщей истории серии «Балканика», издаваемый в Екатеринбурге.

В сборнике публикуются статьи российских и зарубежных историков, в которых рассматривается широкий спектр вопросов, касающихся общественно-политического, этнокультурного и демографического развития балканских народов в конце XIX–XX вв., а также международных отношений на Балканах в XX – начале XXI в.

Редколлегия сборника отмечает, что первый выпуск «Балканики» состоялся в 2008 г., и нынешний «продолжает серию публикаций отечественных и зарубежных авторов по наиболее дискуссионным и малоизвестным вопросам истории Балкан второй половины XIX – конца XX вв. Появление сборника оказалось возможным благодаря расширяющемуся сотрудничеству коллектива историков Уральского государственного университета с коллегами из Института славяноведения РАН в Москве и научных заведений Болгарии и Сербии» (с. 7).

Нельзя не согласиться с мнением редколлегии о том, что «публикуемые в сборнике

материалы кроме всего прочего представляют интерес с точки зрения обмена научной информацией между национальными историографиями» (с. 7).

Интересным образом пересекаются работы болгарского ученого профессора С. Елдарова «Кирилло-Мефодиева праздничность как символ хорватской национальной идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.)», которая открывает сборник, и российского историка С.С. Белякова «Хорватская национальная идентичность в интерпретации идеологов усташского движения».

Среди хорватских ученых, внесших в XIX в. особый «вклад в изучение и популяризацию дела Славянских апостолов», С. Елдаров выделяет Франьо Рачко, первого председателя Южнославянской академии в Загребе, «признанного современной наукой в качестве “отца хорватской кирилло-мефодиевистики”». В 1859 г. Рачкий опубликовал в Загребе фундаментальный двухтомный труд об эпохе и деятельности Кирилла и Мефодия. «Благодаря исследованиям Фр. Рачко и других хорватских славистов интерес к кирилло-мефодиев-

скому делу прочно укоренился в хорватских гуманитарных кругах», пишет Елдаров (с. 11). Вместе с тем он подчеркивает: «Среди славян католического вероисповедания наследие Кирилла и Мефодия актуализировалось прежде всего в рамках церковно-религиозной деятельности, главным образом в контексте униатских проектов папы Пия IX», а «празднование дня Кирилла и Мефодия в качестве церковного праздника среди хорватов берет начало с 60-х гг. XIX в. и связано с именем епископа Йосипа Юрая Штросмайера» (с. 12), который добился в 1863 г. от папы Пия IX разрешения для хорватов 5 июля торжественно отпраздновать юбилей начала евангельской миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии. Елдаров отмечает, что Штросмайер «придавал большое значение кирилло-мефодиевской символике в своих планах объединения восточного и западного христианства» (с. 13). А энциклика от 30 сентября 1880 г. папы Льва XIII официально утвердила 5 июля в качестве святительского праздника Кирилла и Мефодия в календаре Католической церкви. Согласно хорватским публикациям того времени, «никто иной не помогал их [славян] вековой борьбе за самостоятельное культурное и политическое существование, как это делал Рим» (с. 14–15). «В качестве наиболее сильного аргумента в подтверждение этого приводился пример “героических болгар”, которые успешно противостояли Византийской империи при помощи Католической церкви», отмечает болгарский историк (с. 15). Делая акцент на устойчивом и необратимом росте в Католической церкви в Хорватии интереса к делу Славянских апостолов, выразившемуся в создании в 1910 г. Апостолата «Святых Кирилла и Мефодия», автор подчеркивает, что данная церковно-миссионерская организация поставила своей целью борьбу за распространение, укрепление католического вероисповедания среди славянских народов, т.е. «пропагандировать идею и собирать средства в пользу восстановления единства западного и восточного христианского в форме церковной унии» (с. 16–17).

Автор упоминает о создании в XIX в. в Хорватии кирилло-мефодиевых обществ, не оставивших «никакого следа в истории» (с. 19). Однако идея вернулась в начале XX в. в Загреб из Истрии, чтобы на этот раз «пустить более глубокие и крепкие корни» (с. 21). Так появился мasonicкий Клуб кирилло-мефодиевых каменщиков, феномену которого Елдаров уделил много внимания.

Автор приходит к выводу, что Товарищество «Святых Кирилла и Мефодия» в Истрии и Клуб кирилло-мефодиевых каменщиков возникли как ответ на итальянскую пропаганду в Истрии и Далмации, австрийскую и венгерскую в Славонии и проводит параллель с борьбой «болгарщины и эллинизма» (с. 23). В 1910 г. Центральный комитет под председательством великого мастера кирилло-мефодиевых каменщиков объявил 5 июля общенародным хорватским праздником. Елдаров акцентирует внимание на одной важной детали: «Определенный нюанс в толковании нового праздника можно заметить в изданиях правашских фракций. Они полностью принимали и разделяли идею праздника как символа хорватского национального единства, но игнорировали его славянский контекст [...] правашские газеты даже старались не использовать прилагательное “славянский”. Так, они их [Кирилла и Мефодия] называли “Эллинскими братьями”» (с. 26).

Первая мировая война поставила праздник Славянских апостолов вне закона. А после войны, как пишет Елдаров, «кирилло-мефодиева идея как символ хорватской национальной идентичности была погребена под политической идеологией югославизма, согласно которой сербы, хорваты и словенцы были одним народом с тремя именами» (с. 33). Навязывание же в Королевстве СХС – Югославии хорватам даты праздника Славянских апостолов по православному церковному календарю «скорее оттолкнуло их от праздника и помогло со временем забыть собственную кратковременную традицию» (с. 35–36). Елдаров с сожалением отмечает лишь единичные случаи упоминания в современной Хорватии ее былого «славянства».

Статья С.С. Белякова «Хорватская национальная идентичность в интерпретации идеологов усташского движения» дает представление об эволюции хорватской национальной идеи в созданном усташами Независимом государстве Хорватия (НГХ), фактическом протекторате фашистской Италии и гитлеровской Германии. Автор отмечает: «Центральное место в идеологии Усташского движения занимал этнический национализм [...] Важнейшим постулатом усташской идеологии, ее краеугольным камнем служила идея самобытности хорватского народа, его отличия от народов Югославии» (с. 131). Он подробно останавливается как на основных программных пунктах идеологов усташского движения,

так и на характеристике современных хорватских исследований по этой проблематике. Так, Д. Црлен в комментарии к официальному изданию «Усташских принципов» подчеркнул, что югославизм и даже иллиризм сыграли негативную роль в истории хорватского народа. «Славянство, иллиризм, югославизм были ядами, которые [...] разъедали живой организм хорватского народа», – писал он». По мнению Белякова, «именно стремление к обоснованию национальной самобытности хорватского народа, очевидно, способствовали развитию и популяризации теории неславянского происхождения» (с. 133).

Автор дает краткий очерк теории готского, неславянского, происхождения хорватов. К сожалению, он не уточняет, кем по национальности был один из первых идеологов готской теории «австрийский социолог Л. Глумпович», но указывает, что его идеи развил словенец Г. Рус. Беляков подчеркивает, что в соответствии с этой теорией, «хорваты считались не славянами, а потомками славянизированных готов, якобы осевших в VI–VII вв. в северо-западной части Балканского полуострова. Эта теория, базировавшаяся главным образом на весьма спорных толкованиях некоторых источников, не получила распространения в исторической науке. Зато она как нельзя лучше подошла хорватским националистам» (с. 134). Уже в ноябре 1940 г. «трое хорватских интеллектуалов» направили Гитлеру письмо с объяснением «сущности хорватского вопроса», которое, судя по всему, было ни чем иным как популярно изложенной расовой хорватской идеологией, согласно которой славяне имеют «рабское происхождение» в отличие от «воинственного и государственного народа» – хорватов. А. Павелич в «Хорватском вопросе» (1936 г.) пытался доказать, что хорватский народ принадлежит к «высшей расе» и не имеет ничего общего со славянскими «недочеловеками». Позднее Павелич заявлял, что докажет, что «хорваты не славяне [...] что они немцы по крови и расе» (с. 133). При этом, главным, все-таки, оставалась чуждость славянам, в первую очередь, сербам. Беляков также касается теорий иранского и кавказского происхождения хорватов.

Он обращает внимание на такой феномен хорватской расовой теории и практики, как особое отношение к боснийским мусульманам. Один из главных идеологов усташства писал: «Боснийские мусульмане – в расовом отношении наичистейшие, наименее

испорченные хорваты! [...] Даже в соматическом отношении они сохранили все особенности своей хорватской расы, если не считать очень редких азиатских примесей» (с. 138). Автор указывает и другие отличия усташских этнорасовых воззрений, от аналогичных, присущих германскому нацизму. При этом он напоминает, что усташки учитывали текущий политический момент (с. 143).

Совершенно иным было отношение к православным сербам. Автор пишет, что «православие было фактически поставлено вне закона», тем не менее усташки создали так называемую Хорватскую православную церковь. В первом случае речь, разумеется, идет, именно о православии сербов – словосочетание «сербская православная церковь» было запрещено. Автор считает, что «православие в НГХ преследовалось не по религиозным, а по национальным причинам, то есть как элемент “сербизма”, а не как религиозная доктрина» (с. 145). Но уже в феврале 1942 г. в связи с нарастающим вооруженным сопротивлением усташскому режиму А. Павелич был вынужден заявить, что в Хорватии «никто ничего не имеет против православия» (с. 148). В Хорватии даже стали открываться православные храмы. По мнению Белякова, «практическое значение этих реформ было невелико. Они не остановили ни раскрученный маховик усташского террора, ни ответный террор сербских четников, ни коммунистическое сопротивление» (с. 150).

Много внимания автор уделяет языковой проблеме в Хорватии, т.е. размежеванию хорватского языка с сербским, приданию ему «расовой чистоты». Он приходит к следующему выводу: «Воззрения усташей на природу хорватской идентичности отличались эклектизмом и определенной противоречивостью» (с. 155).

Статья доктора исторических наук из Болгарии П. Пейковской «Миграция из Австро-Венгрии в Болгарию в конце XIX – начале XX в. По данным переписей населения Болгарии» будет весьма интересна историкам и социологам. Она снабжена множеством графиков и таблиц, позволяющих наглядно проследить динамику миграционных процессов, ознакомиться с национальной принадлежностью мигрантов и многими другими аспектами этого сложного явления.

В статье доктора исторических наук из Сербии профессора Б. Недовезы «Йован Цвиич о балканских этнических процессах»

подробно рассматриваются работы выдающегося сербского ученого, посвященные истории, этнологии и социологии. К сожалению, даты выхода в свет цитируемых работ Цвиича указаны в сносках в конце текста, что значительно затрудняет восприятие исследования творчества Й. Цвиича в динамике, не позволяет адекватно оценить эволюцию его взглядов, связанную с теми или иными обстоятельствами.

Особое внимание привлекает работа кандидата исторических наук, доцента кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета Д.О. Лабаури «Балканский кризис 1902–1903 гг. в оценках и прогнозах военных наблюдателей России», в которой в научный оборот вводятся новые документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Однако название статьи не отражает ее содержания, на мой взгляд, вряд ли событие 1902–1903 гг. на Балканах можно назвать кризисом.

Традиционно под кризисом принято понимать нарушение баланса сил в государстве или регионе, когда противостоящие стороны обостряют конфликт, стремясь выйти из него победителем, т.е. такое положение в сфере международных отношений, или во внешнеполитической или внутривнутриполитической жизни государства, за которым следует какое-то резкое изменение в сложившейся расстановке сил (в мире, регионе, государстве). За примерами ходить далеко не надо – Боснийский кризис 1908–1909 гг., Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. или современный нам Балканский (уже – югославский). В ситуации, обрисованной Д.О.Лабаури, максимум о чем можно говорить, так это о предкризисной ситуации на Балканах, успешно разрешенной усилиями двух держав-гарантов на Балканах – Российской империи и Австро-Венгрии.

В работе кандидата исторических наук Н.В. Васильевой «Балканская политика СССР и Гражданская война в Греции в контексте начальной фазы холодной войны (некоторые дискуссионные вопросы в свете документов российских архивов)» обращается внимание на сложный и многоплановый характер внешнеполитического аспекта Гражданской войны в Греции в общем контексте балканской политики СССР, и на те вопросы, которые требуют дальнейшего исследования в свете введения в научный оборот дополнительных документальных фактов.

Статья старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН А.С. Стыкалина «Проблемы советско-югославских отношений в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964)» подробнейшим образом восстанавливают на основе материалов заседаний высшего партийного руководства СССР тонкости непростого советско-югославского диалога.

Венгерский исследователь Д. Рети в статье «Смена общественного строя в Албании (1989–1992 гг.). Агония “пролетарской диктатуры”» прослеживает становление оппозиции в стране после ухода из жизни ее бессменного лидера Энвера Ходжи, перипетии борьбы за политическую власть в стране в условиях местной «объявленной демократии» на фоне экономического кризиса и народных выступлений, путь оппозиции в лице Демократической партии Албании (ДПА) во власть. Автор подробно останавливается на самых важных этапах процесса выхода страны из режима самоизоляции. Он отмечает: «Победой ДПА [...] на мартовских выборах 1992 г. закончился решающий этап смены строя [в Албании]» (с. 246).

В статье «Почему распалась Югославия? Краткий обзор причин и событий от Тито до Милошевича» доктор исторических наук из Болгарии В. Божинов пытается найти ответ на вопрос, вынесенный в заголовок. Если внимательнее задуматься над ним, то придется все же уточнить, что речь идет о СФРЮ, а не о Союзной республике Югославия. Статья Божинова полна противоречий (с одной стороны, он пишет о некоей национальной дискриминации косовских албанцев (с. 251), с другой, о «ежедневном угнетении» сербского населения со стороны албанцев в Косове (с. 354) и т.п., явившихся, на наш взгляд, результатом поисков простого ответа на сложнейший вопрос. Создается впечатление, что она написана для того, чтобы опубликовать заготовленный автором вывод о том, что «югославская идея так и осталась утопией» (с. 256). Среди причин распада СФРЮ автор сознательно опускает «внешний фактор», сосредоточившись на «сербском национализме» и личности С. Милошевича. Мягко говоря, спорной представляется оценка автора югославской Конституции 1974 г.: «По замыслу ее творцов новый основной закон должен был создать преграду на пути сепаратизма, дав большую свободу республикам и автономным краям» (с. 251).

Заочно очень аргументировано ему отвечает магистрант Уральского госуниверситета Г.В. Павлюков в статье «Обострение сербско-хорватских отношений и начало национальной гомогенизации сербов в Хорватии: конец 1980-х – начало 1990-х гг.». В частности он подчеркивает, касаясь Конституции 1974 г.: «Руководство новой Югославии видело в Сербии возможного носителя идеологии гегемонизма. Югославские лидеры во главе с Тито попытались снять с повестки дня “сербский вопрос”, с одной стороны создав внутри Сербии две автономии [Воеводину и Косово], а с другой – лишив сербов Хорватии права на автономию» (с. 260).

Завершает сборник статья кандидата исторических наук доцента кафедры Новой и новейшей истории Уральского госуниверситета Ю.В. Запарий «Балканский кризис и эволюция миротворческой доктрины Организации Объединенных Наций». Автор попыталась проследить данную эволюцию, однако, на мой взгляд, совершенно упустила из вида тот факт, что на международной арене наряду с ООН значительную роль иг-

рала Организация Североатлантического договора. На причину снижения авторитета ООН указал заместитель генерального секретаря А. Миджиро: «ООН может играть важную роль в укреплении политического процесса, но не в состоянии заменить его. Там, где идут реальные переговоры – мы можем противостоять противникам урегулирования. Но если нет процесса урегулирования, мы не можем и не должны вести войну. И опыт ООН в Боснии и Сомали начала 1990-х четко доказал это» (с. 290).

Трактовка автором событий в Сребренице (в Боснии и Герцеговине) и оценка роли «миротворцев» в Македонии, на наш взгляд показывают поверхностное знание автором конкретных фактов и знакомство с ними из новостных лент масс-медиа.

К несомненным удачам составителей сборника стоит отнести то, что некоторые статьи успешно дополняют друг друга (статьи С. Елдарова и С. Белякова), или представляют различные точки зрения по одним и тем же событиям – распаду СФРЮ (статьи В. Божинова и Г. Павлюкова).

© 2011 г. М.Л. Ямбаев

Славяноведение, № 4

U. SCHMIDT. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam, 2008. 420 s.

У. ШМИДТ. Бессарабия. Немецкие колонисты на Черном море

История регионов бывшей Российской империи, в том числе и Бессарабии (часть современной Молдавии) находится последние годы в центре внимания зарубежных авторов. На мой взгляд, это связано не столько с тем, что зарубежная (в данном случае – германская) историография исчерпала ресурс традиционных тем, хорошо разработанных в XX в., сколько с необходимостью переосмысления истории России и Советского Союза среди прочего под углом зрения немецкой колонизации.

Автор книги, сотрудница Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина д-р Ута Шмидт, является немкой из Бессарабии, и уже обращалась к истории своих соотечественников в этом регионе в специальном историко-социологическом исследовании

(*Schmidt U. Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute). 2., durchgesehene Auflage. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 2004*). В своей новой книге д-р Шмидт попыталась дать обобщающую картину истории немецкого присутствия в Бессарабии, роли немецких колонистов в развитии этого региона, затронув вопрос об отношении выселенных бессарабских немцев к своей исторической родине.

В книге читатель находит как общую характеристику немецкой колонизации и переселенческого движения, так и экскурс в историю Северного Причерноморья. Следует особо отметить, что д-р Шмидт регулярно выходит за определенные ею территориальные рамки, рассматривая не только Бессарабию, но и сопредельные регионы.

Заочно очень аргументировано ему отвечает магистрант Уральского госуниверситета Г.В. Павлюков в статье «Обострение сербско-хорватских отношений и начало национальной гомогенизации сербов в Хорватии: конец 1980-х – начало 1990-х гг.». В частности он подчеркивает, касаясь Конституции 1974 г.: «Руководство новой Югославии видело в Сербии возможного носителя идеологии гегемонизма. Югославские лидеры во главе с Тито попытались снять с повестки дня “сербский вопрос”, с одной стороны создав внутри Сербии две автономии [Воеводину и Косово], а с другой – лишив сербов Хорватии права на автономию» (с. 260).

Завершает сборник статья кандидата исторических наук доцента кафедры Новой и новейшей истории Уральского госуниверситета Ю.В. Запарий «Балканский кризис и эволюция миротворческой доктрины Организации Объединенных Наций». Автор попыталась проследить данную эволюцию, однако, на мой взгляд, совершенно упустила из вида тот факт, что на международной арене наряду с ООН значительную роль иг-

рала Организация Североатлантического договора. На причину снижения авторитета ООН указал заместитель генерального секретаря А. Миджиро: «ООН может играть важную роль в укреплении политического процесса, но не в состоянии заменить его. Там, где идут реальные переговоры – мы можем противостоять противникам урегулирования. Но если нет процесса урегулирования, мы не можем и не должны вести войну. И опыт ООН в Боснии и Сомали начала 1990-х четко доказал это» (с. 290).

Трактовка автором событий в Сребренице (в Боснии и Герцеговине) и оценка роли «миротворцев» в Македонии, на наш взгляд показывают поверхностное знание автором конкретных фактов и знакомство с ними из новостных лент масс-медиа.

К несомненным удачам составителей сборника стоит отнести то, что некоторые статьи успешно дополняют друг друга (статьи С. Елдарова и С. Белякова), или представляют различные точки зрения по одним и тем же событиям – распаду СФРЮ (статьи В. Божинова и Г. Павлюкова).

© 2011 г. М.Л. Ямбаев

Славяноведение, № 4

U. SCHMIDT. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam, 2008. 420 s.

У. ШМИДТ. Бессарабия. Немецкие колонисты на Черном море

История регионов бывшей Российской империи, в том числе и Бессарабии (часть современной Молдавии) находится последние годы в центре внимания зарубежных авторов. На мой взгляд, это связано не столько с тем, что зарубежная (в данном случае – германская) историография исчерпала ресурс традиционных тем, хорошо разработанных в XX в., сколько с необходимостью переосмысления истории России и Советского Союза среди прочего под углом зрения немецкой колонизации.

Автор книги, сотрудница Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина д-р Ута Шмидт, является немкой из Бессарабии, и уже обращалась к истории своих соотечественников в этом регионе в специальном историко-социологическом исследовании

(*Schmidt U. Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute). 2., durchgesehene Auflage. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 2004*). В своей новой книге д-р Шмидт попыталась дать обобщающую картину истории немецкого присутствия в Бессарабии, роли немецких колонистов в развитии этого региона, затронув вопрос об отношении выселенных бессарабских немцев к своей исторической родине.

В книге читатель находит как общую характеристику немецкой колонизации и переселенческого движения, так и экскурс в историю Северного Причерноморья. Следует особо отметить, что д-р Шмидт регулярно выходит за определенные ею территориальные рамки, рассматривая не только Бессарабию, но и сопредельные регионы.

Подход, когда страницы нашей российской истории (тем более такой ее специфический аспект, как положение небольшого по численности этнического компонента на юго-западных окраинах бывшей империи) предстают в изложении иностранного автора, вдвойне интереснее для жителей бывшего СССР.

Истории религиозной жизни колонистов посвящена отдельная глава исследования. Автор отмечает, что в православной, самодержавной России особую роль сыграла протестантская этика колонистов (с. 19). Хотя были среди бессарабских немцев и католики, проживавшие в населенном пункте Красна (ок. 7 тыс. чел.) и частично – в Сарате. В поселении Теплиц в 1817–1818 гг. обособились хилиасты. В этот же период пастор Игнац Линдл предпринял попытку основать в Сарате общину, которая была бы организована на истинно библейских началах. Тем самым священник рассчитывал преодолеть разногласия между католиками и протестантами (с. 94).

Бессарабия стала одним из центров так называемого религиозного сепаратизма, возникшего в Европе под влиянием Великой Французской революции. «Сепаратисты» полагали, что в вопросах веры следует руководствоваться не столько положением Библии, сколько собственным «внутренним светом», ощущениями. При этом автор подчеркивает, что религиозные лидеры и церковная организация были одним из основных факторов, цементирующих немецкие общины в Бессарабии, обеспечивавших их устойчивость как в царской России, так и под румынским правлением.

Бессарабские немцы были последней группой колонистов, официально привлеченной государственной властью России. В начале XIX в. немцы расселились в районах Одессы и Симферополя, в Приазовье (область Грунау), позднее достигли Тифлиса. Еще ранее, при Екатерине II, появились колонии поволжских немцев под Саратовым, а позднее – самарское поселение.

Что касается Бессарабии, то первое немецкое поселение Тарутино было основано здесь через два года после присоединения края к России, в 1814 г., так называемыми «варшавскими колонистами» (29 ноября 1813 г. Александр I обратился с воззванием к колонистам Великого герцогства Варшавского, в котором давались гарантии привилегий и религиозных свобод, содержался

призыв к переселению на территорию России (с. 66)). Помимо Царства Польского главными центрами «исхода» немцев в Бессарабию были Баден-Вюртемберг и Пруссия, а также Швейцария (в 1822–1846 гг. на территорию Бессарабии прибыли швейцарские реформисты, основавшие колонию Шабо). Тарутино в Южной Бессарабии с населением более 8 тыс. чел., в котором располагалась гимназия, выходили газеты на немецком языке, стало центром немецкой колонии. Что касается названия, то многие населенные пункты бессарабских немцев были названы в ознаменование событий Отечественной войны 1812 г. и победы над Наполеоном. Так одно из поселений получило имя Лейпциг, а еще одно – Париж! Но немцы зачастую давали своим поселениям и собственные, неофициальные названия: Тарутино – Элизабет, Бородино – Александр, Малоярославец – Виттенберг, Малоярославец II – Альт-Посшталь. Крупными немецкими поселениями стали также Клёстиц, Теплиц, Сарата. Небольшая немецкая община в 1825 г. обособилась в Кишиневе. Общая численность колонистов на 1842 г. составила 141 437 чел.

Особое внимание автор книги уделяет взаимоотношениям между правительством России и колонистами. Официальное управление делами переселенцев находилось в ведении Попечительского комитета по делам колонистов Южной России. Его председателем в 1818–1841 гг. в Кишиневе был генерал И.Н. Инзов. Примечательно, что рядом с резиденцией генерала в 1820–1823 гг. проживал А.С. Пушкин (с. 101).

Шмидт считает, что немецкие колонии в Бессарабии находились под особым управлением центра и пользовались местной автономией: царское правительство шло на сознательный эксперимент, предоставляя колонистам большую свободу в организации внутренней жизни и поддерживая их, в том числе и материально. «Колонии представляли собой опытную модель, пример которой должен был продемонстрировать возможности местного сельского хозяйства, роста благосостояния крестьян в том случае, когда они лично свободны, располагают самоуправлением и пользуются поддержкой», – пишет автор (с. 107). Она полагает также, что бессарабские немцы оказались в роли пионеров, внедряя рациональное землепользование и инновационные методики по развитию и улучшению сельхозпроизводства при государственной поддержке. Опыт иностранных колони-

стов должен был послужить примером для местного населения, которое рассчитывало получить права, аналогичные немецким. Эта интересная мысль не нашла, к сожалению, должного развития в книге. В частности, это касается вопроса о том, насколько сильно повлиял опыт бессарабских сельских колоний на преобразования и реформы, проводившиеся в аграрной сфере. Хозяйство в поселениях находилось на более высоком уровне, нежели у основного населения Бессарабии и близлежащих областей, однако после того, как в 1871 г. немцы лишились привилегированного статуса, у них начались экономические трудности, что проявилось в массовом переселении в другие регионы и страны. Шмидт объясняет это тем, что колонисты были разочарованы отменой тех гарантий, что были даны Александром I, особенно в части освобождения от воинской службы. Всего с 1857 по 1932 г. Бессарабию, по подсчетам автора, покинули по разным мотивам более 19 тыс. чел., что составляло четверть всего немецкого населения этого региона. Более половины переселенцев устремились в США, а также в страны Южной Америки (с. 252). Таким образом, немецкие переселенцы реагировали на реформы Александра II, которые захватывали и национальные окраины: в Бессарабии учреждалась земства, на смену немецкому самоуправлению приходило волостное, мужчины подлежали призыву в русскую армию. При этом автор подчеркивает прогрессивность реформ Александра II, а самого его называет «дружески настроенным к немцам» (с. 281). Эта политика была свернута с вступлением на русский престол Александра III, который, по утверждению Шмидт, выступал с панславистских и национал-шовинистических позиций. В его правление в Бессарабии началась политика русификации и репрессий в отношении национальных меньшинств.

Автор акцентирует внимание на том, что именно на территории Бессарабии в начале XX в. началась волна погромов. Причиной антисемитизма она традиционно называет политику «разделяй и властвуй», которую проводил царский режим. Бессарабские немцы также становились жертвами национализма и ксенофобии: власти разрабатывали проекты ограничения их хозяйственных прав (в частности, свободной торговли на рынках). Националисты называли их «захватчиками», «разорителями», «завоевателями» (с. 284). Однако, несмотря на эти эксцессы, бессарабские немцы оставались

лояльными правительству. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда немецкие колонисты в массовом порядке были выселены в глубь страны из-за опасений их перехода на сторону Австро-Венгрии и Германии. Однако автор приводит примеры того, что бессарабские немцы доблестно сражались в рядах русской армии.

Немецкие национальные меньшинства на территории Восточной Европы в начале XX в., будь то Поволжье, Царство Польское, Бессарабия, Галиция, утратили непосредственный контакт с исторической родиной, с Германией. После 1918 г. в новообразованных государствах и странах: в Польше, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии – эти фольксдойч сумели приспособиться к изменившимся условиям. В силу этого, переселение в «тысячелетний рейх» в 1939–1940 гг. переносилось ими болезненно.

В 1918 г. начинается новый этап в истории бессарабских немцев, оказавшихся под румынским владычеством. Особое внимание уделено в монографии румынизации Бессарабии после 1918 г. Данная политика характеризуется автором как закономерный ответ на политику русификации и притеснения молдавского меньшинства в царской России (с. 301). Соответственно, румынизация способствовала национальному развитию и повышению культурно-образовательного уровня молдаван: недаром, именно школы стали главным объектом румынизации.

При всей неоднозначности такой трактовки молдавской истории, следует отметить, что Шмидт верно акцентирует внимание на том, что румынизация негативно отразилась на других национальностях, оказавшихся в составе «Великой Румынии».

Волей держав Антанты их балканский союзник, который не слишком преуспел в войне и в итоге подписал с державами Тройственного союза сепаратный Бухарестский мир в мае 1918 г., тем не менее, по Парижскому миру увеличил свою территорию более чем вдвое! Таким образом, впервые в своей истории практически все румыны оказались в составе единого государства. Однако вместе с тем Румыния получила значительное число национальных меньшинств – около четверти от всего населения (и это при том, что молдаване не считались отдельной нацией, а причислялись к румынам).

Наиболее значительными национальными меньшинствами в составе Румынии были венгры (ок. 1,5 млн), немцы (ок. 750 тыс.), евреи (725 тыс.), русские и украинцы (ок. 800 тыс.), а также болгары, турки, цыгане. Таким образом, «Великая Румыния» была многонациональным государством, и румынскому руководству было необходимо решать проблему национальных меньшинств, что было нелегко. Этот аспект находится в центре внимания рецензируемого исследования.

Автор подчеркивает, что румынское правительство подписало в Версале в 1919 г. договор о защите национальных меньшинств под давлением держав Антанты. Однако на практике происходила не только румынизация, но и дискриминация отдельных национальностей. Особенно это коснулось бессарабских немцев, которые, в отличие от своих соплеменников в бывших габсбургских землях (семиградских саксов и банатских швабов) и венгров, не получили никаких привилегий. Напротив, они испытали сильное давление со стороны новых властей не только в образовании, но также и в сфере местного самоуправления и делопроизводства. Названия населенных пунктов, улиц переименовывались на румынский манер. Автор приводит характерный пример, когда по закону 1937 г. предприниматель был обязан нанять не менее 75% «румын по крови» (с. 303).

Естественно, что такая политика не содействовала конструктивному диалогу между румынскими властями и национальными меньшинствами. Оказавшиеся в начале 1930-х годов в тяжелом экономическом положении немцы Бессарабии обратили свои взоры в поисках помощи и защиты на национал-социалистическую Германию.

Отдельное внимание в монографии уделено так называемому движению обновления среди немцев Румынии. Оно возникло в конце 1920-х годов в Трансильвании под влиянием германского национал-социализма. Лидером (фюрером) обновленцев был Фриц Фабрициус, признанный официальным представителем НСДАП и лично Адольфа Гитлера среди румынских немцев. У бессарабских немцев лидером обновленцев стал д-р Отто Бронеске. У. Шмидт подчеркивает, что, несмотря на активную пронацистскую пропаганду и активность обновленцев, их влияние на немцев Бессарабии было незначительным. Причинами тому называются традиционная аполитичность, разобщенность в малых селах и

поселениях, что делало затруднительной активную пропаганду. Бессарабским немцам были чужды агрессивные антирелигиозность и русофобия обновленцев (с. 308). На мой взгляд, такая трактовка является односторонней, и не объясняет, почему в 1940 г. бессарабские немцы в массе своей оказались солидарны с переселением «в тысячелетний рейх», оставались лояльными подданными нацистской Германии, сражались в рядах вермахта. К сожалению, Шмидт не уделяет данному вопросу специального внимания.

Подобно аналогичным движениям, пользовавшимся поддержкой у молодой генерации немцев в странах Восточной и Юго-Восточной Европы (например, младонемецкой партии в Польше), обновленцы в Румынии не смогли объединить всех немцев под своими знаменами, их лидеры не получили должного признания у нацистского руководства. Например, немецкие эмиссары даже не допустили Бронеске к выселяемым из СССР в 1940 г. бессарабским немцам. Но в итоге этот факт помог ему после 1945 г. избежать серьезного наказания за сотрудничество с нацистами и много лет возглавлять Землячество бессарабских немцев (с 1953 по 1976 г.). Умер Бронеске в 1989 г. в возрасте 90 лет!

Бессарабия вместе с Буковиной была одним из четырех центров социал-демократического движения Румынии. Социал-демократическая краевая организация Буковины (центр – Черновцы) во главе с известным теоретиком Якобом Пистинером издавала газету на немецком языке «Vorwärts». К сожалению, в рецензируемом издании мало места уделено характеристике немецкоязычной социал-демократии Бессарабии, боровшейся за права национальных меньшинств. На съезде социал-демократической партии Румынии в 1930 г. была принята особая резолюция по национальному вопросу, требовавшая законодательных гарантий прав национальных меньшинств, в частности, права на образование на родном языке, на равноправие языков меньшинств в области государственного управления и т.д. Однако эти требования не были услышаны румынским руководством, которое лишь ужесточало политику в отношении национальных меньшинств. В ответ среди румынских немцев усиливались националистические настроения, ширилась симпатия национал-социализму. В конце 1930-х годов, в условиях сближения с третьим рейхом, румынские власти под

давлением союзника пошли на большие уступки немецкому меньшинству, прежде всего трансильванским саксам.

Автор справедливо указывает, что бессарабские немцы в массе своей не могут считаться сознательными сторонниками национал-социалистической идеологии. Симпатии в отношении Германии были особенно сильны среди молодого поколения, что было связано с антидемократической политикой правящего румынского режима, где немцы долгое время притеснялись как национальное меньшинство. Это вело к идеализации прародины, в которой Гитлер осуществлял грандиозный национал-социалистический эксперимент, нередко видевшийся из далекой Бессарабии в идеалистических красках. Вскоре и сами местные немцы стали объектами этого эксперимента, подвергнувшись переселению на историческую родину.

Особое внимание автор монографии уделила выселению немцев из перешедшей в 1940 г. к СССР Бессарабии. Традиционно для зарубежной историографии она увязывает это событие с секретным протоколом к советско-германскому пакту 1939 г. Это соглашение помогло бессарабским немцам избежать до переселения серьезных преследований со стороны советских спецслужб. Советские власти не проводили среди них проверок и арестов, не изымали имущество и разрешали спокойно отправлять религиозные культы. Пастор Эрвин Мейер из бессарабского села Лейпциг подчеркивал, что «все это благодаря германской защите» (с. 312).

Осенью 1940 г. началось выселение бессарабских немцев. Автор акцентирует внимание на работе советско-германской комиссии по переселению, принципах и организации этого процесса. Обязаны ли были все немцы переселиться, из содержания книги не совсем ясно.

Ответ на этот вопрос дан в статье Шмидт, опубликованной в конце 2009 г. («Heim ins Reich»? Propaganda und Realität der Umsiedlungen nach dem «Hitler–Stalin–Pakt» // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 26/2009), из которой ясно, что подавляющее большинство немцев выехали в Германию, но те, кто не захотел покинуть привычные места – остались (ок. 2 тыс. чел.). Тем самым, следует констатировать, что выселение немцев не было насильственным, они сами предпочитали

покинуть перешедшую под управление большевиков область, опасаясь репрессий, коллективизации, высылки в Сибирь. Прельщала и возможность не только получить на новой/старой родине участок, но и компенсацию. Однако реалии оказались далеко не такими радужными, как обещала нацистская пропаганда.

Бессарабские немцы месяцами находились в пересыльных и фильтрационных лагерях. В Германии их не воспринимали как немцев, называя «лучшими из арабов», «балканцами». Да и жить приходилось начинать практически с нуля, и это в условиях все разгоравшейся мировой войны, когда мужчин призывали в армию, а женщины, старики и дети оказались в итоге на положении беженцев и депортированных. Тем самым бессарабские немцы слились с основной массой изгнанных после войны из стран Восточной Европы немцев и смогли начать новую жизнь в Германии только после 1945 г.

Сама автор книги в детстве также пережила выселение. Во многом этим объясняется ее заинтересованное, эмоциональное отношение к описываемым событиям. В книге несколько сот иллюстраций, в основном фотографий отличного качества, которые позволяют представить себе жизнь и быт бессарабских немцев, их взаимоотношения с другими национальностями, сохранившиеся следы их проживания. Специального внимания заслуживает словарь слов иностранного происхождения, которые вошли в лексикон бессарабских немцев. Среди них много русских терминов и обозначений: «начальник», «аршин», «закуска», «трактир», обычай кричать «горько». Таким образом, прослеживается влияние страны пребывания на немецких переселенцев.

В целом рецензируемая монография вносит существенный вклад не только в изучение миграционных процессов в Восточной Европе, но и в историю Молдавии, дает яркие характеристики ее многонациональному населению в XIX–XX вв. Уже осуществлен ее перевод на английский язык. На мой взгляд, действительно необходим перевод и на русский язык, что позволило бы русскоязычному читателю познакомиться со свежим взглядом из Германии на историю Бессарабии.

© 2011 г. С.В. Кретинин

Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010. 248 с.

Рецензируемое издание является итогом плодотворного сотрудничества русских и словенских литературоведов, участвующих в проекте создания истории словенской литературы на базе Института славяноведения Российской академии наук, в котором задействован также ряд сотрудников Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. Организатором и координатором работы является Н.Н. Старикова.

Настоящая книга представляет собой первую часть проекта, а именно обзор словенской литературы от ее истоков, датируемых первым тысячелетием, до конца Первой мировой войны (1918). Впервые в русской славистике словенская литература рассматривается самостоятельно, до этого главы, ей посвященные, включались в общие истории славянских литератур. Это одно из немногочисленных сейчас исследований истории словенской литературы, предназначенных иностранному читателю (за последнее время единственным ярким примером подобного рода стало издание 1995 г., принадлежащее перу сербской славистики М. Митрович, в немецком переводе оно вышло в 2001 г.).

Книгу отличает качественная редакторская работа. Ее открывает введение редактора Н.Н. Стариковой, знакомящее читателя с методологическими основами проекта и основными особенностями литературного процесса рассматриваемого периода с учетом исторических, культурных и социально-политических факторов. Далее следует достаточно объемный очерк истории словенцев до Первой мировой войны (автор – историк С. Гранда), который воссоздает особенно важный для иностранного читателя контекст, способствующий пониманию типологических особенностей и специфических черт словенского культурного развития. В книге есть еще один вводный раздел, написанный М. Голеж Каучич, в котором доступно и всесторонне освещается словенское народное творчество.

Книга состоит из трех частей, соответствующих истории развития словенской литературы: первая из них охватывает времен-

ной отрезок от X в. до середины XVIII в., вторая – от середины XVIII в. до восьмидесятых годов XIX в., третья – 1890–1918 гг. Внутри каждой части выделяются отдельные периоды и направления. Первая часть начинается с главы, посвященной древним письменным памятникам (X–XV вв.). Авторы Й. Фаганел и Н. Старикова уделяют максимум внимания наиболее древнему и значительному памятнику – Фрейзингенским отрывкам, рассматриваются также и другие сохранившиеся рукописи – Целовещкая, Стичненская, Видемская и Шкофьелокская. В следующей главе те же авторы переходят к описанию словенской реформации (вторая половина XVI в.), недолгого периода словенского протестантизма, ставшего во многом переломным моментом для литературы, культуры и национального самосознания словенцев в целом. В этот период, благодаря усилиям протестантов П. Трубара, С. Креля, Ю. Далматина и А. Бохорича, появились первые грамматики и первый перевод Библии на словенский язык, а также, как отмечают авторы, возник интерес к другим славянским народам и их судьбам. За этим кратким периодом реформации последовала контрреформация, замедлившая дальнейшее развитие. Первую часть книги завершает глава о литературе барокко (приблизительно 1650–1750 гг.), написанная Й. Фаганелом и Л. Видмаром. Она посвящена словесности, носившей в тот период преимущественно религиозный характер: проповеди священников Свотокрижского и Рогерия, театральные постановки, так называемые живые картины или пассионы, которые ставили в основном иезуиты и капуцины (наиболее известный из них – «Шкофьелокский пассион» патера Ромуальда) и церковные песнопения на словенском языке. Внимание уделяется также научным трактатам на латинском и немецком языках, в первую очередь историческим и этнографическим (на первом месте по значению здесь стоит труд Я.В. Вальвазора «Слава герцогства Крайна»). Эти издания способствовали повышению уровня образования в Словении и оказали положительное влияние на куль-

туру. Среди положительных последствий – учреждение различных академий, развитие высшего образования и открытие в 1701 г. первой научной библиотеки. Во многом благодаря научной и культурной деятельности возрождается светская жизнь и создается основа для формирования светской художественной литературы.

Вторая часть книги включает две главы, соответствующие двум периодам развития художественного слова. Т. Чепелевская в своей главе рассматривает эпоху Просвещения и романтизма (приблизительно 1750–1850 гг.), сыгравшую ключевую роль в развитии национальной литературы. В начале рассказывается о деятельности просветителей, «Академии деятельных мужей», кружках Похлина и Цойса. Затем подробно рассматривается литературное творчество двух первых словенских светских поэтов А. Дева и В. Водника, упоминаются также У. Ярник, чьи блестящие поэтические переводы оказали значительное влияние на развитие словенского литературного языка, и первый словенский драматург А.Т. Линхарт. Достаточно внимания уделяется общекультурным и политическим процессам рассматриваемого периода, в том числе так называемой азбучной войне: полемике по поводу словенской орфографии (алфавите), панславизму и иллиризму. Говорится о роли Е. Копитара, важнейшего деятеля национального возрождения, приверженца идеи «литературы, понятной простому народу», и его идейном противнике М. Чопе. Друг Ф. Прешерна, возможно, самый образованный и европейски ориентированный словенец своего времени, Чоп познакомил соотечественников с достижениями современной европейской культуры и литературы, в первую очередь с романтизмом. В Словении это течение зарождается в 1830 г. и достигает своей вершины в творчестве великого поэта Прешерна, в поэзии которого получают развитие его национальные компоненты. Прешерн поднял словенский язык до высочайшего художественного уровня, в идейно-эстетическом плане его творчество сопоставимо с вершинами европейской литературы того времени. Однако это было скорее исключение, чем правило. Словенская проза тогда все еще оставалась просветительской по духу.

Следующий период, «литература между романтизмом и реализмом» (50–80-е годы XIX в.), описан в главе М. Бершадской. Вначале автор уделяет большое внимание общественно-политическим процессам в

Словении, в частности конфликтам старословенцев и младословенцев, затем переходит к рассмотрению литературных произведений. Она анализирует творчество крупнейшего поэта начала периода С. Енко и особенно подробно останавливается на его сатирической поэме «Огнепламтич», пародии на поэму «Крещение у Савицы», написанную Прешерном в духе национального романтизма. Пародия на романтический дискурс в «Огнепламтиче» демонстрирует переход от все еще лежащего, в отличие от других европейских литератур, романтизма к реализму. С одной стороны, сохранялось сильное влияние поэтической романтической традиции Прешерна как вершины словенской литературы, с другой – романтическая проза не получала развития. Бершадская рассматривает поэзию, прозу, драматургию и критику данного периода (наибольшее внимание уделяется Й. Юрчичу, Ф. Эрьявцу, Й. Стритару, Я. Трдине, И. Тавчару, Я. Керснику, С. Грегорчичу, А. Ашкерцу, Ф. Левстику), а также обращает внимание на роль, которую в развитии словенского реализма сыграли русские теоретики литературы и писатели.

Автором последней части, в которой рассматривается краткий, но насыщенный период литературы словенского модерна (1890–1918 гг.), выступила М. Рыжова. В начале главы удачно представлена специфика периода: с одной стороны, все более богатая и разнообразная социально-политическая жизнь, оказавшая неоднозначное влияние на литературу, с другой – ускоренное развитие литературы, разнообразие направлений и течений. Показано, как возникла особая ситуация сосуществования таких противоположных друг другу литературных направлений, как реализм и натурализм, с одной стороны, и импрессионизм и символизм – с другой. Подробно рассмотрено позднее творчество И. Тавчара и А. Ашкерца, анализируются произведения А. Градника, но наибольшее внимание уделяется «великой четверке» словенского модерна: Й. Мурну, Д. Кетте, О. Жупанчичу и главному словенскому прозаику и драматургу И. Цанкару. В заключение автор делает вывод, что, начиная именно с этого периода, словенская литература полноправно включается в общеевропейский литературный процесс. Содержание книги дополняют приложения, где в форме таблиц представлены списки средневековых рукописей и отрывков на словенском языке, протестантских книг второй половины XVI в., печат-

ных и рукописных произведений эпохи барокко и важнейших литературно-критических изданий XIX в. На внутренней стороне обложки напечатана карта Словении с обозначением ее исторических областей.

«Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX вв.» представляет собой хорошо продуманную и качественно выполненную литературоведческую работу. После обзора древних периодов авторы подробнее рассматривают культурный и исторический контекст, при анализе более поздних периодов они стремятся наиболее полно осветить все роды и виды литературы: поэзию, прозу, драматургию и литературную критику. В качестве рабочих литературоведческих методов используются преимущественно типологический и культурологический. Везде, где это возможно, обращается внимание на непосредственные контакты словенской и русской литературы и культуры, а также на более широкие общеславянские параллели. В данном контексте в период Реформации особо отмечается роль дипломата Ж. Герберштейна, автора одной из первых культурно-исторических работ о России, в более позднее время – гоголевский тип прозы С. Енко, типологическое сходство рассказов Я. Трдинны и М.Е. Салтыкова-Щедрина, роль, которую для теории (Ф. Левец, Ф. Целестин) и практики (Я. Керсник) словенского реализма сыграли произведения русских революционных демократов и писателей-реалистов, а также влияние русских авторов Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова,

А.В. Кольцова на писателей словенского модерна. Фиксация конкретных связей и установление типологического сходства словенской и русской литератур является значительным вкладом настоящей книги в изучение двусторонних межкультурных отношений. Другим важнейшим достижением представляется отражение специфики развития словенской литературы. Именно с этой точки зрения рецензируемый труд является особенно ценным не только для российских, но и для словенских читателей. Взгляд со стороны, с позиции другой культуры всегда обогащает знание каждой культуры о самой себе.

Обзор истории словенской литературы заканчивается в настоящем издании периодом словенского модерна, когда она начинает развиваться параллельно с литературами других европейских стран. Судя по всему, следующие этапы будут рассмотрены во второй книге, готовящейся в рамках того же проекта. Но уже эта первая работа, которую отличают четкая методология, качественная работа редактора и весомый вклад русских и словенских исследователей, свидетельствует о том, что данный двусторонний проект несомненно обогатит не только русскую и международную славистику, но и словенскую литературоведческую историографию.

© 2011 г. *Т. Вирк*

© 2011 г. *Перевод со словенского
М.Л. Кулешовой*

XXV конференция «Славяне и их соседи»

18–20 мая 2010 г. в Институте славяноведения РАН состоялась очередная, XXV конференция из цикла конференций «Славяне и их соседи», организуемых отделом истории Средних веков в память бывшего заведующего отделом, выдающегося российского палеослависта Владимира Дорощевича Королюка. Все они подчинены главной цели – систематическому рассмотрению самых разных аспектов отношений славянских народов с соседними этническими общностями и между собой.

Тема «Власть и общество», исключительно значимая для изучения исторических путей развития славянского мира, не раз становилась предметом специального обсуждения на научных встречах. В рамках этой темы особый интерес представляет вопрос о том, как общество осмыслило само появление государственной власти, ее необходимость, осознавало ее роль в общественной жизни, понимало связь между появлением власти и социальным делением общества. Этот вопрос и был вынесен на обсуждение очередной конференции, которая прошла под названием «Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени». В ней приняли участие специалисты различных гуманитарных дисциплин – истории, этнологии, лингвистики, археологии, искусствоведения, культурологии, представлявшие научные институты и университеты Болгарии, Венгрии, Литвы, Украины, России (гуманитарные институты РАН, Московский, Санкт-Петербургский, Тверской, Новосибирский университеты, РГГУ, Коломенский пединститут и другие научные учреждения). Преимущественное внимание было уделено таким малоизученным аспектам проблемы, как сопоставление легенд о появлении государственной власти, зафиксированных в исторической традиции разных славянских народов, выявление специфики славянских мифов о происхождении власти в сравнении с соответствующими представлениями других народов средневековой Европы, эволюция этих представлений (как важной части общественного сознания) в славянском мире на протяжении Средневековья и раннего Нового времени под влиянием различных факторов, в том числе зарождающегося научного знания. При рассмотрении этих и других вопросов участники представили многообразие исследовательских практик своих научных дисциплин и одновременно продемонстрировали взаимодействие разных подходов к заявленной теме. Доклады охватывали значительный хронологический период, с VII по XX в., и широкий пространственный ареал.

Председатель Оргкомитета конференции чл.-корр. РАН *Б.Н. Флоря*, анализируя во вступительном слове эволюцию взглядов средневековых авторов восточной части Европы на происхождение власти, говорил о пронизывающем тексты хроник раннего Средневековья чувстве историзма: хронисты воспринимали себя живущими в новой эпохе, резко отличной от эпохи более ранней, когда не существовало отделившейся от общества государственной власти; они, если не понимали, то ощущали, что речь идет о качественных переменах в жизни общества. Видимо, подобное ощущение присутствовало уже тогда, когда возникала сама государственная власть, то есть еще во времена язычества. Осознание необходимости такой власти находило тогда своеобразное выражение в возникновении мифов и легенд, акцентировавших особые чудесные свойства самих носителей власти, что и было продемонстрировано в ряде докладов.

Так, *С.Ю. Неклюдов* исследовал комплекс проблем, связанных с иерархическими отношениями в языческих пантеонах. Внимание докладчика было сосредоточено на коммуникативных отношениях в обрядово-мифологических практиках, отраженных в текстах, обращенных к богам, с одной стороны, и в текстах самих богов (поучения, речи и пр.) – с другой. Автор увидел в них продуктивную в дальнейшем модель текстов, адресованных власти и от нее исходящих. *М.А. Бойцовым* была проведена реконструкция следов «исторической картины» готов по «Гетике» Кассиодора и Иордана, включающей обоснование их появления в Причерноморье, начало социальной стратификации, разделение на группы и пр. Согласно предложенной в докладе *Н.А. Ганиной* реконструкции верований славян о Рюген на основе сведений из сочинений XII в. Саксона Грамматика и Гельмольда Босауского и реликтов автохтонной символики, верховная власть имела там сакральную природу и была связана с культом Святовита. *В.В. Рыбаков* обратил внимание на сочинение Адама Бременского «Описание северных островов» как на важный источник по истории Скандинавии, в том числе в контексте обсуждавшихся на конференции вопросов. Использование пантеона архаической религиозно-мифологической системы в средневековых мифах о происхождении власти и правящих династий анализировалось в докладах *Ц. Степанова* «Лань и/или корова: представления о генезисе болгарской царской власти сквозь призму женского начала» и *И. Фодора* «Культ орла у древних венгров». Последняя тема нашла продолжение в докладе *А.М. Кузнецовой* «Легенды и мифы о происхождении государства в средневековой Венгрии».

Рассматривая мотивы, связанные с идеей государственной власти, зафиксированные в славянских фольклорных легендах и устных рассказах XIX–XX вв., *О.В. Белова* проанализировала, в частности, сам механизм трансформации архаических сюжетов (о наделении земель, счастьем и пр.) в легендах, отмеченных идеями власти и государства.

С принятием христианства образуется своеобразный сплав языческих легенд с христианскими представлениями и традициями. В эпоху раннего Средневековья этот сплав служил все той же цели – обоснованию необходимости отделенной от общества государственной власти. В вышеназванных докладах эта проблема затрагивалась, но непосредственно она оказалась в центре внимания *С.А. Иванова* в докладе «Византийские фольклорные представления о “власти еще не от Бога”», в котором автор на материале мифов об Александре Македонском показал, что в Византии не было противопоставления языческого представления о власти новому христианскому дискурсу; здесь оригинальное языческое мифотворчество не прекращалось и до какой-то степени было санкционировано церковью. Византийская тема была продолжена в представленном *В.В. Васликом* тексте доклада «Предание об императоре Константине в византийской гимнографии» и в докладе *Л.В. Луховицкого* «Император – избавитель от идолов», в котором поднимался вопрос о представлениях участников иконоборческих споров VIII–IX вв. о пределах императорской власти. *Д.Е. Алимов*, исследуя противоречивые сведения о ранней истории хорватов в труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», пришел к выводу об отражении в этом источнике процесса утверждения хорватской элиты в качестве основы этнополитической общности и ее идентичности.

Большое внимание на конференции было уделено памятникам Древней Руси. *П.В. Лукин* в докладе «Восточнославянские “племена” и их князья: конструирование истории Древней Руси» пришел к выводу, что упоминаемые русскими книжниками «племена» и их правители-династы (в частности, эпонимы Радим, Вятка и пр.) в основном не были ими выдуманы, а были вписаны в предысторию христианской Руси в качестве языческого отрицательного фона, но они уже не участвовали в описании собственно русской истории. Проблемы достоверности источников, касающихся русских династических легенд, рассматривалась и в других выступлениях, в частности, в докладе *В.Я. Петрухина* «Миф, история и вымысел в русских средневековых преданиях о происхождении власти». *А.С. Щавелевым* была предложена реконструкция процесса сложения летописного текста о Кие, прежде всего использование информации о предшественниках Олега и Игоря – Аскольде и Дире, связываемой автором текста с легендой о Кие. Специально легенде об Олеге в древнерусской традиции в контексте развития взглядов о династическом принципе правления был посвящен доклад *Т.Л. Вилкул*. Связь между представлениями о власти и матримониальной практикой в отношении вдов правителей в средневековой Скандинавии и на Руси была прослежена *А.Ф. Литвиной* и *Ф.Б. Успенским*.

По мере развития и усложнения социальной структуры общества и характера его отношений с государственными институтами вопрос о происхождении власти стал привлекать к себе внимание сил, которые стремились изменить тем или иным способом сложившийся в обществе баланс интересов. В этих условиях можно наблюдать сложную эволюцию представлений о происхождении власти, эволюцию, которая говорит о важных переменах в общественном сознании. Данной проблеме в целом был посвящен доклад *Ю.В. Пахомова* «Легитимация власти через легенды и политическая история Средневековья». В контексте политических представлений в средневековой Западной Европе *Е.К. Гладковым* был рассмотрен трактат XII в. английского мыслителя Иоанна Солсберийского «Поликратик», в котором, по определению докладчика, речь шла о гармоничном распределении дарованной Господом власти между «головой» и «сердцем», т.е. королем и его советом.

Комплекс вопросов, связанных с указанными переменами в общественном сознании, поднимался в докладах, посвященных развитию соответствующих представлений в различных славянских странах. *Б.Н. Флоря*, анализируя польские хроники конца XII–XIV вв. (Кадлубек, Великопольская хроника, Длугош), выявил изменения во взглядах на возникновение монархии и ее роли – от представлений о ней как единственной силе, способной организовать справедливый общественный порядок до представления о ее успешном функционировании только при сосуществовании с органами власти, созданными самим обществом. Чешская этатизационная легенда оказалась в центре внимания двух докладов – *Л.П. Лаптевой* и *Г.П. Мельникова*. В них рассматривались отраженные в хрониках XII–XVI вв. мифы и легенды о происхождении чешского государства и власти и их влияние на идею гомогенности чешского общества и развитие чувства национальной идентичности.

Ряд докладов был посвящен анализу мифологем о происхождении государства и властных институтов в западнобалканском регионе. *О.А. Акимовой* был проанализирован рассказ о создании христианского славянского государства и его институтов из южнославянского памятника XII в. «Летопись попа Дуклянина». Формированию особой государственной идеологии Дубровника посвятила свое выступление *И.Г. Воробьева*. *А.А. Турилов* проследил в текстах сербских родословов XIV–XV вв. стремление к удревнению династии Неманичей, обоснованию римских корней ее власти и установил первенство сербских книжников в этом вопросе в ареале Slavia Orthodoxa. Последующая разработка этой мифологемы в виде легенды о происхождении Рюрика от рода Августа и власти русских государей от императоров Рима и Византии была проанализирована *Е.В. Пчеловым* в докладе «Легенда о происхождении русских князей в “Послании” Спиридона-Саввы в контексте представлений о всемирной истории».

Эволюция представлений о власти усложнилась в эпоху раннего Нового времени, когда наряду с появлением новых, характерных для новой эпохи потребностей, началось сложное взаимодействие традиции с элементами нарождающегося научного знания о прошлом славян. Рассмотрению в этой связи интерпретации славянских династических легенд в произведениях польской историографии XV–XVII вв. (в том числе в контексте ее влияния на представления о начале государственной власти у восточнославянских авторов) были посвящены доклады *В.Д. Карнаухова*, *К.А. Кочегарова*, *О.Б. Неменского*.

Высказанные участниками конференции идеи нашли отражение в изданном сборнике ее материалов (Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010).

© 2011 г. *О.А. Акимова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ»

Международная научная конференция «Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы», приуроченная к 600-летию битвы при Грюнвальде, прошла в 2010 г. в Брянском государственном университете им. академика И.Г. Петровского (БГУ). Конференция была организована при финансовой поддержке фонда «Русский мир» (грант № 2009/П-134). Всего в программе значилось более ста докладов и сообщений, сделанных учеными из России, Белоруссии, Украины, Польши, Венгрии, Болгарии и США.

Началась конференция с приветствий федерального инспектора в Брянской области *М.М. Калашикова* и ректора БГУ *А.В. Антюхова*.

Доклады на пленарном заседании представляли как исторические, так и филологические темы. С докладом «“Русь” на юге восточнославянского мира» выступил чл.-корр. НАН Украины *А.П. Моця* (Ин-т археологии НАНУ); с докладом «Славяне и Русь – первая встреча с миром цивилизации» – *В.Я. Петрухин* (ИСл РАН). Зав.кафедрой отечественной истории древности и средневековья БГУ *Е.А. Шинаков* проанализировал военную историю литовско-московского пограничья в эпоху Куликовской битвы и Грюнвальда.

Вопросы восприятия русского языка за рубежом прозвучали в выступлении *К.В. Михайлова* (Ин-т литературы БАН) («Русские образы в болгарском культурном пространстве»), а с темой «Влияние восточнославянского фольклора на творчество польских писателей и польский фольклор (на примере избранных произведений)» выступил старший преподаватель Университета Марии Кюри-Скловской в Люблине (Польша) *Л. Микрут*.

Значительный интерес привлек доклад известного венгерского филолога-русиста, обладателя двух медалей Пушкина, профессора ун-та им. Иштвана Сечени в Дьёре (Венгрия) *И. Бакони* «Вопросы обучения межкультурной коммуникации и деловому общению по русскому языку в Венгрии. (Теория и практика обучения русскому языку на продвинутом этапе)».

Далее работа конференции проходила по четырем секциям.

В рамках секции «Филология и фольклор» было заслушано 27 докладов. География участников и тематика выступлений была достаточно разнообразной. Ряд выступлений был посвящен языковым процессам на русско-белорусско-украинском пограничье (*О.В. Белова* (ИСл РАН) – «Фольклор брянско-гомельского и брянско-черниговского пограничья: диалог региональных традиций»; *А.А. Станкевич* (Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины) «Обрядовая лексика в говорах белорусско-русского пограничья: межъязыковые контакты и взаимодействие»; *В.Н. Курцова* (Ин-т языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы НАНБ) «Белорусско-русское пограничье: особенности развития языковых процессов в современных белорусских говорах»; *С.Н. Стародубец, М.А. Мухина* (Новозыбковский филиал БГУ) «Образ домового на территории российско-белорусского пограничья»). Значительный блок представляли сообщения о языке Великого княжества Литовского (*Н.В. Полещук* (Ин-т языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы НАНБ) – «Полилингвизм в Великом княжестве Литовском»; *Д.Д. Павловец* (Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины) «О “русском” языке как о государственном в Великом княжестве Литовском») и др. Доцент исторического факультета Северо-западного колледжа в г. Сент-Пол (Миннесота, США) *М.Л. Миллер* привлек внимание собравшихся содержательным выступлением на тему «Американская YMCA-Press и русские читатели в XX в.».

Особенно стоит отметить методические доклады по вопросам преподавания русского языка, сделанные представителями Католического университета им. Иоанна Павла II в Люблине *М. Видел-Игнашчак* «Религиозная лексика на практических занятиях по рус-

скому языку в польском вузе – конфронтация языка и культур» и *М. Моцаж* «Гевтонские замки в туристических путеводителях по Польше – интеркультурные вопросы перевода на русский язык», а также преподавателем Новозыбковского филиала БГУ *С.М. Пронченко* «Изучение русского языка на территории российско-белорусско-украинского пограничья».

На секции «Древность и Средневековье. Археология и история» было заслушано 28 докладов. Здесь также выступали представители различных учебных и научных учреждений из России, Украины, Белоруссии, Польши. *Е. Куцнеж*, (Музей Замойских в Замостье. Польша) рассказал о находках мечей и топоров XIV–XV вв. в пограничной полосе Червонной Руси и Польского королевства на фоне вооруженных конфликтов Венгрии, Польши и Литвы с Русью и войны с тевтонским орденом в 1410 г., а *К.Я. Горчыца* (Окружной музей в Конине. Польша) дал подробную характеристику королевскому замку в Конине; *М.Г. Гусаков* и *В.Е. Соболев* (ИА РАН) представили итоги поисков археологической идентификации Смоленска XIV–XV вв.

Истории материальной культуры были также посвящены доклады *И.П. Возного* (Черновицкий национальный ун-т им. Юрия Федьковича) «Вооружение воина на территории между Средним Днестром и Верхним Сиретом в период борьбы за Галицко-Волынское наследство (1340–1387)», *Г.К. Патрик* (ИА РАН) – «Польско-литовское присутствие в Смоленске XV–XVII вв. по материалам изразцового искусства», *С.Ю. Грачева*, *В.О. Пискунова* (БГУ) – «Монетное обращение восточной части Великого княжества Литовского (конец XIV – начало XV века)», *А.А. Чубура* (БГУ) – «Древнерусский обруч из Трубчевского клада 2009 г.: аналогии, сюжет, семантика».

Тематика по истории международных отношений была представлена сообщениями *М.К. Юрасова* (ИРИ РАН) «Существовал ли антипольский русско-германский союз после смерти Болеслава Храброго»; *Л.А. Ефремова* (РГУ им. И. Канта. Калининград) – «Битва при Рудаву»; *Л.А. Ивониной* (Смоленский гос. ун-т) – «Речь Посполитая во взаимоотношениях Фридрих Вильгельма I и Петра Великого»; *Н.П. Магер* (Общество ревнителей православной культуры, г. Москва) – «История междоусобной борьбы Ягайло и Витовта, объединившихся в битве при Грюнвальде»; *В.М. Пуся* (БГУ) – «Стародубская земля и Грюнвальдская битва: военно-политический аспект». Выступления *В.Б. Еворовского* (Ин-т философии НАНБ) «От Киевской Руси к Великому князству Литовскому: пути и механизмы трансляции интеллектуальной и политической культуры» и *В.И. Ульяновского* (КНУ им. Т. Шевченко) «Две Руси в восприятии аристократа первой трети XVI в.: “московские сюжеты” в жизни великого гетмана литовского кн. К.И. Острожского» были посвящены вопросам духовной истории и культуры указанного хронологического периода.

Некоторые выступления были посвящены вопросам истории отдельных земель Руси в Средневековье. *А.В. Гурьянов* (БГУ) проанализировал украинскую историографию истории Северских земель XIII–XV вв., *Г.В. Поляков* (БГУ) – Брянское княжество в составе Великого княжества Литовского. *В.Б. Звагельский* (Сумской гос. ун-т) выступил с сообщением «К вопросу о пограничных территориях юго-востока Руси во второй половине XII века».

Третья секция была посвящена Новой и новейшей истории. В программе секции было заявлено 22 доклада широкого тематического диапазона. Большое внимание собравшихся привлекли выступления преподавателей Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария) *Т. Бистрашки* «Болгарский вопрос в российско-румынских отношениях до середины XX века» и *П. Славова* «Русская православная церковь и восстановление Болгарской Патриархии». Вопросы внешней политики и международных отношений затрагивались также в выступлениях *Т.Н. Геллы* (Орловский гос. ун-т) – «Болгарский вопрос в политических дискуссиях в Великобритании в 70-х гг. XIX в. по донесениям русских дипломатов»; *И.А. Юдиной* (Орловский гос. аграрный ун-т) – «Русско-австро-венгерские отношения и Венская программа реформ»; *С.В. Кретицина* (Воронежский гос. ун-т) – «Советско-польская война 1920 года и верхнесилезская проблема». Наряду с указанными сюжетами предметом рассмотрения в ряде докладов секции стали вопросы русского влияния на политическую и культурную историю стран Центральной и Восточной Европы: *А.И. Молчанов* (Белгородский гос. ун-т) – «Опыт языкового строительства в Украинской ССР во второй половине XX века: документальная реальность и руховско-«оранжевое» мифотворчество»; *М.Ю. Дронов* (МГУ) – «Специфика карпато-русинского

русифильства XIX–XX вв.»; *М.И. Старовойтов* (Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины) – «Роль русского языка в повышении уровня грамотности и образовании населения бело-русско-российского пограничья в 1920–1930 годы (исторический аспект)».

Учитывая значительное количество докладов по проблемам историографии и истории общественной мысли, оргкомитет конференции принял решение выделить эти доклады в отдельную, четвертую, секцию, где выступили 22 человека. Оживленную дискуссию вызвали доклады *Е.В. Петрова* (СПГУ) – «Историческая память русского зарубежья как историографический феномен», *Д.В. Карева* (Гродненский гос. ун-т) – «Россия в исторической мысли и историографической традиции Белоруссии конца XIX – нач. XXI в.». Много новых, ранее не вводившихся в научный оборот материалов было представлено в сообщениях *М.Ю. Досталь* (ИСЛ РАН) – «Особенности трактовки Грюнвальдской битвы 1410 г. в годы Великой Отечественной войны», *И.В. Вербы* (КНУ им. Тараса Шевченко) – «Кость Штеппа (1896–1958): между наукой и разведкой», *П.А. Трибунского* (Библиотекафонд «Русское зарубежье», Москва) – «Серия славянских лекций в Чикагском университете в 1901–1905 гг. (М.М. Ковалевский, Т.Г. Масарик, П.Н. Милоков)». Важный сюжет освещался в докладе *Е.Н. Верецагиной* (Воронежский гос. ун-т) «Далматинские города между западноевропейской и восточно-европейской цивилизациями (историографический аспект)».

О чешско-немецких контактах в средние века в освещении А.Н. Ясинского говорила *Л.П. Лантева* (МГУ), о деятельности М.В. Довнар-Запольского в Московском археологическом обществе – *В.М. Лебедева* (Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины).

Ряд докладов был посвящен истории русской эмиграции XX в.: *К. Трибл* (Ун-т Оклахомы, США) – «Творческая жизнь четы Сазоновой и Миллиоти в Болгарии»; *М.П. Мохначева* (РГГУ) – «Роль братьев Василия и Мстислава Мусиных-Пушкиных в истории РПЦЗ», *С.И. Михальченко* (БГУ) («Документы русской эмиграции первой волны в архивах Словении»); *Н.В. Нестерова* (Брянский филиал Орловской региональной академии госслужбы) – «Просветительская деятельность М.А. Осоргина в 1923–1940 гг.». Взаимосвязь юристов пражского и харбинского центров русской эмиграции в 1920–1930-е годы проследила *В.П. Пономарева* (БГУ).

Часть выступлений была посвящена межнациональным проблемам: *С.А. Ганус* (Ужгородский национальный ун-т) говорил о «россизме» как мировоззренческой парадигме российских и украинских ученых-славистов 1-й половины XIX века; *А.Д. Гронский* (Белорусский гос. ун-т информатики и радиоэлектроники) – об основных направлениях деятельности белорусского национализма в начале XX в. и проблеме их реализации.

Последний день работы конференции был посвящен экскурсии по юго-западным районам Брянской области, где пересекаются русская, украинская и белорусская культуры. Участники экскурсии посетили бывшие малороссийские города Почеп и Стародуб, усадьбу великого русского писателя А.К. Толстого в селе Красный Рог, сельские (в том числе старообрядческие) поселения в Стародубском р-не. В Стародубе прошла встреча с представителями Стародубского казачьего полка.

По итогам работы конференции выпущен в свет сборник ее материалов (Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск, 2010).

© 2011 г. *С.И. Михальченко, Е.А. Шинаков, М.Ю. Досталь*

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ В 2010 ГОДУ

Третье заседание Комиссии историков России и Словакии состоялось в Братиславе 5–7 октября 2010 г., в рамках которого прошла конференция на тему: «Россия и Словакия: проблема Восток – Запад». Напомним, что Первое заседание обновленной Комиссии проходило в Братиславе в сентябре 2005 г. (тема конференции: «СССР и Словакия на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы»), второе – в Москве, в октябре 2007 г. (тема конференции: «Русские и словаки в XIX и XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы»). По материалам обеих конференций были изданы сборники в 2006 и 2007 гг. на словацком и русском языках.

Торжественное открытие нынешней конференции состоялось 5 октября 2010 г. в Малом зале заседаний Словацкой академии наук при участии чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Словакии П.М. Кузнецова, первого советника посольства А.И. Вету и первого секретаря посольства К.А. Сапоженкова, секретаря Национального комитета историков Словацкой Республики Эдиты Иваничковой и директора Института истории САН Славомира Михалека.

Открыла заседание и приветствовала присутствующих от имени Национального комитета историков СР и Института истории САН Э. *Иваничкова*. Она пожелала успешного проведения конференции. С кратким приветственным словом обратился к собравшимся и посол РФ в Словакии П.М. *Кузнецов*.

Первым от руководства Комиссии взял слово председатель ее российской части, академик В.А. *Тишков*, который определил основные направления работы Комиссии. О научных планах Комиссии в связи с задачами предстоящей конференции информировала ее участников председатель словацкой части Комиссии Т. *Ивантышинова* (Ин-т истории САН).

Первый раздел научной программы конференции несколько претенциозно был назван «Россия и Европа», хотя общеизвестно, что Россия составляет часть Восточной Европы, а «Европу» в докладах представляла только ее Центральная часть – Словакия и отчасти Чехия. Названный раздел открыл доклад Р. *Влчека* (директора Брненского филиала Ин-та истории АН ЧР) «Русско-чешские дискуссии и панславизм в XIX в.», в котором автор высказал спорную мысль о том, что политический панславизм сформировался в России в 40-е годы XIX в. и в дальнейшем определял ее внешнюю политику. О сотрудничестве славянских депутатов в австрийском парламенте перед Первой мировой войной говорил доцент В. *Доубек* (Философ. факультет Карлова ун-та (ФФ КУ) в Праге). О.В. *Лавленко* (Историко-архивный ин-т при РГГУ, Москва) на основе архивных данных проанализировала отношение политической и военной элиты России к «западной угрозе» накануне Первой мировой войны. Проблеме отношений ЧСР и СССР в период Второй мировой войны посвятил свое выступление Я. *Немечек* (Ин-т истории АН ЧР). Об отношениях Восток – Запад в словацкой социал-демократии (восточный и западный дискурс) и о попытках конструктивного решения этого вопроса шла речь в докладе Э.Г. *Задорожнюк* (ИСЛ РАН, Москва). Политический славизм во внешней политике Словацкой республики анализировал Ю. *Марушияк* (Ин-т политологии САН). В заключение прозвучал в изменение первоначальной программы доклад проф. С.И. *Михальченко* (Брянский гос. ун-т) о впечатлениях русского писателя-эмигранта И.С. Шмелева от пребывания в Словакии в 1937 г.

В конце первого дня заседания собравшиеся приняли участие в торжественном открытии выставки «Петр I в Братиславе», которая была устроена в Российском центре науки и культуры в Братиславе как одно из сопутствующих мероприятий Комиссии. Ее концепцию и инсталляцию инициировали словацкая часть комиссии историков Словакии и России и Словацкое общество по изучению истории и культуры Центральной и Восточной Европы. Автором оформления является Л. Качирек (Философ. факультет ун-та Коменского в Братиславе), который подготовил его совместно со студентами Отделения музеологии и охраны памятников ФФ УК. Выставку торжественно открыл директор Российского цент-

ра науки и культуры А.И. Бушуев, в церемонии открытия принял участие и советник посольства РФ в Словакии Г.И. Аскольдович.

Научный доклад о посещении Петром I Братиславы прочитала доцент Венского университета *И. Шварц*.

Второй день работы конференции (6 октября 2010 г.) проходил в помещении Российского центра науки и культуры. Заседание открыл доклад академика РАН *В.А. Тишкова* (ИЭА РАН) о проблемах евразийства и неоевразийства в российском общественном дискурсе. К его докладу примыкал по тематике доклад *Э. Ворачека* (Ин-т истории АН ЧР, Прага) о проблемах евразийства с перспективы Центральной Европы. О феномене Восток – Запад в послевоенной словацкой политике в дискуссионном выступлении поделился воспоминаниями влиятельный (в недавнем прошлом) словацкий политический деятель *Я. Чарногурский*.

Блок докладов, посвященный словацкой проблематике, под названием «Словакия между Востоком и Западом» открыл доклад проф. *Г.В. Рокиной* (Марийский гос. ун-т) об оценках «словацкой взаимности» в русской либеральной и славянофильской историографии. Об отношении поколения «Всеславии» к России и идеализированном ее восприятии шла речь в докладе *П. Подолана* (ФФ УК, Братислава). Вопрос о месте «славянского мира» и словаков в оппозиции Восток – Запад в представлениях первых университетских славистов анализировался в докладе *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН). Проблема критического восприятия русофильства в словацкой культуре и политике был посвящен *Д. Кодайовой* (Ин-т истории САН). Заседание второго дня конференции завершил основанный на архивных данных доклад проф. *И.В. Крючкова* (Ставропол. гос. ун-т) об острой реакции русских дипломатов на факты массовой эмиграции словаков в США накануне Первой мировой войны.

Заседание третьего дня конференции (7 октября 2010 г.) состоялось в помещении Института истории САН и было посвящено преимущественно проблемам рефлексии словако-русских связей. В начале прозвучал блок докладов по русинско-словацкой тематике. *П. Шолтес* (Ин-т истории САН) проанализировал взгляды словацких и европейских интеллектуалов на отношения в русинско-словацком этническом пограничье в Восточной Словакии в XIX в. *М.Ю. Дронов* (соискатель ИСл РАН) посвятил свой доклад вопросу об особенностях традиционного русофильства в социально-культурной жизни русинов Восточной Словакии в XX в. Проблематике периода Первой мировой войны, военнопленных и легионеров были посвящены доклады *Ю. Бенко* (Ин-т истории САН) и *Е.П. Серапионовой* (ИСл РАН). *Ю. Бенко* проанализировал механизмы националистической и социалистической пропаганды, которые оказывали влияние на военнопленных, *Е.П. Серапионова* рассказала присутствующим о трагической судьбе словацкого легионера Микулаша Гацека, который дважды был интернирован в России после Первой и Второй мировых войн, пострадал и от различных политических режимов на родине. О том, как воспринимала словацкая общественность известия о московских политических процессах 1930-х годов говорила *Л. Гарбулева* (Ин-т истории философ. факультета Прешовского ун-та). «Славянским» иллюзиям словацкой общественности и политики после 1945 г. посвятила свой доклад *Д. Черна-Лантайова* (Ин-т истории САН). Об особенностях первой и последней волн русской эмиграции в Словакии в социологическом аспекте рассказал *Д. Костлан* (Ин-т социологии САН), чем дополнил пеструю междисциплинарную палитру тем конференции. Сверх программы конференции выступил с кратким рефератом о современной словацкой историографии гуситского движения *А.В. Рандин* (ФФ УК, Братислава), выпускник МГУ. Некоторые проблемы «восточной ориентации» словаков и критической оценки деятельности *Л. Штура* в либеральной публицистике были затронуты в последнем докладе конференции *Т. Ивантышиновой*. Заседание завершило краткое выступление в дискуссии с традиционной всесторонней оценкой личности *Л. Штура* и его заслуг в словацком национальном возрождении *В. Матулы* (Ин-т истории САН).

С оценкой прошедшей конференции выступила секретарь российской части Комиссии *М.Ю. Досталь*, которая констатировала высокий уровень прочитанных докладов и особенно широкую плодотворную дискуссию. От словацкой части Комиссии заключение о работе конференции сделала ее председатель *Т. Ивантышинова*. Главной целью конференции, по ее словам, было повышение интереса словацкой научной общественности к результатам исследований российской историографии и к словацким разработкам по истории Восточной Европы и по проблематике связей. Повышению научного уровня кон-

ференции способствовало и участие в ней специалистов по истории Восточной Европы из Чехии. Организаторы строго придерживались проблемно-хронологического принципа построения программы, изменения происходили только по просьбам докладчиков.

В целом можно констатировать, что по данной теме был прочитан ряд серьезных докладов. Это в полной мере должна продемонстрировать публикация «Восточная дилемма Центральной Европы» (Т. Ивантышинова, Д. Кодайова и коллектив авторов). Она, несомненно, внесет свой вклад в решение проблемы Восток – Запад в российской и словацкой историографии.

На заседании Комиссии обсуждался ряд вопросов, касающихся дальнейшего направления деятельности Комиссии. В проекте предлагалась тема следующего заседания Комиссии в России: «Социально-культурные последствия военных конфликтов», включающая в себя вопросы социальных, демографических и культурных результатов военных конфликтов, гендерную проблематику, анализ итогов распада полиэтнических государств вследствие войн, проблемы повседневности военного времени, военнопленных и пр. После одобрения проекта с обеих сторон Комиссия приступит к подготовке своего следующего заседания. 7 октября обеими сторонами был подписан словацкий и русский тексты протокола.

Заседание Комиссии было тематически продолжено в Москве 13 октября 2010 г. в Словацком культурном центре (Словацком институте при посольстве СР в РФ) на презентации книги «Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии» (Братислава; Йошкар-Ола, 2010), изданной на русском языке коллективом авторов во главе с Т. Ивантышиновой при содействии российской части Комиссии историков России и Словакии. Книга была подарена президенту РФ Д.А. Медведеву во время его визита в Словакию в начале апреля 2010 г. После обсуждения книги был показан документальный фильм о словацком легионере М. Гацке с биографическим комментарием Е.П. Серапионовой.

В заключение хотелось бы особо отметить образцовую организацию проведения заседаний Комиссии и гостеприимство словацкой стороны, что, несомненно, способствовало успешному ходу конференции.

Прослушанные доклады и презентация книги позволяют сделать и некоторые наблюдения о современном состоянии словацкой историографии. Они свидетельствуют о критическом переосмыслении проблем славянской идеологии и словацко-русских связей на разных их этапах в сторону изоляции России от региона Центральной Европы. Далеко не со всем сказанным можно согласиться с точки зрения позиций российской историографии, отчасти преодолевшей нигилистический период своего развития 1990-х годов. Так, панславизм трактуется как атрибут внешней политики России, начиная с 40-х годов XIX в., тогда как по исследованию российских историков, это общественное течение заявило о себе не ранее 1860-х годов и никогда не определяло внешнюю политику России. Преимущественно с негативной стороны (как панслависта) оценивается деятельность лидера словацкого национального движения и кодификатора литературного языка словаков, романтического приверженца России Л. Штура, принижается деятельность видного словацкого писателя и переводчика классической русской литературы С. Ваянского, определившего русофильские настроения не одного поколения словацких интеллектуалов. Русско-словацкие связи трактуются в основном с прагматической стороны и далеко не в пользу России. Полагаем, что эти тенденции в словацкой историографии диктуются современной политической конъюнктурой и настроениями в праволиберальной части общества, направляющей деятельность СМИ. В результате словацкая молодежь теряет интерес к русскому языку и культуре. Хотелось бы надеяться, что эти точки зрения будут в дальнейшем пересмотрены в сторону большей объективности.

© 2011 г. М.Ю. Досталь

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ ЭДУАРДОВНЫ КАЛНЫНЬ

27 июля 2011 г. – юбилей Людмилы Эдуардовны Калнынь, д-ра филол. наук, главного научного сотрудника Института славяноведения РАН. В настоящее время Людмила Эдуардовна является одним из наиболее авторитетных, получивших международное признание российских ученых в области сравнительно-исторического изучения славянских языков и диалектов. Ее научные интересы охватывают чрезвычайно широкий круг вопросов: это и исследование фонетики и фонологии славянских языков и диалектов в синхронном, сопоставительном, диахроническом и социолингвистическом аспектах; и лингвогеографическое изучение славянских диалектов; и разработка теоретических и методологических основ разных научных направлений славянского языкознания. Глубокий профессионализм Людмилы Эдуардовны позволяет ей на протяжении всей творческой деятельности активно заниматься рецензированием трудов молодых и маститых ученых, а также быть талантливым организатором науки, что способствует последовательному утверждению в славянском языкознании научных взглядов и идей, во многом новаторских, разрабатываемых ею в многочисленных исследованиях. Л.Э. Калнынь – автор около 200 научных трудов, среди которых 10 монографий.

Людмила Эдуардовна является ученицей чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова – одного из создателей Московской фонологической школы и автора теории диалектологии и лингвогеографии. Однако, продолжая традиции школы своего учителя, она в своей деятельности творчески развивает его идеи, находит новые пути исследования явлений фонетического уровня, по-новому формулирует задачи изучения диалектов как вариантов национального языка, предлагает нетрадиционные решения многих спорных вопросов. Благоприятно сказалась на становлении Людмилы Эдуардовны как слависта широкого профиля и ее работа с 1952 г. в секторе славянского языкознания Института славяноведения РАН под руководством проф. С.Б. Бернштейна, которая способствовала расширению пространства лингвистических наблюдений в масштабе всех славянских языков и диалектов и давала простор для углубленного исследования многих славистических проблем как в практическом, так и теоретическом аспектах.

Для творческой манеры Людмилы Эдуардовны характерно органическое соединение постановки важных теоретических проблем с детальным анализом большого фактического материала, значительная часть которого была собрана ею самой в полевых условиях.

Одним из важнейших достижений в развитии такой области языкознания, как славянская диалектология, является разработка Л.Э. Калнынь теоретических основ и методики описания диалектов как синхронных систем и дальнейшего их сопоставительного исследования. В целом ряде ее работ последовательно проводится идея, согласно которой первой исследовательской задачей диалектологии является синхронное моделирование одного диалекта как языка, существующего в устной форме и используемого территориально ограниченным коллективом. Такое описание должно основываться на специально разработанной программе, исключающей дифференциальный подход к материалу. Применение данного метода к описанию нескольких частных диалектных систем (или их фрагментов) обеспечивает их полную сопоставимость. Что касается лингвогеографического аспекта изучения славянских диалектов, то здесь учитывается концепция диалектного языка. Формулируя собственное понимание теории и методики исследования диалектов в описательном,

структурно-сопоставительном и лингвогеографическом аспектах, Людмила Эдуардовна публикует такие программные статьи, как, например, «О предмете и задачах описательной диалектологии» (1970), «Диалектологический аспект проблемы 'язык и диалект'» (1976), «Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии» (2002) и др.

Необходимо отметить, что приоритетное значение в научной деятельности Л.Э. Калнынь имеют работы по фонетике и фонологии славянских диалектов. Именно на фонетическом материале она показала принципиально новый образец синхронного описания отдельных диалектов (русских, украинских, белорусских, болгарских, нижнелужицких), большая часть которых была обследована ею в полевых условиях по специально составленным программам. Это открыло широкие перспективы в изучении как самих славянских диалектов, так и отдельных фрагментов их систем. Предложенный ею тип описания по характеру и объему содержащейся информации коренным образом отличается от традиционных, так называемых монографических (как бы полных), описаний одного говора, поскольку дает исчерпывающие сведения не только об инвентаре используемых в диалекте звуков языка, но и о правилах их сочетания и чередования. Специально определению синтагматических характеристик одного фрагмента славянской диалектной фонетики посвящена монография «Синтагматика сонантов в славянских диалектах» (2005), в которой впервые проанализирован весь имеющийся к настоящему времени материал по сонантам, а также дана типологическая характеристика их синтагматического поведения.

Практическое применение Людмилы Эдуардовны теории и метода синхронного исследования фонетических диалектных систем как в описательном, так и в сопоставительном аспектах находим в целом ряде статей и в таких ее новаторских монографиях, как «Опыт моделирования системы украинского языка. Фонологическая система» (1973) (в частности, исследования украинских диалектов вошли в фонд украинистики, см. «Українська мова. Енциклопедія». 1-е изд. Київ, 2000; 2-е изд. Київ, 2004); «Сопоставительная модель фонологической системы славянских языков» (1981, в соавт.); «Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации» (1-е изд. 1993; 2-е дополненное изд. 2007, в соавт.). Эти работы были оценены диалектологами-славистами. Чл.-корр. Болгарской академии наук проф. Тодор Бояджиев в рецензии на последнюю из перечисленных выше монографий отмечает: «Книга [...], заслуживающая высокой оценки, [...] показывает, каким должен быть реальный объем материала, необходимый для полного представления, теоретического осмысления, интерпретации и моделирования диалектных фонологических систем [...] Одновременно данная книга является и программой, которую можно рассматривать в качестве модели для новых исследований в болгарской и славянской диалектологии» («Български език», год. LVII, 2010, кн. 2, с. 132).

Л.Э. Калнынь как ученого характеризует одно очень ценное качество: она не боится обращаться к изучению либо фактически неисследованных проблем, либо проблем, заведомо сложных и дискуссионных. Так появились ее монографии «Опыт изучения слога в славянских диалектах» (1985, в соавт.) и «Изучение вариативности в славянских диалектах» (1995, в соавт.), в которых впервые на большом, фактически исчерпывающем конкретном материале, собранном в каждом говоре по единой программе, сопоставляются реальные факты и делаются чрезвычайно убедительные и подчас неожиданные выводы теоретического и практического плана. В первой монографии именно таким является вывод об уровневой пограничности слога как о его онтологическом свойстве в языках/диалектах с неунифицированным типом слогаделения. Во второй – вариативность рассматривается в неразрывной связи со стабильностью некоторых, не поддающихся варьированию, фрагментов идиома, что показывает системный характер вариативности. Значение этих исследований для славянской диалектологии и, в целом, для лингвистики трудно переоценить.

Большой пласт работ Л.Э. Калнынь посвящен диахронической интерпретации фонетических явлений и фрагментов фонетических систем. Исходным материалом для их написания служат и диалектные материалы, собранные в полевых условиях по специальной программе, и опубликованные статьи и монографии по исторической фонетике славянских языков, и диалектологические атласы славянских языков. Исследования диахрони-

ческого плана, во многом новаторские, характерны для всего периода творческого пути Людмилы Эдуардовны. К ним можно отнести, например, следующие монографии и статьи: «К истории коломенских говоров» (1955) и «Развитие корреляции твердости-мягкости согласных фонем в славянских языках» (1961), не потерявшие своей научной значимости и сегодня, а также «Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах» (2001), «Диахронические особенности русской диалектной фонетики по данным лингвогеографии» (2009) и др. Попытки при интерпретации материалов диалектологических атласов показать не только пространственное, но и временное соотношение картографируемых фонетических явлений (идея 'хроно-топо-изоглосс', выдвинутая в свое время Р.И. Аванесовым) присутствуют во многих ее статьях и монографиях, см., например, «Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке» (1967), «Диалектная карта как инструмент изучения особенностей славянского диалектного континуума» (1998), ряд обобщающих карт в ОЛА, все карты и комментарии в коллективном труде «Восточнославянские изоглоссы» и др.

Людмила Эдуардовна – опытный лингвогеограф. Она не только обследовала диалекты в полевых условиях по специальным программам для своих индивидуальных работ, но участвовала и в сборе материала по программам таких атласов, как Диалектологический атлас русского языка, Карпатский диалектологический атлас, Общеславянский лингвистический атлас, *Sorbischer Sprachatlas*.

Необходимо специально отметить плодотворную и многолетнюю работу Л.Э. Калнынь в лингвогеографическом международном научном проекте «Общеславянский лингвистический атлас». В указанном проекте она как профессиональный лингвогеограф и теоретик-диалектолог является незаменимым и постоянным его сотрудником. Так, уже с 1970 г. она принимала участие в экспедициях по сбору материала, а в дальнейшем работала и продолжает работать над составлением карт и комментариев. Во всех фонетико-грамматических выпусках ОЛА она является одним из авторов карт на отдельные праформы и обобщающих/сводных карт. В последнем выпуске «Рефлексы *o» (М., 2008) Людмила Эдуардовна – не только автор многих карт, но и ответственный редактор.

Отметим также ее активное участие и в двух других лингвогеографических проектах: «Восточнославянские изоглоссы» (1995, 1998, 2000, 2006) и «Восточнославянские диалекты в лингвогеографическом аспекте» (подготовлен к печати), где ею выполнены карты с комментариями, сочетающими методы как лингвогеографии, так и описательной и сравнительно-исторической диалектологии.

Людмила Эдуардовна – неперменный участник различных научных форумов, конференций и «круглых столов», где ее выступления по актуальным проблемам современной науки всегда вызывают неизменный интерес и одобрение. А постоянное оппонирование кандидатских и докторских диссертаций – это результат ее высочайшего авторитета как ученого среди фонологов и диалектологов-славистов.

Много сил отдает Л.Э. Калнынь и научно-организаторской деятельности. Это и работа в Международной комиссии ОЛА при Международном комитете славистов (с 1979 г.), и ежегодная организация «круглых столов» в отделе славянского языкознания Института славяноведения РАН по проблемам славянской диалектологии, и редактирование сборников докладов «Исследования по славянской диалектологии» (ИСД), и выполнение обязанностей ответственного редактора этого институтского серийного издания, одним из основателей которого она является (ИСД основан в 1992 г., в настоящее время подготовлен к печати 15-й выпуск).

Людмила Эдуардовна Калнынь и сейчас продолжает работать в отделе (ранее – секторе) славянского языкознания Института славяноведения РАН, где она прошла путь от младшего до главного научного сотрудника. Она полна творческих сил, оставаясь по-прежнему генератором идей и занимая одну из ведущих позиций в славянском языкознании.

Пожелаем же Людмиле Эдуардовне от имени друзей и коллег-славистов крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

ПАМЯТИ МАЙИ ИВАНОВНЫ ЕРМАКОВОЙ
(1931–2010)

Уход из жизни Майи Ивановны Ермаковой стал невосполнимой утратой для отечественного славянского языкознания. Майя Ивановна была в России главным и основным специалистом по изучению серболужицких языков. Ее научный вклад в сорабистику неоценим. Она практически продолжила ту линию славистики, которую в России начал Л.В. Щерба в 1915 г. своим описанием серболужицкого мужаковского диалекта, в дальнейшем прерванной на долгие годы. Именно как ведущий сорабист Майя Ивановна Ермакова была приглашена в издание «Языки мира» для написания статьи о серболужицких языках.

По окончании польского отделения кафедры славистики МГУ Майя Ивановна поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР и, по совету ее руководителя С.Б. Бернштейна, стала изучать серболужицкие языки и работать над диссертацией «История употребления форм времени в серболужицких языках» (защищена в 1964 г.).

В дальнейшем исследование морфологии серболужицких языков в разных аспектах стало приоритетным направлением ее научной деятельности. Свои наблюдения и выводы она основывала на максимально широком материале, относительно которого обладала широкой эрудицией. Это – памятники письменности XVI–XVII вв., литературные тексты XIX–XX вв., диалектные данные. Серболужицкие факты интерпретировались в сопоставлении с аналогичными данными немецкого языка. Опубликовано много статей, посвященных отдельным фрагментам грамматики серболужицких языков. Это – структура и динамика временных глагольных форм, категории залога и посессивности, двойственное число, именное словоизменение и др. Майя Ивановна считала, что расширение знаний о морфологическом устройстве серболужицких языков является необходимым условием максимально полного моделирования грамматического фрагмента славянских языков в целом (ср. ее статью «Значение изучения морфологии серболужицких языков для славянского языкознания» 1993 г., а также обширный обзор трудов по серболужицкой диалектной морфологии сорабистов ГДР 1982 г.).

Обобщением морфологических изысканий, проведенных М.И. Ермаковой, стали монографии «Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка» (М., 1973) и «Нижнелужицкое именное словоизменение» (М., 1979).

М.И. Ермакова рассматривала явления серболужицкой грамматики и в морфонологическом аспекте. Это давало основания для включения новых характеристик в систему грамматических изменений в серболужицких языках – ср. написанный ею раздел коллективной монографии «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение» (М., 1987).

Особенности истории серболужицких языков и их функционирования в прошлом и настоящем обуславливают специфику проблемы их кодификации как литературного стандарта. Этому сложному вопросу, имеющему свою историю, М.И. Ермакова уделяла большое внимание в своих публикациях 1990-х годов.

Обращаясь к раннему периоду становления письменного языка, она показала, какую роль при этом сыграли первые переводы Библии с немецкого на серболужицкий (статьи

1993, 2002 гг.). С другой стороны, М.И. Ермакова констатировала участие в этом процессе и диалектных форм языка (ср. ее последний прижизненный доклад «Роль диалектов в формировании церковного языка лужичан», 2009). Особенности развития верхнелужицкого языка в период национального возрождения посвящена статья в сборнике «Славянские литературные языки эпохи национального возрождения» (1998).

Специфика проявления нормы и кодификации в современном верхнелужицком литературном языке показана в статье, включенной в сборник «Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков» (М., 1993). Майя Ивановна Ермакова рассматривала и связь нормы в серболужицких языках со спецификой той языковой ситуации, в которую они включены (1999).

Серболужицкие языки на протяжении истории контактировали с немецким языком, испытывая с его стороны определенное давление. Майя Ивановна специально занималась выяснением того, к каким результатам привело влияние немецкого языка на серболужицкие. Это направление нашло отражение в следующих публикациях: «Немецко-серболужицкая интерференция в истории серболужицкого языка» (М., 1993), «Современная серболужицкая языковая ситуация и проблемы взаимодействия серболужицкого и немецкого языков» (М., 1996), «Отражение влияния немецкого языка на серболужицкие литературные языки» (М., 2007).

Ставшая актуальной в современном языкознании проблема интернационализации также нашла отклик в работах Ермаковой. Это – статьи «Процесс интернационализации в современных серболужицких литературных языках» (1996) и «Особенности процесса интернационализации в лексике и словообразовании верхнелужицкого литературного языка» (1997).

В своих исследованиях Майя Ивановна использовала материал верхнелужицких и нижнелужицких диалектов, с которыми была знакома не только по имеющимся публикациям. Она по приглашению Института лужицкого народоведения (ГДР, Будишин) принимала участие в полевом сборе материала для Атласа серболужицких языков (*Sorbischer Sprachatlas*). Опыт полевой работы был применен ею и при сборе материала для Карпатского атласа, подготовленного в Институте славяноведения.

М.И. Ермакова выполняла и организационную работу, выступая в роли редактора коллективных трудов, переводчика отдельных статей с немецкого и серболужицкого языков. В течение нескольких лет она была ученым секретарем сектора славянского языкознания.

Авторитет Майи Ивановны в среде славистов и особенно сорабистов был очень высок. Ее статьи печатались не только в отечественных периодических и справочных изданиях, но и в «*Zeitschrift für Slavistik*» (Берлин), «*Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A*» (Будиччи).

Кончина М.И. Ермаковой вызвала глубокое сожаление в сердцах всех, кто знал и работал с ней. Майя Ивановна была высокообразованным, чрезвычайно тактичным и доброжелательным человеком. Друзья и коллеги сохраняют наилучшие воспоминания о ней.

© 2011 г. Л.Э. Калынь

ПАМЯТИ ИВАНА ПЕТРОВИЧА САВИЦКОГО (1937–2010)

Боль, испытанную при известии о смерти родственников, друзей, коллег, вскоре сменяет чувство пустоты и невозвратности. Особенно тяжело терять людей, близких по духу, с которыми существовала внутренняя связь. В ноябре 2010 г. от нас ушел прекрасный историк, удивительно тонкий и умный человек Иван Петрович Савицкий. И только спустя несколько месяцев я могу написать об этом, потому что хочу рассказать о нем.

Узнать историка очень легко – достаточно прочитать какое-то его сочинение. Вот так и наше знакомство состоялось вначале заочно. Я купила в Праге книгу «Роковая встреча. Чехи в России и русские в Чехии» (*Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999*). Мою рецензию на эту книгу опубликовали в журнале «Славяноведение» (2000. № 4). А когда я, приехав в очередной раз в чешскую столицу, поделилась своими впечатлениями по поводу книги с коллегой Л. Белошевой, она предложила мне позвонить автору и подписать у него книгу. Соблазн познакомиться с автором был велик, и я позвонила. Оказалось, что Иван Петрович тоже знает меня заочно, так как прочитал мою рецензию. Мы встретились в Славянской библиотеке. Беседа текла непринужденно. У меня было чувство, что мы давно знаем друг друга. С тех пор практически каждый мой приезд в Прагу мы обязательно встречались. Была встреча в Москве, где И.П. Савицкий участвовал в съезде соотечественников. Каждая встреча с этим человеком была яркой и запоминающейся.

Одно время вместе с Андреем Фозикошем он был крайне увлечен созданием журнала «Русское слово», где не только был постоянным автором, но и редактором, а также членом редколлегии. Позже, когда сменилось руководство, а с ним концепция и редакционная политика журнала, он прекратил сотрудничество с этим изданием, но очень переживал, так как стоял у его истоков и старался всеми силами сделать журнал интересным, красивым, «конкурентоспособным» и читаемым.

Иван Петрович был человеком весьма критического склада ума и очень принципиальным. Личные отношения никогда не играли для него роли при оценке научной «продукции». Многие не понимали этого, считая его неуживчивым, «ершистым», даже сумасбродным. На самом деле его похвалы дорогого стоили, а замечания были колкими, но всегда справедливыми. Его взыскательность и требовательность, прежде всего, по отношению к себе, говорили о том, что он серьезный ученый, внимательный к источникам, и очень скромный человек. А главное, что в нем поражало, так это умение анализировать и обобщать, когда из отдельных фрагментов он выстраивал четкую концепцию.

Его жизнь в профессиональном плане сложилась не вполне удачно, так как, окончив Философский факультет Карлова университета, и специализуясь на истории французской революции, он с 1960-х годов был лишен возможности профессионально заниматься историей и печататься, работал в Славянской библиотеке. Ситуация изменилась лишь в 1990-е годы, когда он уже был зрелым человеком. Этот обидный, независимый от него «простой», он воспринимал болезненно, сравнивая количество своих научных работ с числом опубликованных трудов своих однокурсников. Хотя все мы знаем, что дело не всегда в количестве...

Все три опубликованные монографии Савицкого посвящены одной проблеме, которую ранее при коммунистическом режиме «изучали» далеко не в научном плане, – истории русской эмиграции за рубежом. Первая книга, о которой я уже упоминала, объединяла две, казалось бы, разные темы – чехословацких легионеров в России и русских беженцев в ЧСР. Но на самом деле, они очень взаимосвязаны, перетекают одна в другую, можно даже сказать, что это одна тема. Командование Чехословацким корпусом и чехословац-

кие политические представители в России сотрудничали с эсерами Комуча и Директории. Позднее эсеровские деятели нашли приют в Праге и, образовав общественные организации, установили тесные связи с МИД ЧСР, где многие должности заняли бывшие легионеры. Работа эта вышла в Праге на чешском языке, но читается как на русском. В связи с этим у меня даже возникла мысль (может быть, абсурдная, филологи меня поправят), что, возможно, изложение связано с особенностями национального менталитета, способностью строить фразу. А Иван Петрович – русский, воспитанный в русской семье тех самых эмигрантов, о которых писал. Человек он двуязычный, одинаково хорошо владевший и русским, и чешским. Оба языка были ему родными, так как он родился в Чехословакии в 1937 г. До гимназии дома говорил только на русском, прекрасный язык, правда, уже с легким акцентом, сохранил до конца жизни. На чешском языке он получил образование, это был профессиональный язык (какое-то время Иван Петрович много переводил), а также основной язык общения.

Вторая книга «Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.)» (2002) вышла в Праге на русском языке благодаря финансовой поддержке общественной организации «Русская традиция» и посвящена основным центрам русской эмиграции в Европе – их сравнению и выявлению особенностей.

И, наконец, третью работу «Россия за рубежом. Прага и русская диаспора, 1918–1938» (*Andreev C., Savicky I. Russia Abroad. Prague and Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; London, 2004*) на английском языке опубликовало издательство Йельского университета. Она написана в соавторстве с еще одной великолепной исследовательницей, Катериной Андреевой.

Об эмиграции писали до и после, но именно Савицкий выявил роль проф. Ломшакова в переориентации чехословацкого правительства с эсеров на более широкие круги русской эмиграции. Все три монографии прекрасно иллюстрированы редкими фотографиями, в том числе и из личных архивов. Перу И.П. Савицкого принадлежат и многочисленные статьи на эмигрантскую тематику, которая не отпускала от себя, так как была не просто предметом отвлеченного научного интереса, но судьбой его семьи.

Род Савицких берет начало от казаков-запорожцев. Среди предков – священники, советники гетманов, писари. При Екатерине II получили дворянский титул, землю и крестьян. Многие из рода Савицких продолжали служить на военной и гражданской службе, занимались общественной деятельностью. Дед Ивана Петровича Николай Петрович окончил кадетский корпус и Александровское военное училище, служил в артиллерии, в 25 лет был зачислен в запас и назначен уездным земским начальником. Затем избирался уездным предводителем дворянства, стал председателем губернской земской управы, в 1916 г. прошел в Госсовет по выборам, принимал участие в строительстве Мурманска, при том, что владел 500 десятинами хорошей земли на юге. Дед по материнской линии был инспектором русских школ в Финляндии, в его честь и был назван Иван.

После революции семья бежала в Крым, затем Константинополь, где Николай Петрович стал членом Русского совета при Врангеле (по замыслу, призванного исполнять роль русского правительства в изгнании). Отец Ивана Петровича, Петр Николаевич, работал во внешнеполитическом ведомстве Врангеля, возглавляемом его учителем П.Б. Струве. Последний и привлек П.Н. Савицкого к сотрудничеству в толстом журнале «Русская мысль». Именно там появилась рецензия П.Н. Савицкого на брошюру кн. Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество». Обмен мнениями между Трубецким и Савицким и положил начало новому политическому и философскому течению – «евразийству». Вскоре Русский совет пришлось ликвидировать, семья переехала в Прагу. Здесь уже в 1930-е годы родились сыновья Петра Николаевича Николай и Иван.

В мае 1945 г. П.Н. Савицкий был арестован СМЕРШем и попал в ГУЛАГ. Основанием была его работа директором русской гимназии в Праге во времена Протектората. Жене и детям не дали права последовать за ним в СССР, но через 10 лет Петр Николаевич был освобожден, и ему разрешили вернуться в Чехословакию. В 1960 г. скончалась его супруга Вера Ивановна, мать Ивана. После выхода в Париже томика стихов П.Н. Савицко-

го, включая и его лагерные стихи, в 1961 г. он был арестован чехословацкими органами безопасности за антисоветскую пропаганду, и выпущен лишь через год. Иван Петрович, отслужив после окончания университета два года срочной службы, оказался безработным: сыну врага уже двух народов, устроиться было нелегко. Помогли друзья, с 1965 г. И.П. Савицкий долгие годы работал в Славянской библиотеке, накапливая знания, так необходимые историку.

В последние годы Иван Петрович болел, слабел, но продолжал трудиться. Говорят, что написавший хоть строчку, полностью не умирает, продолжая жить в своих произведениях. У Ивана Петровича есть к тому же и продолжатель – сын Николай – тоже талантливый историк. Иван Петрович останется в нашей памяти, в памяти как знавших его лично, так и читавших его работы.

© 2011 г. *Е.П. Серапионова*

Славяноведение, № 4

ПАМЯТИ ИЛЬИ ГЕОРГИЕВИЧА ЯНУ (1935–2010)

3 августа 2010 г. скончался старейший преподаватель кафедры истории Средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета Илья Георгиевич Яну.

Он родился 2 августа 1935 г. в греческом селе Андартико. В конце 1940-х годов вместе с другими подростками эмигрировал из охваченной войной Греции и после краткого пребывания сначала в Албании, затем в Югославии и Румынии оказался в СССР. В 1956 г. окончил исторический факультет Воронежского университета. Специализировался на кафедре всеобщей истории у А.Е. Москаленко и С.П. Бобровой. В 1962–1965 гг. учился в аспирантуре на кафедре истории Древнего мира и Средних веков. В декабре 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Народно-освободительная борьба в Вардарской Македонии в 1941–1944 годах». В 1968 г., когда в Воронежском университете при активном содействии А.Е. Москаленко была открыта новая кафедра – истории Средних веков и зарубежных славянских народов, Илья Георгиевич стал преподавателем, а с 1974 г. доцентом этой кафедры. Он был постоянным помощником первого заведующего кафедрой А.Е. Москаленко и вместе с другими его учениками стоял у истоков формирования научного направления кафедры. И.Г. Яну разработал и успешно читал большой курс по истории южных и западных славян. Он был высокоэрудированным человеком, владел несколькими языками: сербохорватским, болгарским, новогреческим – и, обладая незаурядной памятью, мог свободно, не прибегая к конспектам, читать лекции.

Научные интересы И.Г. Яну лежали в области новейшей истории народов Болгарии, Югославии и Греции. Ему принадлежит около тридцати работ, опубликованных в различных периодических изданиях.

Илья Георгиевич был жизнелюбивым и коммуникабельным человеком. Его общительность и знание славянских языков помогали кафедре налаживать связи с историками балканских стран, поддерживать обмен литературой и историческими источниками, изданными в России и за рубежом. Он был незаменимым переводчиком на всех приемах югославских и болгарских историков, которые в 1960–1970-е годы нередко проводились воронежским историческим факультетом и кафедрой.

Коллеги относились к И.Г. Яну с большим уважением и будут помнить его как глубокопорядочного человека и прекрасного специалиста.

Сотрудники кафедры

го, включая и его лагерные стихи, в 1961 г. он был арестован чехословацкими органами безопасности за антисоветскую пропаганду, и выпущен лишь через год. Иван Петрович, отслужив после окончания университета два года срочной службы, оказался безработным: сыну врага уже двух народов, устроиться было нелегко. Помогли друзья, с 1965 г. И.П. Савицкий долгие годы работал в Славянской библиотеке, накапливая знания, так необходимые историку.

В последние годы Иван Петрович болел, слабел, но продолжал трудиться. Говорят, что написавший хоть строчку, полностью не умирает, продолжая жить в своих произведениях. У Ивана Петровича есть к тому же и продолжатель – сын Николай – тоже талантливый историк. Иван Петрович останется в нашей памяти, в памяти как знавших его лично, так и читавших его работы.

© 2011 г. *Е.П. Серапионова*

Славяноведение, № 4

ПАМЯТИ ИЛЬИ ГЕОРГИЕВИЧА ЯНУ (1935–2010)

3 августа 2010 г. скончался старейший преподаватель кафедры истории Средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета Илья Георгиевич Яну.

Он родился 2 августа 1935 г. в греческом селе Андартико. В конце 1940-х годов вместе с другими подростками эмигрировал из охваченной войной Греции и после краткого пребывания сначала в Албании, затем в Югославии и Румынии оказался в СССР. В 1956 г. окончил исторический факультет Воронежского университета. Специализировался на кафедре всеобщей истории у А.Е. Москаленко и С.П. Бобровой. В 1962–1965 гг. учился в аспирантуре на кафедре истории Древнего мира и Средних веков. В декабре 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Народно-освободительная борьба в Вардарской Македонии в 1941–1944 годах». В 1968 г., когда в Воронежском университете при активном содействии А.Е. Москаленко была открыта новая кафедра – истории Средних веков и зарубежных славянских народов, Илья Георгиевич стал преподавателем, а с 1974 г. доцентом этой кафедры. Он был постоянным помощником первого заведующего кафедрой А.Е. Москаленко и вместе с другими его учениками стоял у истоков формирования научного направления кафедры. И.Г. Яну разработал и успешно читал большой курс по истории южных и западных славян. Он был высокоэрудированным человеком, владел несколькими языками: сербохорватским, болгарским, новогреческим – и, обладая незаурядной памятью, мог свободно, не прибегая к конспектам, читать лекции.

Научные интересы И.Г. Яну лежали в области новейшей истории народов Болгарии, Югославии и Греции. Ему принадлежит около тридцати работ, опубликованных в различных периодических изданиях.

Илья Георгиевич был жизнелюбивым и коммуникабельным человеком. Его общительность и знание славянских языков помогали кафедре налаживать связи с историками балканских стран, поддерживать обмен литературой и историческими источниками, изданными в России и за рубежом. Он был незаменимым переводчиком на всех приемах югославских и болгарских историков, которые в 1960–1970-е годы нередко проводились воронежским историческим факультетом и кафедрой.

Коллеги относились к И.Г. Яну с большим уважением и будут помнить его как глубокопорядочного человека и прекрасного специалиста.

Сотрудники кафедры

3 *Adashninskaya A.A.* (Moscow). To the interpretation of the last miracle in Monk Theodosius' Life of St. Sava

16 of documents of the Razryadnyi Prikaz on Vilna under the government of the Russian voivodes (1655–1661)

37 *Kosik V.I.* (Moscow). Nationalism and its variations in the marches of the epoch («Mladorossy», or «Young Russians»)

43 *Khorev V.A.* (Moscow). «Taras Bul'ba» in Poland

54 *Leskinen M.V.* (Moscow). Ethno-cultural and linguistic classifications of peoples at the dawn of Russian ethnography in the eighteenth–nineteenth centuries. Theoretical aspects

65 *Vn Yu.Ya.* (Moscow). Some controversial problems of research on the peasant anthroponymics in the Byzantine diplomatics of the thirteenth–fifteenth centuries

75 *Kolosova V.B.* (St. Petersburg). Ethno-botanical notes V. Aconite

COMMUNICATION

75 *Dostal' M.Yu.* (Moscow). Contribution of Professor Lyudmila Pavlovna Lapteva to the Slavonic studies in Russia (to her 85th jubile)

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

83 *Tchentsova K.G.* B.I. Bojovic. Chilandar et les pays roumains (XVe–XVIIe siècle). Les actes des princes roumains des archives de Chilandar (Mont Athos). (=Textes, documents, études sur le monde byzantin, néohellénique et balkanique. Vol. 10)

87 *Kosik V.I.* И.Ф. Макарова, Болгары и Танзимат

90 *Kisselkova N.* Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského

91 *Kosik V.I.* «Портало дневное светило...» Рыцата литературна емиграция в България 1919–1944

95 *Leskinen M.V.* И.Ю. Зарнов. Подляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии

98 *Yambaev M.L.* Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XV–XX вв.

102 *Krejtin S.V.* U Schmidt Kolonisten am Schwarzen Meer

107 *Vrk T.* Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков

SCHOLARLY LIFE

110 *Akimova O.A.* XXVth Conference «Slavs and their Neighbours»

113 *Mikhail'chenko S.I., Shinakov E.A., Dostal' M.Yu.* International Conference «Russian heritage in Eastern and Central Europe»

116 *Dostal' M.Yu.* The third session of the Commission of Historians of Russia and Slovakia in 2010 ...

ANNIVERSARIES

119 *Popova T.V.* To the jubilee of Lyudmila Eduardovna Kalyni'

OBITUARIES

122 *Kalyni' L.E.* In memoriam of Maya Ivanovna Yermakova

124 *Serapionova E.P.* In memoriam of Ivan Petrovich Savitsky

126 In memoriam of Ilya Georgievich Yanu

Сдано в набор 31.03.2011 Подписано в печать 03.06.2011 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,2 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 303 экз. Зак. 1436

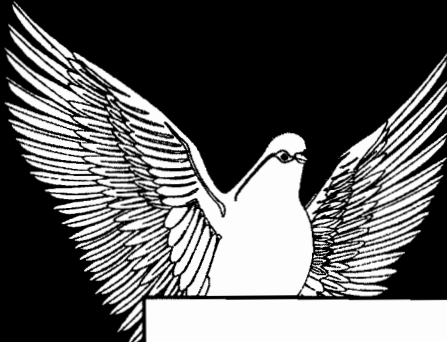
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru
Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2012
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 Российские и зарубежные газеты и журналы
2 Книги и учебники

1 ПРЕС
РОС
ИЗ
ГАЗ
ТОМ И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АПР”